Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 10 **ЖУРНАЛИСТИКА**

Издательство Московского университета

№ 4 • 2021 • ИЮЛЬ—АВГУСТ

Выходит один раз в два месяца

СОДЕРЖАНИЕ

Теория журналистики и СМИ

Вартанова Е. Л., Дунас Д. В., Гладкова А. А. Медиа и конфликты: исследование взаимовлияния в актуальном академическом дискурсе 3

Марков Е. А., Соловьева С. А. Информационные риски в системе взаимодействия власти и общества 33

История журналистики

Куликова Д. Е. Творчество Ф. М. Достоевского в оценках русской исторической прессы (1881–1917 гг.) 52

Ляпина А. В. Возникновение и развитие охотничьей периодики в дореволюционной России 85

Новые медиа

Шестерина А. М., Федосова О. А. Продвижение идей феминизма в текстах *Instagram* 114

Социология журналистики

Олешко В. Ф., Олешко Е. В., Мухина О. С. Проблема самоидентификации студентов-журналистов цифровой эпохи 135

Современная журналистика: тематика и проблематика

Пуцева М. Д. Представленность европейской культуры в эфире глобальных информационных телеканалов 158

CONTENTS

Theory of Journalism and Media

Elena L. Vartanova, Denis D. Dunas, Anna A. Gladkova. Media and Conflicts: a Study of Their Mutual Interaction in Current Academic Discourse 4

Evgeny A. Markov, Svetlana A. Solovyeva. Information Risks in the Conditions of Interaction Between Power and Society 33

History of Journalism

Daria E. Kulikova. F. M. Dostoevsky's Work in the Assessments of the Russian Historical Press (1881–1917) 52

Alina V. Liapina. Emergence and Development of Hunting Periodicals in Pre-Revolutionary Russia 85

New Media

Alla M. Shesterina, Olga A. Fedosova. Promotion of Feminist Ideas in Instagram Texts 114

Sociology of Journalism

Vladimir F. Oleshko, Evgeniy V. Oleshko, Olga S. Mukhina. The Problem of Self-Identification of Student Journalists in the Digital Age 136

Modern Journalism: Subjects and Issues

Maria D. Putseva. Representativity of European Culture on Global Television News Channels 158

© Издательство Московского университета.
«Вестник Московского университета», 2021

ТЕОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ И СМИ

Вартанова Елена Леонидовна, академик РАО, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и экономики СМИ, декан факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; e-mail: eva@smi.msu.ru

Дунас Денис Владимирович, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник кафедры теории и экономики СМИ, факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; e-mail: dunas.denis@smi.msu.ru

Гладкова Анна Александровна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник кафедры теории и экономики СМИ, факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; e-mail: gladkova_a@list.ru

МЕДИА И КОНФЛИКТЫ: ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ В АКТУАЛЬНОМ АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ[1]

В статье обсуждаются теоретические вопросы взаимовлияния медиа и конфликтов: рассматриваются теоретико-методологические подходы к изучению конфликтов, а также типы и ключевые субъекты конфликтов, ставшие предметом эмпирического исследования научных статей, опубликованных в ведущих отечественных и зарубежных академических журналах в области медиа. Выявлено, что основная роль в эскалации конфликта принадлежит таким субъектам, как медиа, власть, гражданское общество, аудиторные сообщества, конкретные индивиды. Установлено, что значимым фактором в анализе конфликта становятся этические принципы: чем они устойчивей, тем ниже вероятность развития конфликта. Это распространяется как на медиа, так и на коммуникативные практики индивидов. В дискуссии по результатам эмпирического исследования поднят вопрос о необходимости культивирования в медиа этических и моральных ценностей в соответствии с теорией коммуникативного действия Ю. Хабермаса в противовес антиценности конфликта.

Ключевые слова: *конфликт, медиа, метаанализ, субъект конфликта, этика, мораль.*

Elena L. Vartanova, Academician of the Russian Academy of Education, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Media Theory and Economics, Dean of the Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: eva@smi.msu.ru

Denis D. Dunas, PhD in Philology, Leading Researcher at the Chair of Media Theory and Economics, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: dunas.denis@smi. msu.ru

Anna A. Gladkova, PhD in Philology, Leading Researcher at the Chair of Media Theory and Economics, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: gladkova_a@list.ru

MEDIA AND CONFLICTS: A STUDY OF THEIR MUTUAL INTERACTION IN CURRENT ACADEMIC DISCOURSE

The paper discusses theoretical issues of interaction between the media and conflicts. The paper studies what types of conflict have become the subject of research by leading Russian and foreign academic journals in the field of media, on which theoretical and methodological approach the study of the conflict was based, which subjects of the conflict are key in the analyzed articles. It was revealed that the main role in the escalation of the conflict belongs to completely different actors: the media, the government, civil society or communities, specific individuals. Ethical principles become the most significant factors in conflict development. This applies both to the media and to the specific communication practices of individuals. The study of academic discourse has highlighted the fundamental importance of ethics and morality as key determinants of conflict development. The discussion raised the question of the need to cultivate ethical and moral values as opposed to the anti-value of "conflict" in accordance with the theory of communicative action by Jurgen Habermas.

Key words: *conflict, media, meta-analysis, subject of conflict, ethics, morality.*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2021.332

Введение

Природа взаимовлияния медиа и конфликта сложна и разнообразна, поскольку медиа могут выступать одновременно и противоборствующей стороной конфликта, и его инициатором, и пособником, и посредником в конфликте, и организатором, и средой эскалации конфликта (Budka, Brauchler (eds.), 2020). Освещение (и развитие) конфликтов, детерминированных медиа, с одной стороны, способствует социальному развитию и формированию

новой модели консенсуса, с другой – может привести к тяжелым последствиям для общества (Лабуш, Пую, 2019).

Традиционные подходы к рассмотрению взаимовлияния СМИ и конфликта основывались в значительной степени на представлениях о воздействии медиа на развитие международных вооруженных конфликтов, которые в цифровую эпоху приводят к гибридным информационно-психологическим войнам. В современной медиасреде очевидно усложнение природы конфликта и многоуровневость взаимодействия медиа с ним (Bodrunova, Blekanov, Smoliarova, Litvinenko , 2019).

Конфликт и медиа: теоретические подходы

Теоретическое изучение конфликта в социальных науках базируется на исходном предположении таких авторов, как К. Маркс (1960), Г. Зиммель (1996), Р. Дарендорф (1994), о том, что конфликт является неотъемлемой частью общественного развития. Социальная динамика реализуется через разрешение конфликтов, которые гарантируют эволюцию общества. В результате теория массовой коммуникации, выросшая из социологии и опирающаяся на связанную с ней парадигму эмпирико-функционализма, рассматривает конфликт как явление, имеющее неоднозначные последствия. С одной стороны, медиаисследователями признается заметный вклад конфликта в социальное развитие: поскольку идеальная сплоченность и единство в обществе невозможны, постольку медиа не могут репрезентировать массовой аудитории конструкции, не существующие в реальности (Curran, 1996: 128–129). С другой стороны, среди исследователей распространяются подходы, согласно которым конфликт дестабилизирует общество, нарушает общественный порядок и гармонию. Кроме того, конфликт противоречит изначальным представлениям о медиа как площадке для дискуссии в публичном пространстве, в котором находят отражение различные взгляды (Хабермас, 2006). Конфликт девальвирует одну из ключевых ценностей современных медиаисследований, а именно ценность консенсуса, подразумевающего, что медиа не только способствуют утверждению согласия по сложным и неоднозначным вопросам, но и устанавливают модель коммуникации, ориентированную на поиск компромисса, терпимости к альтернативным точкам зрения, то есть реализуют открытую социальную коммуникацию между членами общества, которая

лишает конфликт каких-либо оснований и целесообразности (Manning, 2001: 28).

Развитие социальных медиа не могло не привести к усложнению системы и характера коммуникации (Отечественная теория медиа, 2019: 110). Диверсификация медиаструктур, увеличение числа производителей и распространителей контента, фрагментация аудитории, разнообразие практик медиапотребления и социальных эффектов медиа – последствия становления социальных медиа в качестве новой среды общественной жизни трудно перечислить (Вартанова, 2014). Медиа стали влиятельным инструментом формирования общественного мнения и идентичности узких и даже закрытых друг от друга аудиторных сообществ, что является следствием различных ценностных, этических и даже идеологических взглядов этих сообществ (Кин, 2020). Данные явления следует рассматривать как результат социальной, культурной и поколенческой динамики, усиливающейся в результате технологического усложнения медиасреды, приводящей к столкновениям ценностей различных групп аудитории (Dunas, Vartanov, 2020).

Исследования взаимодействия медиа и конфликта ведутся по трем основным направлениям.

Первое: медиа информируют общество (и свою аудиторию) о конфликте в процессе его медиации, реализуя социально ориентированный нормативный подход (McQuail, 2005). Эта ключевая функция институционально организованных СМИ по-прежнему важна, поскольку создание глобальной, общенациональных и локальных повесток дня сохраняет свое значение, особенно в условиях социальной неопределенности и пандемии *COVID-19* (Vartanova, Gladkova, 2020). СМИ освещают самые разные конфликты: политические, военные, экологические, корпоративные и др. (Калюга, 2015; Гольбрайх, 2019; Новгородова, 2019). Однако, несмотря на инновации и трансформацию журналистики, неизменным теоретическим постулатом в медиаконфликтологии остается принцип следования этическим нормам и профессиональным кодексам (Прохоров, 2011).

Второе: медиа, как традиционные СМИ, так и социальные сети, в контексте усиливающегося процесса медиатизации приобретают все более самостоятельную роль, превращаясь в полноценных соучастников, со-конструкторов, со-организаторов, даже подстрекателей конфликта, в среду его существования. Эта особенность современной медиакоммуникации, которая сама стано-

вится пространством конфликта, превращает медиа не просто в инструмент информирования, но в полноправного субъекта конфликта, способного усиливать или ослаблять его развитие (Байчик, 2020; Кинаш, 2017; Смирнова, Шкондин, 2021; Couldry, Hepp, 2017; Hjarvard, 2013; Ndinojuo, Ihejirika, Okon, 2020).

Третье: современные медиа превратились в самостоятельную среду порождения тех конфликтов, которые изначально отсутствовали или присутствовали латентно в социальной среде, но в результате изменения медиапотребления/медиаактивности аудитории приобрели новые проявления, статус и субъектность (Вартанова, Гладкова, Дунас, 2021; Тышецкая, 2021; Dunas, Vartanov, 2020). Это связано со свойством социальных медиа формировать в виртуальном пространстве средовые и пространственные характеристики по типу социальной системы. В результате виртуальное пространство порождает самореферентные сущности, среди которых мы выделяем и конфликты, рожденные в виртуальной медиатизированной среде, экстраполированные при этом в физическое пространство реального социума.

Выявление взаимосвязей медиа и конфликта дают основание говорить о таком важном измерении конфликта, как его многоуровневость и многоаспектность. Конфликт в современном обществе – это уже не только война или вооруженное противостояние, освещаемое в СМИ, но и конфликты между противостоящими друг другу социальными группами и индивидами, их интересами и ценностями, находящими самое разное понимание в системе коммуникации современного общества (Вартанова, 2021; Ugwuoke, Erubami, 2021).

Методика исследования

На основании изучения теоретической литературы были сформулированы три исследовательских вопроса, на которые авторы попытались ответить в ходе эмпирического исследования.

ИВ1: Какие типы конфликта стали предметом изучения авторов статей в ведущих отечественных и зарубежных академических изданиях в области медиаисследований?

ИВ2: На каком теоретико-методологическом подходе (социально или медиаориентированном) базировалось исследование конфликта?

ИВ3: Какие субъекты конфликта являются ключевыми в анализируемых статьях?

В качестве методики эмпирического исследования был выбран метаанализ, в ходе которого были выделены основные группы российских и зарубежных академических журналов. В них были выявлены статьи, посвященные анализу взаимовлияния конфликта и медиа, изучены их заголовочные комплексы, аннотации и ключевые слова.

В первую группу журналов включены топ-5 российских изданий по рейтингу *Science Index* Российского индекса научного цитирования (в тематической группе «Массовая коммуникация. Журналистика. Средства массовой информации» за период 2015–2020 гг.). Список сформировали следующие журналы: «Медиаскоп», «Вестник Томского государственного университета. Филология», «Вопросы теории и практики журналистики», «Коммуникативные исследования», «Научная периодика: проблемы и решения». Выборочную совокупность составили 1 753 статьи.

Во вторую группу вошли топ-5 зарубежных академических изданий (по индикатору *Scimago Journal & Country Rank* в разделе «Коммуникация»). В этот список вошли журналы *Political Communication, Journal of Advertising, Journal of Communication, Big Data and Society, Applied Linguistics.* Выборочная совокупность – 1 565 статей. Таким образом, всего просмотрено было 3 318 статей в ведущих отечественных и зарубежных журналах.

Оба рейтинга – *Science Index* Российского индекса научного цитирования и *Scimago Journal & Country Rank* сопоставимы, поскольку являются наиболее авторитетными измерителями рейтинга научного журнала в современной наукометрической системе в России и за рубежом соответственно. Период исследования и область поиска остались те же.

Тема конфликта в отечественном академическом медиадискурсе

В ведущих академических российских журналах тема конфликта рассматривается нечасто (0,6% от общей выборочной совокупности), однако с разных точек зрения, с фокусом на различные субъекты. Из десяти вошедших в репрезентативную выборку статей только три относятся к теме вооруженного политического конфликта, остальные семь исследуют темы этнополитического,

религиозного, экологического конфликтов, глобальных конфликтов современности, конфликтов в студенческой коммуникации, конфликтных ситуаций в речи, а также конфликтов между гражданским обществом и медиа (см. табл. 1, далее в скобках указывается номер статьи в этой таблице).

Теоретической основой изучения всех перечисленных видов конфликта является социально ориентированный подход, предполагающий, что медиа, репрезентируя конфликт, участвуют в его медиации (McQuail, 2005). Социально ориентированный подход исходит из предпосылки о предопределении массово-коммуникационных процессов макропроцессами, то есть процессами более общего порядка – политическими, экономическими, антропологическими, технологическими, культурными и т. д. Центральное внимание уделяется всем сферам, институтам и процессам функционирования общества, способным оказать влияние на медиа.

Таблица 1

Тема конфликта в освещении ведущих российских журналов

№	Автор	Сведения о публикации	Теоретические подходы, обозначенные автором	Эмпирический объект
1	Казаков А. А.	Атрибутивные повестки дня и фреймы «Российской газеты» и «Новой газеты» в контексте методов воздействия на аудиторию (на примере освещения конфликта на юго-востоке Украины) // Медиаскоп. 2015. Вып. 2.	Теория установления повестки дня, фрейминг	«Российская газета», «Новая газета»
2	Гольбрайх В. Б.	Экологический конфликт на российском телевидении: дискурсивные возможности протестного движения // Медиаскоп. 2015. Вып. 3.	Социальный конструкционизм, социология конфликта	«Первый канал», НТВ

Продолжение таблицы 1

3	Хруль В. М.	Конфликт повесток: религиозная жизнь Крыма и ее освещение в местных печатных и интернет-СМИ // Медиаскоп. 2017. Вып. 2.	Теория установления повестки дня	«Крымский телеграф», «Крымская правда», «Крымская газета», «Крым Информ» (информационное агентство), kerch.com.ru (интернет-СМИ), kerch.fm (интернет-СМИ), «Форпост» (интернет-СМИ), «Новости Крыма» (интернет-СМИ)
4	Якова Т. С.	Массмедиа и конфликты современного мира // Медиаскоп. 2018. Вып. 4.	Концепция миротворческой журналистики; подход мирного урегулирования конфликтов (метод Галтунга)	USA Today, CNN, The New York Times, The Guardian, The Independent, Daily Express, Sunday Express, Mirror, The Daily Star Sunday, El Pais, Liberation, Le Monde
5	Новгородова А. И.	Отражение иракских конфликтов в The New York Times (на примере освещения двух операций (1991, 2003 гг.) в Персидском заливе) // Медиаскоп. 2020. Вып. 1.	Медиатизация конфликта	The New York Times
6	Иванцова Е. В., Черных З. В.	Нарушение норм речевого поведения как причина конфликтов в студенческой коммуникации // Вестн. Томск. гос. ун-та. Филология. 2016. № 5 (43). С. 31–45.	Речевой конфликт, речевой этикет	Диктофонные записи 186 конфликтных эпизодов в спонтанной устной речи студенчества г. Томска
7	Костарева Е. В., Стринюк С. А.	Концепт «Североирландский конфликт» («The Troubles»): методика исследования и репрезентация на материале медийного и художественного дискурсов // Вестн. Томск. гос. ун-та. Филология. 2017. № 48, С. 19–47.	Лингвокогнитивный анализ, анализ на стыке медийного и художественного дискурсов	Романы: Р. М. Уилсон «Улица Эрика», Ш. Дин «Чтение в темноте», Г. Паттерсон «Отель Интернешнл»; 245 текстов передовиц рубрики Opinion газеты The Irish Times за 1996 г.

Окончание таблицы 1

8	Иванцова Е. В.	Речевое поведение диалектной языковой личности в конфликтных ситуациях // Вестн. Томск. гос. ун-та. Филология. 2020. № 66, С. 26–44.	Конфликтология, когнитивно-дискурсивный подход к исследованию языковой личности в коммуникативном аспекте	Материалы авторского архива идиолектного дискурса сибирской крестьянки В.П. (1909 г. рождения, русской, малограмотной), собранные методом включения в языковое существование говорящего. Общий объем дешифрованных аудиозаписей составляет около 10 000 страниц печатного текста
9	Оводова С. Н., Жигунов А. Ю.	Война сообществ: репрезентация конфликта в урбанистическом дискурсе // Коммуникативные исследования. 2018. № 4 (18). С. 112–127.	Лингвистический и социологический подходы к изучению дискурсивного пространства; структурный и функциональный анализ урбанистического дискурса	Более 1 000 текстов региональных СМИ г. Омска: «Коммерческие вести», «12 канал», «Ом1», «Город-55», «Омск-Информ», «БК-55», «ВОмск», «Омск здесь», «СуперОмск; и 16 глубинных интервью с представителями сообществ городских активистов
10	Горбачева Е. Н., Дубенец Н. Б.	Выражение обвинения в американском дипломатическом дискурсе в ситуации международного конфликта // Коммуникативные исследования. 2019. № 4 (6). С. 990–1002.	Дипломатический дискурс, конфликт в теории международных отношений	Тексты выступлений дипломатических представителей США Никки Хейли, Джонатана Коэна и Рекса Тиллерсона

Источник: составлено авторами, 2021

Вооруженный конфликт на юго-востоке Украины исследован на примере материалов «Российской газеты» и «Новой газеты» (№ 1). В качестве основных теоретических концепций были выбраны теория установления повестки дня и фрейминг. Субъектами

конфликта стали медиа, которые формируют различные противоречивые медиаповестки (Казаков, 2015). В данном случае было установлено, что медиакоммуникационные практики способствуют не разрешению, а дальнейшему разжиганию конфликта. Власть и аудитория как субъекты конфликта остаются вне фокуса основного рассмотрения, так как отстаивание правомерности конфликта и утверждение собственной позиции – основное целеполагание противоборствующих сторон.

На примере новостных материалов «Первого канала» и НТВ выявлено, что протестное движение, «драматизируя ситуацию», добилось привлечения внимания телеканалов к конфликту вокруг проекта дороги (№ 2). Резонанс федеральных властей смог усилить «дискурсивные возможности» защитников Химкинского леса (Гольбрайх, 2015). Субъектами конфликта в статье выступают власти и гражданское общество, однако репрезентация их взаимоотношений не была подчинена логике сотрудничества и взаимодействия, что могло соответствовать нормативной модели (McQuail, 2005).

На основе анализа крымских СМИ (№ 3) сделан вывод о политизации религии и фольклорно-праздничном интересе к ней. Отмечено влияние государства и политических субъектов на журналистскую деятельность, что, по мнению автора, сказалось на формировании медийной повестки дня (Хруль, 2017). Медиапространство предстает полем, где сталкиваются конфликтующие повестки, детерминированные политическими субъектами. Взаимодействия власти и граждан в достижении единого понимания не обнаружено.

Вывод, который сделан на примере освещения зарубежными (европейскими и американскими) массмедиа современных конфликтов (№ 4) можно экстраполировать на практики медиатизации конфликта всех видов и уровней. Медиакоммуникационное освещение не соответствует концепции «журналистики мира» (Galtung, 2002): делается акцент на насилии, агрессии, вражде, на всех тех событиях, которые ассоциируются с политическими и военными акциями противника, на угрозах разрастания войны, нагнетаются агрессивные настроения в обществе. Медиа становятся субъектами конфликта, субъектами «журналистики войны», поскольку их ролевое поведение оказывает существенное влияние на развитие конфликтной ситуации (Якова, 2018).

Освещение двух военных операций (1991, 2003 гг.) в Персидском заливе газетой *The New York Times* представляет достаточно сбалансированную и убедительную картину событий (№ 5). Газета стремится к относительному балансу – публикует нейтральные, положительные и отрицательные материалы о событиях. Освещение конфликта качественной американской газетой в соответствии с этическими принципами объективности лишает медиа субъектности (Новгородова, 2020).

Академически интересной темой стало изучение нарушения норм речевого поведения как причины конфликтов в студенческой коммуникации (№ 6). Были изучены 186 конфликтных эпизодов в спонтанной устной речи студентов г.Томска, записанные авторами статьи на диктофон. Исследователи установили, что в бытовом дискурсе равных по статусу участников общения конфликтогенным становится ненормативное речевое поведение, связанное с несоблюдением норм морали и принципа вежливости. Субъект конфликта в анализируемом кейсе – сами студенты как конфликтующие стороны, фактором эскалации конфликта можно считать несоблюдение этических норм (Иванцова, Черных, 2016).

В результате лингвокогнитивного и концептуального анализа на стыке медийного и художественного дискурсов романов (Р. М. Уилсон «Улица Эрика», Ш. Дин «Чтение в темноте», Г. Паттерсон «Отель Интернешнл»), а также 245 текстов передовиц рубрики *Opinion* газеты *The Irish Times* за 1996 г. было установлено, что «североирландский конфликт» может преломляться в авторском сознании, отражать индивидуальные ценности, трансформируя таким образом идеи конфликта в соответствии с личным мироощущением авторов (№ 7). При этом исследуемый концепт представлен универсальным ментальным образованием, отражающим общие этнические ценности (Костарева, Стринюк, 2017). Субъектами конфликта выступают авторы художественных и медийных текстов.

Исследование языковой личности в коммуникативном аспекте в русле теории конфликтологии и когнитивно-дискурсивного подхода было проведено на материалах архива идиолектного дискурса сибирской крестьянки (№ 8). Статья зафиксировала межличностные конфликты в бытовой сфере. Наиболее частотными оказались поведенческие конфликты (или конфликты с поведен-

ческой составляющей), что свидетельствует об ориентации на этические нормы как мотивационной доминанте личности. Субъектами конфликта выступают участники коммуникации, а этические принципы вновь демонстрируют свою актуальность и ключевую роль (Иванцова, 2020).

Лингвистический подход к изучению дискурсивного пространства, а также структурный и функциональный анализ урбанистического дискурса были применены при рассмотрении более одной тысячи текстов региональных СМИ города Омска (№ 9). Установлено, что конфликт сообществ, актуализированный в урбанистическом дискурсе, связан с дифференциацией взглядов, когнитивных представлений о городе. В условиях полярных точек зрения гражданское общество испытывает трудности в конструктивном решении проблем современного города. Субъектами конфликта становятся различные сообщества активистов, а также конкретные медиа, представляющие те или иные точки зрения (Оводова, Жигунов, 2018).

Анализ текстов выступлений дипломатических представителей США Никки Хейли, Джонатана Коэна и Рекса Тиллерсона (№ 10) показал, что обвинение как особый тип медиатекста в американском дипломатическом дискурсе может манифестировать международный конфликт. Актуализируя, с одной стороны, имеющиеся противоречия между странами, а с другой – негативные образы одних стран и превосходство над ними других, текст обвинения служит орудием информационно-психологической войны в рамках американского дипломатического дискурса (Горбачева, Дубенец, 2019). Субъектами конфликта в этом случае являются дипломаты.

Таким образом, анализ субъектности конфликтов, анализируемых в отечественном академическом медиадискурсе, позволяет заключить, что ключевая роль в эскалации конфликта может принадлежать разным участникам: медиа, власти, гражданскому обществу или сообществам, конкретным индивидам. Следует обратить внимание на разнообразие теоретических подходов, не позволяющее выделить какую-либо одну доминирующую концепцию. Это, возможно, свидетельствует о еще не сложившихся теоретико-методологических подходах к теме конфликта в отечественных медиаисследованиях.

Наиболее значимым фактором в развитии конфликта становятся этические принципы: чем они устойчивее, тем ниже вероятность развития конфликта. Это относится как к медиа (чем качественнее издание, тем нейтральнее и миролюбивее конфликтная повестка), так и к конкретным коммуникативным практикам авторов.

Тема конфликта в зарубежном академическом медиадискурсе

В англоязычных высокорейтинговых академических изданиях тема конфликта в течение пяти лет исследовалась 12 раз, что составляет 0,8% от общей выборочной совокупности. Преобладают публикации, в которых конфликтным представляется международное вооруженное противостояние (отмечено в восьми публикациях). К другим разновидностям конфликта можно отнести внутриполитический конфликт, коммуникативный конфликт в среде иммигрантов и беженцев, а также конфликт идентичности в межкультурной коммуникации. Теоретическая методология зарубежных исследований чаще всего базируется на медиаориентированном подходе, поскольку многие труды исследуют эффекты медиатизации конфликта и его влияние на аудиторию, а также рассматривают коммуникационные практики как среду воспроизводства конфликта, учитывая влияние на идеологические верования молодежи, на дружбу в *Facebook*, на репост новостей и др. (см. табл. 2, далее в скобках указывается номер статьи в этой таблице).

Представители медиаориентированного подхода в своих исследованиях исходят из тезиса об относительной автономности медиа в структуре общества. Медиа являются не просто посредниками между действительностью и индивидами, они представляют собой самостоятельное поле – смысловое, политическое, экономическое и т. д. Это поле обладает влиянием и может воздействовать на реальную жизнь: на институты общества, на человека. Так, медиа можно рассматривать как источник социальных изменений. Фокус в исследовании такого типа – контент СМИ и технологические способы его доставки. Медиаориентированные подходы не только признают за каждым конкретным СМИ / медиа способность транслировать социокультурные идеи, смыслы, ценности, но и самостоятельно формировать культуру посредством единиц медиаконтента.

Таблица 2

Тема конфликта в освещении ведущих зарубежных журналов

№	Автор	Сведения о публикации	Теоретические подходы, обозначенные автором	Эмпирический объект
1	Rico Neumann	(Рецензия) Transforming Media Coverage of Violent Conflicts: The New Face of War, by Zohar Kampf and Tamar Liebes, Political Communication. 2015	Концепция гражданской журналистики	Skynews, Daily Mail, The Telegraph, CNN, BBC News, CBS News, The Guardian, Los Angeles Times, Channel 4, antiwar.com, newssafety.org, haaretz.co.il, btselem.org, atzuma.co.il, e.walla.co.il, mako.co.il, ynet.co.il, nrg.co.il
2	Nathan P. Kalmoe	(Рецензия) Mixed Emotions: Beyond Fear and Hatred in International Conflict, by Andrew A. G. Ross, Political Communication. 2015	Концепция «эмоционального заражения»	Публикации СМИ США о теракте 11 сентября 2001 г., терактах в Мадриде 2004 г., вооруженных конфликтах в бывшей Югославии и Руанде
3	Shira Dvir Gvirsman, L. Rowell Huesmann, Eric F. Dubow, Simha F. Landau, Paul Boxer, Khalil Shikaki	The Longitudinal Effects of Chronic Mediated Exposure to Political Violence on Ideological Beliefs About Political Conflicts Among Youths, Political Communication. 2016	Концепция раскручивания спирали	Интервью с жителями Палестины и Израиля (в каждом случае интервью было проведено по отдельности с ребенком и его родителем)
4	Nathan P. Kalmoe, Joshua R. Gubler, David A. Wood	Toward Conflict or Compromise? How Violent Metaphors Polarize Partisan Issue Attitudes, Political Communication. 2018; 35:3, 333-352	Концепция фрейминга	Онлайн-опрос 1 653 совершеннолетних жителей США разного пола, возраста, расы, уровня образования, дохода и политических взглядов

Продолжение таблицы 2

5	Matthew A. Baum, Yuri M. Zhukov	Media Ownership and News Coverage of International Conflict, Political Communication. 2019	Концепция фрейминга	591 532 публикации о военных операциях, проводимых США в Ливии, Ираке, Афганистане и Косово, опубликованных в 2 505 газетах 116 стран
6	Eric Merkley	Are Experts (News)Worthy? Balance, Conflict, and Mass Media Coverage of Expert Consensus, Political Communication. 2020	Концепция фрейминга	280 тыс. публикаций на информационных порталах Lexis и LexisNexis Academic
7	Nicholas A. John, Shira Dvir-Gvirsman	"I Don't Like You Any More": Facebook Unfriending by Israelis During the Israel-Gaza Conflict of 2014, Journal of Communication. 2015	Концепция эхо-камер	Опрос 1 013 жителей Израиля, пользующихся Facebook
8	Christian Baden, Keren Tenenboim-Weinblatt	Convergent News? A Longitudinal Study of Similarity and Dissimilarity in the Domestic and Global Coverage of the Israeli-Palestinian Conflict, Journal of Communication. 2017	Концепция медиаконвергенции	Более 200 тыс. публикаций о конфликте между Израилем и Палестиной в 13 ведущих СМИ Израиля, Палестины, а также в международных СМИ за 10 лет
9	Sebastián Valenzuela, Martina Piña, Josefina Ramírez	Behavioral Effects of Framing on Social Media Users: How Conflict, Economic, Human Interest, and Morality Frames Drive News Sharing: Framing Effects on News Sharing, Journal of Communication. 2017	Концепция фрейминга	Публикации на шести новостных сайтах Чили: Emol.cl, LaTercera.com, LaSegunda.com, BioBioChile.cl, Cooperativa.cl, 24Horas.cl, а также десять полуструктурированных глубинных интервью с журналистами и редакторами социальных СМИ Чили

Окончание таблицы 2

10	Yun Tai, King-wa Fu	Specificity, Conflict, and Focal Point: A Systematic Investigation into Social Media Censorship in China, Journal of Communication. 2020	Концепция фрейминга	Публикации на WeChat
11	Cynthia J. White	Agency and Emotion in Narrative Accounts of Emergent Conflict in an L2 Classroom, Applied Linguistics. 2018	Теория социальных агентов	Случаи конфликтов в классе иностранного языка для иммигрантов и беженцев
12	Stephen J. Moody	Fitting in or Standing out? A Conflict of Belonging and Identity in Intercultural Polite Talk at Work, Applied Linguistics. 2018	Интерактивная социолингвистика, теория социальной идентичности	Записи разговоров американских интернов в Японии и интервью

Источник: составлено авторами, 2021

При анализе материалов зарубежных СМИ *(Skynews, Daily Mail, The Telegraph, CNN, BBC News, CBS News, The Guardian, Los Angeles Times, Channel 4* и др.) делается вывод о смещении фокуса с одних субъектов военных конфликтов (власть, политики, генералы армии) на других акторов (журналист-участник событий, террористы, вражеские лидеры, обычные люди) (№ 1). Подтверждается теоретическое положение о том, что зарубежные медиа перестали быть «рупором правительства» при освещении военных конфликтов, превратившись в более независимых участников событий (Neumann, 2015).

При анализе публикаций американских СМИ о теракте 11 сентября 2001 г., терактах в Мадриде в 2004 г., вооруженных конфликтах в бывшей Югославии и Руанде было установлено социальное происхождение эмоций и описана природа циркуляции эмоций в обществе (№ 2). Аудитория испытывает схожие эмоции, подвергаясь воздействию объектов, вызывающих эмоции, а также влиянию эмоций людей из своего окружения. Субъектом конфликта выступает аудитория медиа, которая испытывает определенные негативные эмоции и «заражает» ими других людей из своего окружения, участвуя тем самым в развитии конфликта (Kalmoe, 2015).

Высокий уровень медиапотребления среди детей и подростков влияет на их восприятие политических конфликтов, делая их

суждения более категоричными и, возможно, усиливая поддержку военных действий. Такой вывод был сделан в результате проведенных интервью с жителями Палестины и Израиля (№ 3). В данном случае субъектом конфликта формально выступает аудитория медиа, но ключевым фактором эскалации конфликта – особенности и интенсивность медиапотребления аудитории (Gvirsman, Huesmann, Dubow, Landau at. al., 2016).

Анализ материала, собранного в ходе онлайн-опроса 1 653 совершеннолетних жителей США, показал, что при высоком индивидуальном уровне агрессии участников использование агрессивных метафор в политических дискуссиях приводит к ужесточению позиций (№ 4). Выявлены скрытая сила агрессивного общественного мнения, характер поляризации, значимость индивидуальных различий как факторов, влияющих на развитие конфликта (Kalmoe, Gubler, Wood, 2018).

Масштабное исследование проведено на материале 591 532 публикаций о военных операциях, проводимых США в Ливии, Ираке, Афганистане и Косово, опубликованных в 2 505 газетах 116 стран (№ 5). Было выявлено, что медиа, принадлежащие одному владельцу, оказывают гомогенизирующий эффект на характер освещения событий внешней политики. Конкурентное давление на рынке может смягчить этот эффект и побудить отдельные издания разнообразить контент (Baum, Zhukov, 2019).

На основе изучения 280 тыс. публикаций на информационных порталах *Lexis* и *LexisNexis Academic* ставится вопрос о субъективности академического сообщества как экспертного сообщества в публикациях, посвященных конфликтам (№ 6). Интервью с экспертами часто включают в новостные публикации, однако нередко их просят дать политический комментарий, не имеющий отношения к научным исследованиям (Merkley, 2020).

В ходе опроса 1 013 жителей Израиля, пользовавшихся *Facebook* во время конфликта с Палестиной в 2014 г., было выявлено, что чаще всего пользователи удаляли из друзей тех, с кем их связывали «слабые связи» (№ 7). Это заключение встраивается в актуальный сегодня дискурс о культуре исключения и эхо-камерах (John, Dvir-Gvirsman, 2015). Субъектом конфликта выступает аудитория медиа.

Изучение более 200 тыс. публикаций о конфликте между Израилем и Палестиной в 13 ведущих СМИ Израиля, Палестины, а также международных СМИ в течение десяти лет выявило после-

довательную тенденцию к контекстно зависимой «конвергенции новостей», а также унификацию интерпретаций важнейших конфликтных событий (№ 8). Медиа становятся субъектами конфликта, предоставляя аудитории «окрашенные» новости, которые та ожидает (Baden, Tenenboim-Weinblatt, 2017).

На основе изучения поведения аудитории социальных медиа в Чили было установлено, что морально-нравственный фрейм способствует распространению новостей среди пользователей социальных сетей, а конфликтный фрейм и негативный фокус на каких-либо проблемах, например на экономических последствиях, снижает распространение публикаций (№ 9). Выявлен разрыв между фреймами, предпочитаемыми журналистами и аудиторией. Установлено, что субъектом конфликта становится негативный новостной фрейм (Valenzuela, Piña, Ramírez, 2017).

Исследование постпубликационной цензуры в Китае на примере *WeChat* подтвердило: узконаправленность публикации повышает вероятность того, что она попадет под цензуру (№ 10). Статьи о международной торговле, которые содержат сообщения о конфликтах или даже идеи, поддерживающие режим, также запрещаются цензорами. Субъектами конфликта становятся категоричные высказывания и убеждения, сфокусированные мнения представителей аудитории (Tai, Fu, 2020).

При изучении случаев конфликтов в классе иностранного языка для иммигрантов и беженцев выявлена взаимосвязь между эмоциональной позицией учащихся и их самостоятельностью, а также вовлеченностью в изучение иностранного языка (№ 11). Субъектами конфликта являются учащиеся, драйверами эскалации конфликта – отсутствие самостоятельности и вовлеченности в образовательный процесс (White, 2018).

Анализ записей разговоров американских интернов в Японии выявил их стремление соответствовать нормам вежливости и формального общения в Японии. Однако это привело к тому, что они, напротив, стали подчеркивать свою непринадлежность к данному обществу (№ 12). Субъектами конфликта в исследуемой межкультурной коммуникации становятся сами индивиды, представляющие различные культуры, фактором развития конфликта – стремление копировать нормы другой социокультурной среды (Moody, 2018).

В результате проведенного исследования можно заключить, что международный вооруженный политический конфликт является

ключевым, но не единственным событием как информационной, так и академической повестки. Выявленные в зарубежном академическом дискурсе субъекты конфликта многоуровневы: ключевую роль по-прежнему играют сами медиа, их аудитория, медиасобственники, политическая власть. Факторами эскалации конфликта становятся этически некорректные точки зрения, представленные в форме категоричных и догматичных суждений, мнений, высказываний. Концепция фрейминга очевидно лидирует среди теоретических подходов при изучении конфликта.

Анализ как зарубежного, так и отечественного академического дискурса, посвященного теме конфликта, выявляет принципиальную важность этики и морали как ключевых детерминант, определяющих развитие конфликта. Эти детерминанты применимы для любого уровня и типа конфликта – от международного, вооруженного до межличностного, бытового. Пренебрежение нормами этики и морали приводит к интенсификации конфликта. Таким образом, взвешенное и сбалансированное осмысление исследовательским сообществом темы конфликта в условиях медиатизации социальной реальности приобретает большое значение.

Дискуссия и заключение

В современных социальных конфликтах медиа играют самые разные роли: информаторов, соучастников, производителей социального конфликта. Они выступают и инструментом распространения конфликта, и пространством его существования, и средой его порождения. При этом, преодолевая границы институционально, профессионально и индустриально организованных сфер социальной коммуникации, цифровые медиакоммуникации позволили акторам напрямую вступать в конфликтную коммуникацию, используя организационный и мобилизационный потенциал Интернета и новых технологических цифровых платформ (Eskjaer, Hjarvard, Mortensen (eds.), 2015). В условиях доминирования социальных медиа и цифровых платформ в структуре медиапотребления граждан, а также присущей им способности конструирования опосредованной медиакоммуникационными технологиями реальности именно они попадают в фокус академического интереса с точки зрения развития конфликта.

Медиакоммуникации стали средой порождения и существования конфликта, в которую вовлечены одновременно несколько

субъектов (см. табл. 1, 2). Такими субъектами выступают: 1) институционально организованные СМИ, участвующие в формировании массовой информационной повестки, независимо от того, действуют они в интересах национального государства или других политэкономических элит, и 2) социальные медиа, представленные своей аудиторией (гражданами, пострадавшими в результате конфликтов или ставшими свидетелями, наблюдателями, очевидцами, которые не вовлечены в конфликт напрямую, но имеют о нем представление).

В результате анализа отечественного и зарубежного академического дискурса о конфликте было выявлено, что медиакоммуникационное взаимодействие субъектов конфликта предполагает вовлечение различных агентов конфликта, однако часто речь не идет о конструктивном взаимодействии.

Представленная во всех анализируемых статьях медиакоммуникационная модель далека от идеальной, поскольку лишена главного – разделяемого всеми участниками коммуникационного процесса этического и морального понимания цели коммуникации, в том числе в условиях конфликта. Зачастую в исследованиях предлагается описание одного ключевого субъекта конфликта и его целеполаганий, однако не учитывается целостная и сложная природа конфликта, не рассматриваются позиции всех субъектов (и их роли) во взаимодействии друг с другом в условиях конфликта. Академический дискурс изучения конфликта представляется неоднородным, особенно в отечественных медиаисследованиях. С одной стороны, ощутимо влияние политологических и социологических подходов, рассматривающих конфликт нейтрально, как факт действительности; с другой стороны, очевидны философские и медиаисследовательские подходы, которые предполагают рассмотрение конфликта с позиций морали и этики, в ценностном аспекте. При таком рассмотрении конфликт представляет собой антиценность, ему противопоставляется достижение мира, согласия и благополучия.

Большинство статей из анализируемой выборки не опирались на морально-этическую компоненту и рассматривали ценность конфликта через призму его информационной ценности, а не через призму ценности мира (вопросы морали и этики артикулированы только в четырех анализируемых статьях, см. № 1, 6, 8 в табл. 1 и № 9 в табл. 2). Как показывает исследование, конфликту редко дается критическая оценка. Это объясняется тем, что академическим

сообществом он зачастую воспринимается как естественное проявление общественной жизни, в соответствии с теоретическими подходами к социальному конфликту, а также как профессиональный стандарт журналистики, поскольку именно конфликт определяет информационную ценность содержания СМИ.

Между тем теоретико-методологический дискурс конфликта требует выработки новой нормативности, адекватной междисциплианарным подходам к его природе, нормам освещения и учета медиаэффектов. В случае с конфликтом целью должно быть его разрешение и прекращение, устранение противоречий в пользу человеческой жизни, мира и благополучия. Ю. Хабермас подчеркивал, что в основе целеполагания любой коммуникационной модели должна находиться мораль (Хабермас, 2006). Он предложил оригинальную модель коммуникационного процесса, эффектом которого является определенное коммуникативное действие, основанное на моральном сознании. Целью коммуникации как социального действия является соглашение его участников по вопросам достижения совместных целей в определенной ситуации.

Коммуникативное действие позволяет принципиально по-новому рассматривать социальную коммуникацию. Хабермас сделал вывод о необходимости реализации коммуникативного действия на уровне стратегического управления обществом, придания ему статуса государственной и общественной идеологии. Отказ от других моделей коммуникации в пользу модели коммуникативного действия поможет создать новые формы социального управления не только коммуникационными потоками, но и всем обществом.

Это философское положение соответствует нормативной модели журналистики (Прохоров, 2011; McQuail, 2005), в которой соблюдение не только профессиональных, но и этических норм является основополагающим принципом профессии. Полагаем, что конфликт в нормативной теории журналистики – это не ценность, а антиценность, препятствующая сбалансированному функционированию общества, всей социальной системы.

Таким образом, можно заключить: на основе проведенного теоретического и эмпирического анализа академического дискурса выявлено, что в нем фактически отсутствует осмысление конфликта как антиценности. Исследователи обращают внимание на тип коммуникации, который ориентирован не на понимание позиции другого коммуниканта, а на утверждение позиции самого коммуникатора, а также на тип коммуникации, который не ориентирован на

гуманистические эффекты общечеловеческого масштаба. Выявленные субъекты конфликта различаются по уровню и типу; доминируют представления о медиа как субъекте (субсубъектами выступают собственники СМИ, журналисты, аудитория, медиапотребление), а также о политической власти как субъекте (субсубъектами выступают политики, дипломаты, граждане).

Направлением дальнейшего осмысления конфликтов в академическом поле медиаисследований следует считать фокус на этике и морали – ключевых драйверах деэскалации конфликта, проявляемых на всех его уровнях и значимых для любых его видов и субъектов. Именно такой подход требует теоретической проработки и концептуализации.

Примечания

[1] Исследование выполнено в рамках Программы развития Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Библиография

Байчик А. В. Массмедиа. Ценности. Конфликт. СПб.: Изд-во РХГА, 2020.

Вартанова Е. Л. Медиа и социальный конфликт: к вопросу о двойственной природе взаимосвязи // Журналистика в 2020 году: творчество, профессия, индустрия. М.: Фак. журн. МГУ, 2021. С. 307–309.

Вартанова Е. Л. Постсоветские трансформации российских СМИ и журналистики. М.: МедиаМир, 2014.

Вартанова Е. Л., Гладкова А. А., Дунас Д. В. «Конфликт» в актуальных медиаисследованиях: проблемно-тематическое поле в отечественном и зарубежном академическом дискурсе // Медиа в современном мире. 60-е Петербургские чтения: сб. мат. Междунар. науч. форума (30 июня – 2 июля 2021 г.): в 2 т. Т. 2. / отв. ред. *А. А. Малышев*. СПб.: Медиапапир, 2021. С. 133–135.

Гольбрайх В. Б. Экологический конфликт на российском телевидении: дискурсивные возможности протестного движения // Медиаскоп. 2015. Вып. 3. Режим доступа: http://mediascope.ru/1774 (дата обращения: 22.07.2021).

Гольбрайх В. Б. Социальные медиа в локальных экологических конфликтах // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Социология. 2019. Т. 12. Вып. 4. С. 368–384. DOI: https://doi.org/10.21638/spbu12.2019.405

Горбачева Е. Н., Дубенец Н. Б. Выражение обвинения в американском дипломатическом дискурсе в ситуации международного конфликта //

Коммуникативные исследования. 2019. № 4 (6). С. 990–1002. DOI 10.24147/2413-6182.2019.6(4).990-1002

Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 142–147.

Зиммель Г. Избранное. Т. 1, 2. М.: Юрист, 1996.

Иванцова Е. В. Речевое поведение диалектной языковой личности в конфликтных ситуациях // Вестн. Томск. гос. ун-та. Филология. 2020. № 66. С. 26–44. DOI: 10.17223/19986645/66/2

Иванцова Е. В., Черных З. В. Нарушение норм речевого поведения как причина конфликтов в студенческой коммуникации // Вестн. Томск. гос. ун-та. Филология. 2016. № 5 (43). С. 31–45. DOI: 10.17223/19986645/43/3

Казаков А. А. Атрибутивные повестки дня и фреймы «Российской газеты» и «Новой газеты» в контексте методов воздействия на аудиторию (на примере освещения конфликта на юго-востоке Украины) // Медиаскоп. 2015. Вып. 2. Режим доступа: http://mediascope.ru/1706 (дата обращения: 22.07.2021).

Калюга А. А. Освещение прессой кризиса в Украине // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2015. № 1 (19). С. 61–66.

Кин Дж. Демократия и декаданс медиа. М.: ИД ГУ ВШЭ, 2020.

Кинаш Ю. С. Роль СМИ и «новых медиа» в современных политических конфликтах // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. 2017. № 4. DOI: 10.18384/2224-0209-2017-4-831

Костарева Е. В., Стринюк С. А. Концепт «Североирландский конфликт» («The Troubles»): методика исследования и репрезентация на материале медийного и художественного дискурсов // Вестн. Томск. гос. ун-та. Филология. 2017. № 48. С. 19–47. DOI: 10.17223/19986645/48/2

Лабуш Н. С., Пую А. С. Медиатизация экстремальных форм политического процесса: война, революция, экстремизм. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019.

Маркс К. Гражданская война во Франции // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 17. М.: ГИЗ полит. лит., 1960. С. 317–370.

Новгородова А. И. Освещение войны 2003 года в Ираке в материалах «Нью-Йорк Таймс» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2019. № 3. С. 141–162. DOI: 10.30547/vestnik.journ.3.2019.141162

Новгородова А. И. Отражение иракских конфликтов в *The New York Times* (на примере освещения двух операций (1991, 2003 гг.) в Персидском заливе) // Медиаскоп. 2020. Вып. 1. Режим доступа: http://www.mediascope.ru/2600 (дата обращения: 22.07.2021). DOI: 10.30547/mediascope.1.2020.4

Оводова С. Н., Жигунов А. Ю. Война сообществ: репрезентация конфликта в урбанистическом дискурсе // Коммуникативные исследования. 2018. № 4 (18). С. 112–127. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.112-127

Отечественная теория медиа: основные понятия. Словарь / под ред. *Е. Л. Вартановой*. М.: Фак. журн. МГУ; Изд-во Моск. ун-та, 2019.

Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики: учебник для студентов вузов. 8-е изд., испр. М.: Аспект Пресс, 2011.

Смирнова О. В., Шкондин М. В. Исследования медиа и журналистики в контексте конфликтологии: системно-теоретические аспекты // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. Т. 10. № 1. С. 5–21. DOI: 10.17150/2308-6203.2021.10(1).5-21

Тышецкая А. Ю. Инфлюенсеры *vs* традиционные медиа: новые институциональные конфликты медиапространства // Медиа в современном мире. 60-е Петербургские чтения: сб. мат. Междунар. науч. форума (30 июня – 2 июля 2021 г.): в 2 т. Т. 2 / отв. ред. *А. А. Малышев*. СПб.: Медиапапир, 2021. С. 148–150.

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2006.

Хруль В. М. Конфликт повесток: религиозная жизнь Крыма и ее освещение в местных печатных и интернет-СМИ // Медиаскоп. 2017. Вып. 2. Режим доступа: http://mediascope.ru/2302 (дата обращения: 22.07.2021).

Якова Т. С. Массмедиа и конфликты современного мира // Медиаскоп. 2018. Вып. 4. Режим доступа: http://www.mediascope.ru/2488 (дата обращения: 22.07.2021). DOI: 10.30547/mediascope.4.2018.6

Baden C., Tenenboim-Weinblatt K. (2017) Convergent News? A Longitudinal Study of Similarity and Dissimilarity in the Domestic and Global Coverage of the Israeli-Palestinian Conflict. *Journal of Communication* 67 (1): 1–25. DOI:10.1111/jcom.12272

Baum M. A., Zhukov Y. (2019) Media Ownership and News Coverage of International Conflict. *Political Communication* 36 (1): 36–63. DOI: 10.1080/10584609.2018.1483606

Bodrunova S. S., Blekanov I., Smoliarova A., Litvinenko A. (2019) Beyond Left and Right: Real-world Political Polarization in Twitter Discussions on Inter-ethnic Conflicts. *Media and Communication* 7 (3): 119–132. DOI: https://doi.org/10.17645/mac.v7i3.1934

Budka P., Brauchler B. (eds.) (2020) *Theorising Media and Conflict*. New York: Berghahn.

Couldry N., Hepp A. (2017) *The Mediated Construction of Reality*. Cambridge: Polity Press.

Curran J. (1996) *Media and Democracy*. London: Routledge.

Dunas D. V., Vartanov S. A. (2020) Emerging Digital Media Culture in Russia: Modeling the Media Consumption of Generation Z. *Journal of Multicultural Discourses* 15 (7): 1–18. DOI: 10.1080/17447143.2020.1751648

Eskjaer M., Hjarvard S., Mortensen M. (eds.) (2015) *The Dynamics of Mediatized Conflicts*. New York: Peter Lang. DOI: https://doi.org/10.3726/978-1-4539-1620-9

Galtung J. (2002) Peace Journalism – A Challenge. In: K. Wilhelm, L. Heikki (eds.) *Journalism and the New World Order. Vol 2. Studying War and the Media*. Göteborg: Nordicom.

Gvirsman S. D., Huesmann L., Dubow E. F., Landau S. F., et al. (2016) The Longitudinal Effects of Chronic Mediated Exposure to Political Violence

on Ideological Beliefs about Political Conflicts Among Youths. *Political Communication* 33 (1): 98–117. DOI: 10.1080/10584609.2015.1010670

Hjarvard S. (2013) *The Mediatization of Culture and Society*. London: Routledge.

John N. A., Dvir-Gvirsman S. (2015) "I Don't Like You Any More": Facebook Unfriending by Israelis During the Israel-Gaza Conflict of 2014. *Journal of Communication* 65 (6): 953–974. DOI: 10.1111/jcom.12188

Kalmoe N. P. (2015) Mixed Emotions: Beyond Fear and Hatred in International Conflict, by Andrew A. G. Ross. *Political Communication* 32 (1): 179–182. DOI: 10.1080/10584609.2015.987096

Kalmoe N. P., Gubler J. R., Wood D. A. (2018) Toward Conflict or Compromise? How Violent Metaphors Polarize Partisan Issue Attitudes. *Political Communication* 35 (3): 333–352. DOI: 10.1080/10584609.2017.1341965

Manning P. (2001) *News and News Sources*. London: Sage. DOI: http://dx.doi.org/10.4135/9781446218082

Moody S. J. (2018) Fitting in or Standing out? A Conflict of Belonging and Identity in Intercultural Polite Talk at Work. *Applied Linguistics* 39 (6): 775–798. DOI: 10.1093/applin/amw047

Merkley E. (2020) Are Experts (News) Worthy? Balance, Conflict, and Mass Media Coverage of Expert Consensus. *Political Communication* 37 (4): 530–549. DOI: 10.1080/10584609.2020.1713269

Ndinojuo B. E., Ihejirika W. C., Okon G. B. (2020) Prevalent News Frames in News Reports about Military Operations against Boko Haram in North-East Nigeria. *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies* 1: 51–72. DOI: 10.30547/worldofmedia.1.2020.3

Neumann R. (2015) Transforming Media Coverage of Violent Conflicts: The New Face of War, by Zohar Kampf and Tamar Liebes. *Political Communication* 32 (1): 177–179. DOI: 10.1080/10584609.2015.987095

Tai Y., Fu K. (2020) Specificity, Conflict, and Focal Point: A Systematic Investigation Into Social Media Cencorship in China. *Journal of Communication* 70 (6): 842–867. DOI: https://doi.org/10.1093/joc/jqaa032

Ugwuoke J. C., Erubami J. A. (2021) Old War, New Battleground: Deconstructing the Potency of Social Media for Community Engagement in Nigeria's Human Rights Advocacy Efforts. *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies* 2: 56–74. DOI: 10.30547/worldofmedia.2.2021.3

Valenzuela S., Piña M., Ramirwz J. (2017) Behavioral Effects of Framing on Social Media Users: How Conflict, Economic, Human Interest, and Morality Frames Drive News Sharing: Framing Effects on News Sharing. *Journal of Communication* 67 (5): 803–826. DOI:10.1111/jcom.12325

Vartanova E., Gladkova A. (2020) Old and New Discourses in Emerging States: Communication Challenges of the Digital Age. *Journal of Multicultural Discourses* 15 (2): 119–125. DOI: 10.1080/17447143.2020.1780244

White C. J. (2018) Agency and Emotion in Narrative Accounts of Emergent Conflict in an L2 Classroom. *Applied Linguistics* 39 (4): 579–598. DOI: 10.1093/applin/amw026

References

Baden C., Tenenboim-Weinblatt K. (2017) Convergent News? A Longitudinal Study of Similarity and Dissimilarity in the Domestic and Global Coverage of the Israeli-Palestinian Conflict. *Journal of Communication* 67 (1): 1–25. DOI:10.1111/jcom.12272

Baum M. A., Zhukov Y. (2019) Media Ownership and News Coverage of International Conflict. *Political Communication* 36 (1): 36–63. DOI: 10.1080/10584609.2018.1483606

Baychik A. V. (2020) *Massmedia. Tsennosti. Konflikt* [Mass Media. Values. Conflict]. St. Petersburg: RKhGA Publ. (In Russian)

Bodrunova S. S., Blekanov I., Smoliarova A., Litvinenko A. (2019) Beyond Left and Right: Real-World Political Polarization in Twitter Discussions on Inter-Ethnic Conflicts. *Media and Communication* 7 (3): 119–132. DOI: https://doi.org/10.17645/mac.v7i3.1934

Budka P., Brauchler B. (eds.) (2020) *Theorising Media and Conflict*. New York: Berghahn.

Couldry N., Hepp A. (2017) *The Mediated Construction of Reality*. Cambridge: Polity Press.

Curran J. (1996) *Media and Democracy*. London: Routledge.

Dahrendorf R. (1994) Elementy teorii sotsial'nogo konflikta [Elements of Social Conflict Theory]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* 5: 142–147. (In Russian)

Dunas D. V., Vartanov S. A. (2020) Emerging Digital Media Culture in Russia: Modeling the Media Consumption of Generation Z. *Journal of Multicultural Discourses* 15 (7): 1–18. DOI: 10.1080/17447143.2020.1751648

Eskjaer M., Hjarvard S., Mortensen M. (eds.) (2015) *The Dynamics of Mediatized Conflicts*. New York: Peter Lang. DOI: https://doi.org/10.3726/978-1-4539-1620-9

Galtung J. (2002) Peace Journalism – a Challenge. In K. Wilhelm, L. Heikki (eds.) *Journalism and the New World Order. Vol 2. Studying War and the Media*. Göteborg: Nordicom.

Gol'braykh V. B. (2015) Ekologicheskiy konflikt na rossiyskom televidenii: diskursivnye vozmozhnosti protestnogo dvizheniya [Ecological Conflict on Russian Television: Discursive Potential of the Protest Movement]. *Mediascope* 3. Available at: http://mediascope.ru/1774 (accessed: 22.07.2021). (In Russian)

Gol'braykh V. B. (2019) Sotsial'nye media v lokal'nykh ekologicheskikh konfliktakh [Social Media in Local Ecological Conflicts]. *Vestn. S.-Peterb. un-ta. Sotsiologiya* 12 (4): 368–384. DOI: https://doi.org/10.21638/spbu12.2019.405 (In Russian)

Gorbacheva E. N., Dubenets N. B. (2019) Vyrazhenie obvineniya v amerikanskom diplomaticheskom diskurse v situatsii mezhdunarodnogo konflikta [Expression of Accusation in American Diplomatic Discourse in the Situation of International Conflict]. *Kommunikativnye issledovaniya* 4 (6): 990–1002. DOI: 10.24147/2413-6182.2019.6(4).990-1002 (In Russian)

Gvirsman S. D., Huesmann L., Dubow E. F., Landau S. F., et al. (2016) The Longitudinal Effects of Chronic Mediated Exposure to Political Violence on Ideological Beliefs about Political Conflicts Among Youths. *Political Communication* 33 (1): 98–117. DOI: 10.1080/10584609.2015.1010670

Habermas J. (2006) *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deystvie* [Moral Consciousness and Communicative Action]. St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian)

Hjarvard S. (2013) *The Mediatization of Culture and Society*. London: Routledge.

Ivantsova E. V. (2020) Rechevoe povedenie dialektnoy yazykovoy lichnosti v konfliktnykh situatsiyakh [Speech Behavior of a Dialect Linguistic Persona in Conflict Situations]. *Vestn. Tomsk. gos. un-ta. Filologiya* 66: 26–44. DOI: 10.17223/19986645/66/2 (In Russian)

Ivantsova E. V., Chernykh Z. V. (2016) Narushenie norm rechevogo povedeniya kak prichina konfliktov v studencheskoy kommunikatsii. *Vestn. Tomsk. gos. un-ta. Filologiya* 2016 5 (43): 31–45. DOI: 10.17223/19986645/43/3 (In Russian)

John N. A., Dvir-Gvirsman S. (2015) "I Don't Like You Any More": Facebook Unfriending by Israelis During the Israel-Gaza Conflict of 2014. *Journal of Communication* 65 (6): 953–974. DOI: 10.1111/jcom.12188

Kalmoe N. P. (2015) Mixed Emotions: Beyond Fear and Hatred in International Conflict, by Andrew A. G. Ross. *Political Communication* 32 (1): 179–182. DOI: 10.1080/10584609.2015.987096

Kalmoe N. P., Gubler J. R., Wood D. A. (2018) Toward Conflict or Compromise? How Violent Metaphors Polarize Partisan Issue Attitudes. *Political Communication* 35 (3): 333–352. DOI: 10.1080/10584609.2017.1341965

Kalyuga A. A. (2015) Osveshchenie pressoy krizisa v Ukraine [Press Coverage of the Ukrainian Crisis]. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya* 1 (19): 61–66. (In Russian)

Kazakov A. A. (2015) Atributivnye povestki dnya i freymy «Rossiyskoy gazety» i «Novoy gazety» v kontekste metodov vozdeystviya na auditoriyu (na primere osveshcheniya konflikta na yugo-vostoke Ukrainy) [Attributive Agendas and Frames of Rossiyskaya Gazeta and Novaya Gazeta in the Context of Methods of Audience Impact (as exemplified by the coverage of the conflict in the South-East of Ukraine]. *Mediascope* 2. Available at: http://mediascope.ru/1706. (In Russian)

Kean J. (2020) *Demokratiya i dekadans media* [Democracy and Media Decadence]. Moscow: State Univ. Higher School of Economics Publ. (In Russian)

Kinash Yu. S. (2017) Rol' SMI i «novykh media» v sovremennykh politicheskikh konfliktakh [The Role of Mass Media and New Media in Modern Political Conflicts]. *Vestn. Mosk. gos. obl. un-ta* 4. DOI: 10.18384/2224-0209-2017-4-831 (In Russian)

Khrul' V. M. (2017) Konflikt povestok: religioznaya zhizn' Kryma i ee osveshchenie v mestnykh pechatnykh i internet-SMI [The Conflict of Agendas: Religious Life of Crimea and Its Coverage in Local Print and Online Media].

Mediascope 2. Available at: http://mediascope.ru/2302 (accessed: 22.07.2021). (In Russian).

Kostareva E. V., Strinyuk S. A. (2017) Kontsept «Severoirlandskiy konflikt» («The Troubles»): metodika issledovaniya i reprezentatsiya na materiale mediynogo i khudozhestvennogo diskursov ["The Troubles": Methods of Studying and Representation Based on Media and Literary Discourses]. *Vestn. Tomsk. gos. un-ta. Filologiya* 48: 19–47. DOI: 10.17223/19986645/48/2 (In Russian)

Labush N. S., Puyu A. S. (2019) *Mediatizatsiya ekstremal'nykh form politicheskogo protsessa: voyna, revolyutsiya, ekstremizm* [Mediatization of Extreme Forms of the Political Process: War, Revolution, Extremism]. St. Petersburg: St. Petersburg St. Univ. Publ. (In Russian)

Manning P. (2001) *News and News Sources*. London: Sage. DOI: http://dx.doi.org/10.4135/9781446218082

Marx K. (1960) Grazhdanskaya voyna vo Frantsii [The Civil War in France]. In *Marks K., Engel's F. Soch. 2-e izd. T. 17* [Marx K., Engels F. Works. 2nd ed. Vol. 17]. Moscow: GIZ polit. lit. Publ. Pp. 317–370. (In Russian)

Moody S. J. (2018) Fitting in or Standing out? A Conflict of Belonging and Identity in Intercultural Polite Talk at Work. *Applied Linguistics* 39 (6): 775–798. DOI: 10.1093/applin/amw047

Merkley E. (2020) Are Experts (News) Worthy? Balance, Conflict, and Mass Media Coverage of Expert Consensus. *Political Communication* 37 (4): 530–549. DOI: 10.1080/10584609.2020.1713269

Ndinojuo B. E., Ihejirika W. C., Okon G. B. (2020) Prevalent News Frames in News Reports About Military Operations Against Boko Haram in North-East Nigeria. *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies* 1: 51–72. DOI: 10.30547/worldofmedia.1.2020.3

Neumann R. (2015) Transforming Media Coverage of Violent Conflicts: the New Face of War, by Zohar Kampf and Tamar Liebes. *Political Communication* 32 (1): 177–179. DOI: 10.1080/10584609.2015.987095

Novgorodova A. I. (2019) Osveshchenie voyny 2003 goda v Irake v materialakh «N'yu-York Tayms» [Coverage of the 2003 War in Iraq in The New York Times]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika* 3: 141–162. DOI: 10.30547/vestnik.journ.3.2019.141162 (In Russian)

Novgorodova A. I. (2020) Otrazhenie irakskikh konfliktov v The New York Times (na primere osveshcheniya dvukh operatsiy (1991, 2003 gg.) v Persidskom zalive) [Reflection of Iraqi Conflicts in The New York Times (a case study of coverage of two operations (1991, 2003) in the Persian Gulf)]. *Mediascope* 1. (In Russian). Available at: http://www.mediascope.ru/2600 (accessed: 22.07.2021). DOI: 10.30547/mediascope.1.2020.4

Ovodova S. N., Zhigunov A. Yu. (2018) Voyna soobshchestv: reprezentatsiya konflikta v urbanisticheskom diskurse [The War of Communities: Conflict Representation in Urbanistic Discourse]. *Kommunikativnye issledovaniya* 4 (18): 112–127. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.112-127 (In Russian)

Prokhorov E. P. (2011) *Vvedenie v teoriyu zhurnalistiki: uchebnik dlya studentov vuzov. 8-e izd., ispr.* [Introduction to Journalism Theory: a Textbook

for University Students. 8th ed., revised]. Moscow: Aspekt Press Publ. (In Russian)

Simmel G. (1996) *Izbrannoe. T. 1, 2* [Selected Works. Vol. 1, 2]. Moscow: Yurist Publ. (In Russian)

Smirnova O. V., Shkondin M. V. (2021) Issledovaniya media i zhurnalistiki v kontekste konfliktologii: sistemno-teoreticheskie aspekty [Media and Journalism Studies in the Context of Conflict Resolution Studies: the Systemic and Theoretical Aspects]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki* 10 (1): 5–21. DOI: 10.17150/2308-6203.2021.10(1).5-21 (In Russian)

Tai Y., Fu K. (2020) Specificity, Conflict, and Focal Point: A Systematic Investigation into Social Media Censorship in China. *Journal of Communication* 70 (6): 842–867. DOI: https://doi.org/10.1093/joc/jqaa032

Tyshetskaya A. Yu. (2021) Inflyuensery vs traditsionnye media: novye institutsional'nye konflikty mediaprostranstva [Influencers vs Traditional Media: New Institutional Conflicts of the Media Landscape]. In A. A. Malyshev (ed.) *Media v sovremennom mire. 60-e Peterburgskie chteniya: sb. mat. Mezhdunar. nauch foruma (30 iyunya – 2 iyulya 2021 g.): v 2 t. T. 2* [Media in the Modern World. 60th Petersburg Readings. Proceedings of the International Scientific Forum (June 30 – July 2, 2021): in 2 vol. Vol. 2]. St. Petersburg: Mediapapir Publ. Pp. 148–150.

Ugwuoke J. C., Erubami J. A. (2021) Old War, New Battleground: Deconstructing the Potency of Social Media for Community Engagement in Nigeria's Human Rights Advocacy Efforts. *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies* 2: 56–74. DOI: 10.30547/worldofmedia.2.2021.3

Valenzuela S., Piña M., Ramirwz J. (2017) Behavioral Effects of Framing on Social Media Users: How Conflict, Economic, Human Interest, and Morality Frames Drive News Sharing: Framing Effects on News Sharing. *Journal of Communication* 67 (5): 803–826. DOI:10.1111/jcom.12325

Vartanova E. L. (2014) *Postsovetskie transformatsii rossiyskikh SMI i zhurnalistiki* [Post-Soviet Transformations of Russian Mass Media and Journalism]. Moscow: MediaMir Publ. (In Russian)

Vartanova E. L. (2019) *Otechestvennaya teoriya media: osnovnye ponyatiya. Slovar'* [Russian Media Theory: Basic Concepts. A Dictionary]. Moscow: Moscow St. Univ. Faculty of Journalism Publ. (In Russian)

Vartanova E. L. (2021) Media i sotsial'nyy konflikt: k voprosu o dvoystvennoy prirode vzaimosvyazi [Media and Social Conflict: Towards the Dual Nature of Interrelation]. In *Zhurnalistika v 2020 godu: tvorchestvo, professiya, industriya* [Journalism in 2020: Creativity, Profession, Industry]. Moscow: Moscow St. Univ. Faculty of Journalism Publ. Pp. 307–309. (In Russian)

Vartanova E., Gladkova A. (2020) Old and New Discourses in Emerging States: Communication Challenges of the Digital Age. *Journal of Multicultural Discourses* 15 (2): 119–125. DOI: 10.1080/17447143.2020.1780244

Vartanova E. L., Gladkova A. A., Dunas D. V. (2021) «Konflikt» v aktual'nykh mediaissledovaniyakh: problemno-tematicheskoe pole v otechestvennom i zarubezhnom akademicheskom diskurse ["Conflict" in Current Media Studies: Problematic and Thematic Field in Russian and Foreign Academic Discourse].

In A. A. Malyshev (ed.) *Media v sovremennom mire. 60-e Peterburgskie chteniya: sb. mat. Mezhdunar. nauch. foruma (30 iyunya – 2 iyulya 2021 g.): v 2 t. T. 2* [Media in the Modern World. 60th Petersburg Readings. Proceedings of the International Scientific Forum (June 30 – July 2, 2021): in 2 vol. Vol. 2]. Pp. 133–135. (In Russian)

White C. J. (2018) Agency and Emotion in Narrative Accounts of Emergent Conflict in an L2 Classroom. *Applied Linguistics* 39(4): 579–598. DOI: 10.1093/applin/amw026

"Yakova T. S. (2018) Massmedia i konflikty sovremennogo mira [Mass Media and the Conflicts of the Modern World]. *Mediascope* 4. Available at: http://www.mediascope.ru/2488 (accessed: 22.07.2021). DOI: 10.30547/mediascope.4.2018.6. (In Russian)

Поступила в редакцию
07.07.2021

Марков Евгений Алфеевич, доктор политических наук, профессор кафедры социальных коммуникаций и медиа, Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия; e-mail: marevgeny@inbox.ru

Соловьева Светлана Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры социальных коммуникаций и медиа, Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия; e-mail: ssa_doc@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННЫЕ РИСКИ В СИСТЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА

Стремление органов власти обеспечить эффективное информационное взаимодействие с обществом заставляет их использовать не только традиционные СМИ (печать, радио, телевидение), но и возможности новых коммуникативных технологий: блогосферы, социальных сетей, социальных сервисов и т. д. В связи с этим широкое распространение приобретает персонализация медиадискурса, когда информационный контент намеренно ассоциируется с деятельностью конкретных политических акторов, которые используют интернет-пространство с целью повышения своего паблисити. Однако внедрение новых медийных схем персонифицированной коммуникации провоцирует появление коммуникационных рисков. Цель данной статьи – выявление рисков в информационном взаимодействии власти и общества, способных сформировать у населения информационную/социальную апатию и привести к снижению авторитета действующей власти. Отсутствие эффективного диалога между региональными органами власти и обществом в условиях избыточного политического влияния провоцирует развитие коммуникационных рисков в системе «власть–общество».

Ключевые слова: *цифровизация, интернет-пространство, риски, угрозы, информационное взаимодействие, власть, общество.*

Evgeny A. Markov, Doctor of Political Science, Professor at the Chair of Social Communications and Media, Cherepovets State University, Cherepovets, Russia; e-mail: ssa_doc@mail.ru

Svetlana A. Solovyeva, PhD in Philology, Associate Professor at the Chair of Social Communications and Media, Cherepovets State University, Cherepovets, Russia; e-mail: ssa_doc@mail.ru

INFORMATION RISKS IN THE CONDITIONS OF INTERACTION BETWEEN POWER AND SOCIETY

The article is aimed at identifying some risks emerging in the process of communicative and informational interaction between government bodies and society, which can result in information and social apathy among the population

and, ultimately, lead to a decrease in the government's authority in the society. The introduction to the paper brings forth the idea of the necessity for government bodies, willing to establish effective communicative interaction with the society based on the use of new information transfer forms, to adapt the applied communication models taking into account their characteristics. The subject of the research is the models of the Vologda region government's information interaction in the process of constructing a discourse with the society in the Internet space. In carrying out the research, comparative analysis methods were used to distinguish between coincidences and specific features of the communication practices applied on various media platforms. In order to highlight the main meanings in the materials posted by the regional government bodies on the Internet, the method of content analysis was used. To identify the effectiveness of the current discourse of power and society, the method of reconstructing the image of the addressee, to whom the information content is directed, was applied in the research. The authors came to the conclusion that in the conditions of excessive political influence, new publicity forms introduced by the government authorities in the Internet space, require to be adapted for their application based on the use of traditional communication channels. Otherwise, public consciousness is likely to develop social apathy, which may be caused, among other reasons, by a loss of interest in the life of the region, since only events and facts are recorded in the information flow without explaining their economic feasibility for the residents.

Key words: *digitalization, online space, risks, threats, information interaction, power, society.*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2021.3351

Введение

Взаимодействие СМИ и власти в последние годы претерпевает существенные изменения, связанные с медиатизацией политических процессов, которые характеризуются специфическими функциональными, дискурсивными свойствами, влияющими на процесс формирования массового сознания.

Активное внедрение в коммуникацию новых медийных схем часто детерминировано действиями самих политических акторов. Развитие электронных медиа вынуждает органы власти приспосабливаться к новым, постоянно меняющимся условиям, развивать новые формы публичности. Недооценка необходимости включения в арсенал информационных практик новых технологий снижает эффективность коммуникационных усилий органов власти различных уровней и приводит к использованию имитационных, а значит, малоэффективных средств. Эксплуатация новых информационных каналов сопровождается активной персонализацией

медиадискурса, когда медийная среда начинает ассоциироваться с конкретными политическими деятелями, активно использующими интернет-пространство. Безусловно, современному обществу необходимы авторитетные представители власти, а также амбициозные лидеры общественного мнения, которые актуализировали бы наиболее важные проблемы повестки дня. В этих условиях особого внимания требует адаптация действующей коммуникационной модели к новым условиям. Основная проблема заключается в том, что довольно часто процесс внедрения новых коммуникационных технологий происходит в условиях сохранения традиционных коммуникационных моделей воздействия на аудиторию.

Кроме того, на фоне усиления вертикали власти, контроля органов власти за деятельностью электронных СМИ возрастает избыточность политического влияния, которое формирует тенденцию развития «кризисных коммуникаций», развивающихся в условиях дефицита аналитической информации, а значит, и дефицита доверия со стороны получателя информации (Карпова, 2017: 27–31).

Сегодня медиа не могут гарантировать органам власти выполнения своей первичной функции эффективного информирования – обнародования информации, ее социализации, контроля. Особенно ярко это проявляется в деятельности региональных медиа, остающихся важным информационным каналом во взаимодействии власти и общества. Отсутствие партнерских двусторонних коммуникативных связей властных структур и СМИ не обеспечивает эффективного обратного влияния общества на власть, что косвенно способствует нарастанию социальной напряженности.

В рамках статьи будут рассмотрены риски коммуникации в системе «власть–общество», провоцирующие появление социальной апатии с последующим снижением авторитета власти в общественном сознании.

Методика исследования

Эмпирическим объектом исследования являются интернет-ресурсы правительства Вологодской области: официальный сайт губернатора Вологодской области[1] и конгломерация платформы в социальных сетях «ВКонтакте», «Одноклассники», *Twitter*[2], а также сайты региональных СМИ (районные периодические издания,

входящие в Федеральный реестр, имеющие статус НКО), связанные системой ссылок с сайтом губернатора[3]. Выбор объекта обусловлен тем, что региональный медиадискурс не только является важным звеном единого информационного пространства, но и имеет большие возможности обеспечения эффективности информационного взаимодействия органа власти и населения региона. Научный интерес к объекту исследования формируется с 2013 г. – года запуска сайта. За это время не раз менялась структура, дизайн сайта. Однако сущность модели информационного взаимодействия органов власти и общества в процессе конструирования и реконструирования дискурса региональной власти в интернет-пространстве практически не изменилась. И именно этот аспект, связанный с необходимостью адаптации модели к меняющимся запросам населения, предопределил предмет нашего исследования. По данным Медиалогии, в медиарейтингах губернаторов за 2020 г. глава Вологодской области в рубрикации «Персоны. Регион. МедиаИндекс» занимает 47 место из возможных 85. Рейтинг чиновника повысился на 5 пунктов в сравнении с предыдущим годом. А в рубрике «Главы регионов Северо-Западного ФО 2020 год» рейтинг понизился на 2 пункта и составляет 9 место из 11 возможных[4].

В ходе проведения исследования применялись: метод сравнительно-сопоставительного анализа с целью выявления совпадающих и специфичных признаков применяемых коммуникативных практик на различных медийных платформах; методика реконструирования адресата медиатекста с целью выявления основных типологических характеристик пользователя; для выделения основных смысловых единиц – методика контент-анализа и семантического анализа; для выработки подходов к анализу коммуникативной модели региональных медиа учитывались пространственные и временные факторы.

Результаты исследования были получены в ходе анализа материалов официального сайта губернатора Вологодской области и связанных с ним гипертекстовыми ссылками сайтов региональных СМИ и групп в социальных сетях. Выбор сайта предопределен принципом географической детерминированности и стремлением повысить его эффективность в регионе. Сбор материалов проводился в течение семи лет – с 2013 по 2020 г.

Теоретическая база исследования

Проблематика цифровизации публичного пространства является предметом многих научных исследований (Анненкова, 2011; Дзялошинский, 2016; Землянова, 2002; Коломиец, 2014) и др. Включение общественно-политических коммуникаций в глобальную сеть инициировало научный интерес к новым процессам, происходящим в публичной сфере, а также к разноаспектным последствиям этого явления. Предметом изучения становятся действия в Сети различных политических институтов, общественных групп, формализованных и неформализованных субъектов. Кроме того, сетевая природа Интернета предоставляет участникам дискурса возможность не только осуществлять вертикальные коммуникации, но и обращаться к своим локальным целевым аудиториям. Массовая коммуникация определяется многими авторами как специфический вид общественных отношений, с помощью которого медийные политические акторы и лидеры общественного мнения осуществляют распространение общественно-политических идей.

Влияние новых технологий на коммуникативные практики, на общественные отношения уже давно интересует исследователей. К примеру, в работах Г. Лебона (1991), Г. Лассуэлла (2002), Н. Лумана (2001, 2006, 2007) была сформулирована теория «векторного и ограниченного» воздействия СМИ, на смену которой пришла теория «умеренного и сильного» воздействия. Вместе с тем, опираясь на взгляды М. Кастельса (2000), Т. Терранова (Terranova, 2004), а также на представления немецких ученых (Krüger, 2013), можно утверждать, что сегодня происходит переосмысление структурообразующего значения информации в системе массмедиа: массовое потребление информации все активнее превращается в индивидуализированное – идет процесс персонализации медиадискурса. Довольно любопытными представляются и взгляды американской исследовательницы Джоди Дин, которая ввела в научный оборот понятие «коммуникативный капитализм». В своих работах Дж. Дин пытается объяснить последствия влияния цифровых технологий на трансформацию капитализма как базиса социальных и культурных практик (2019: 85–114). Коммуникативный капитализм, по мнению Дж. Дин, это такая экономико-политическая формация, в которой происходит соединение демократии и капитализма с новыми сетевыми технологиями.

Новые информационные технологии и современные коммуникативные практики

Внедрение *web*-технологий в политику связано с медиатизацией, влияющей на процессы модернизации в современном обществе. Безусловная их перспективность предопределяется возможностью привлечения граждан к участию в политических процессах: более эффективным управлением обществом посредством хорошо организованных действий; более эффективной связью между политическими акторами и гражданами; выработкой активности и мотиваций, направленных на вовлечение граждан в политику за пределами Интернета; подготовкой более практичных политических решений на основе использования знаний граждан (Вершинин, 2004: 254).

С другой стороны, Интернет дает обществу возможность реализации гражданских прав и свобод, становясь инструментом трансформации политической коммуникации. Сегодня создание сайтов региональных правительств, губернаторов, партий, движений, организаций является нормой. Интернет становится важным средством развития виртуальной политики: «Благодаря технологиям сетевой политики, любой желающий может легко войти в контакт с представителями политической элиты и высказать свои рекомендации либо претензии к деятельности как отдельного политика, так и всей политической системы в целом» (Акопов, 2004: 67). Одновременно усиливается и развивается манипулятивная функция интернет-технологий, которая – при некачественной реализации – скорее снижает рейтинг власти, нежели способствует его укреплению.

На наш взгляд, одним из критериев эффективности коммуникации является объективный образ власти, который должны формировать современные СМИ. В противном случае транслируемая модель содержит коммуникационные риски, которые могут провоцировать «эффект бумеранга» в результате информационного обмена (Beck, 1992; Krüger, 2013). Основными признаками «новых рисков» являются делокализованность, неисчисляемость, декомпенсация, инсценирование реальности (Beck, 1997). К коммуникационным (коммуникативным) рискам мы относим:

- риски взаимодействия с информацией, возникающие в процессах информационного обмена. В нашем случае это прежде всего наличие дублирующей информации на всех

платформах с преобладающей модальностью рапорта или директивы;
- риски деструктурализации коммуникационного процесса, обусловленные десинхронизацией системы прямых и обратных связей в коммуникационном процессе;
- интерактивные риски – риски делового и личного взаимодействия (выбора неадекватной интерактивной стратегии или тактики взаимодействия).

Несоответствие задач, возлагаемых на СМИ как на институт формирования гражданского общества, и используемых властью коммуникационных моделей выражается в способах представления политической, экономической и общественной тематики в региональном медиадискурсе и коммуникативных тактиках и стратегиях. Структура регионального медиапространства официальных СМИ в Вологодской области локализована вокруг единого информационного центра – сайта губернатора: все официальные средства массовой информации (сайты печатных изданий, официальные сайты местных органов самоуправления и т. п.) связаны системой интернет-ссылок.

С учетом неоднородности СМИ и возможности изменения контента при смене способа подачи информации был проведен анализ сайтов региональных печатных изданий и их групп в социальных сетях на основе критериев посещаемости, обновляемости информации, механизмов связи с гипертекстом, диалогичности: форумы, гостевые книги, необходимость регистрации и др. (см. табл. 1).

Таблица 1

Основные параметры определения эффективности сайтов районных газет

Издание	Обновляемость	Посещаемость	Механизмы связи с гипертекстом	Диалогичность	Прагматика материалов
«Наша жизнь» (Бабаевский район)	С выходом нового номера	Нет доступа	Ссылки на сайт губернатора, правительства Вологодской области, администрации района	Гостевая книга не активна с 2015 г. Вкладка «Комментарии» содержит только положительные отклики	Одностороннее информирование о ситуации в регионе и районе

Окончание таблицы 1

«Сельская новь» (Череповецкий район)	С выходом нового номера	Нет доступа	Ссылки на сайт администрации района, губернатора, правительства Вологодской области	Гостевая книга не активна, вход через регистрацию	Одностороннее информирование о ситуации в регионе и районе
«Сокольская правда» (Сокольский район)	С выходом нового номера	Около 982 посещений ежедневно	Ссылки на сайте отсутствуют	Гостевая книга не активна, вход через регистрацию	Одностороннее информирование о ситуации в регионе и районе
«Советская мысль» (Великоустюгский район)	С выходом нового номера	Нет доступа	Ссылки на сайт администрации района, губернатора, правительства Вологодской области	Обратная связь только на уровне публикации частных объявлений	Одностороннее информирование о ситуации в регионе и районе
«Звезда» (Шекснинский район)	С выходом нового номера, но в гостевой книге ежедневно	1860 чел. в сутки	Ссылка на сайт губернатора	Гостевая книга активна, вход через никнейм, обновляется регулярно, содержит большой объем информации, ведется в режиме онлайн-коммуникации	Активная работа с посетителем сайта, формирование контента подчинено читательскому запросу

Данные таблицы показывают, что сайты большинства региональных изданий дублируют материалы, представленные в печатном издании. При этом полностью повторяется структура контента, основная рубрикация и иерархия новостных сообщений: власть, информация о достижениях жителей района, объявления. В группах социальных сетей «ВКонтакте», *Twitter, Instagram* также воспроизводится информация, изложенная на страницах газеты. Активное обсуждение отсутствует. Степень диалогизации сайтов минимальна. Обратная связь осуществляется преимущественно в разделе частных объявлений и рекламы.

В совокупности все платформы реализуют жесткую содержательную модель с едиными идеологическими и стилистическими характеристиками. Принципы ранжирования информации заданы на главной странице сайта в ее основной части, визуализированной яркими оранжевыми цветами. Это программа губернатора Вологодской области, охватывающая различные сферы социальной жизни общества, а также – двенадцать инициатив губернатора, восемь из которых были сформулированы в рамках предвыборной программы 2019 г. Заданная информационная система полностью дублируется в официальных СМИ, не получая при этом аналитической оценки. В результате происходит одностороннее тиражирование информации на всех платформах: в интернет-изданиях районных газет, на сайте губернатора, в группах «ВКонтакте», «Одноклассники», *Twitter*. Дублирование текстовой и визуальной составляющих на разных платформах, без учета их возможностей, значительно снижает эффект воздействия на получателя информации.

Для выявления основных тем, определения их значимости была использована методика контент-анализа. На основе сплошной выборки с сайтов СМИ, сайта губернатора и из социальных сетей, связанных с сайтом, была выстроена иерархия тем и подтем, значимость которых выявлялась на основе частотности (максимальный показатель – 100%). В результате было проанализировано 2 587 текстов (см. табл. 2).

Таблица 2

Иерархия тематической структуры
(в данную таблицу включены только доминирующие показатели)

Значение %	Тема	Образ
100	Губернатор	Инициатор, генератор, рапортующий
100	Вологодская область	Местоположение, губернатор, регион развития, муниципалитеты
100	Россия, Президент, представитель Президента	Гарант
90	Ветераны	Забота, внимание, память
90	Здоровье	Забота
90	Дороги	Комфорт, забота

Окончание таблицы 2

90	Спорт	Забота, доступность, комфорт
80	Социальные программы (горячие завтраки)	Забота
80	Культура	Доступность, комфорт, забота
80	Образование	Забота, достижения

Несмотря на необходимость адаптации текстов и визуального контента к формату социальных сетей, материалы в основном дублируются, что значительно снижает читательский интерес к представляемой информации.

В конструируемой СМИ и властью коммуникационной модели заложена идея персонифицирования коммуникации: у читателей формируется представление, что все происходящее в регионе определяется действиями одного конкретного человека – губернатора. Иерархия новостной ценности также устанавливается рамками персонифицированной коммуникации, центром которой является губернатор. С одной стороны, это, безусловно, создает положительный имидж региональных властей, с другой – СМИ уже не формируют самостоятельно повестку дня, а становятся проводниками информации, которую инициируют представители региональной элиты. В результате политические горизонты пользователей значительно сужаются, снижается интерес к предлагаемому информационному продукту. Общность позиции региональной прессы и власти актуализируется во вкладке «Проекты», где в формате инфографики дублируется информация, представленная на официальном сайте под рубрикой «На контроле у прессы». Предлагаемая логика формирования информационных поводов влияет и на природу самого дискурса, и на содержание политической коммуникации, усиливая селективное воздействие СМИ на восприятие информации, основанное на индивидуальных предпочтениях потребителя. Риски при этом проявляются в том, что читатели начинают обращать внимание только на то, что согласуется с их ожиданиями.

Основные смыслы, продвигаемые на официальном сайте, в социальных сетях и официальных региональных СМИ, сосредоточены вокруг концепта «Забота власти о населении региона» (см. табл. 2).

И в сочетании с преобладающей в заголовочных комплексах риторикой рапорта и обещания усиливается принадлежность

текстов к актуальному предвыборному дискурсу, в котором социальные продукты приобретают особую ценность. Семантический анализ 365 заголовочных комплексов новостных статей сайта губернатора позволил выявить три условные гиперсемы (см. табл. 3).

Таблица 3

Анализ заголовочных комплексов

Сделали 47,5 %	**Сделаем 28 %**	**Одобрено 22 %**
Стартовали (работы), получили, начали (строительство), цели достигнуты, открыли и т. д.	Проведет, прибудет (с визитом), получит (новые автобусы, двойные выплаты), откроют, поддержит (студентов)	Оценило, высоко оценило, согласовало, номинирован

Заголовки критического характера составляют 2,5% от общего количества. Риск в данном случае заключается в том, что преобладание стратегии обещания и рапорта формирует привыкание, а иногда и апатию граждан к выдвигаемым инициативам. Вот некоторые из комментариев, появившихся в сети «ВКонтакте» под основной новостью от 14 июня 2019 г. Губернатор Вологодской области Олег Кувшинников: «На форуме женщин ко мне обратились с предложением увеличить размер суммы, которую мы выделяем из областного бюджета на школьное питание. Поручил Валентине Артамоновой, моему заместителю и начальнику департамента финансов области, подготовить проект – увеличить сумму на питание детей до 50 рублей». Комментарии пользователей: «Да почему все перед выборами? Раньше нельзя было сделать?»; «Хорошая инициатива! Я полностью поддерживаю»; «Пипееец) 50 рублееей)».

Персонифицированная модель коммуникации провоцирует получателя связывать решение проблемы с конкретной личностью. В свою очередь, медийная личность должна способствовать достижению этих целей, а значит, максимально соответствовать им. Однако стратегия обещания может провоцировать непреднамеренные последствия. И в этом случае информационное воздействие может перестать быть управляемым процессом. Обещания провоцируют акторов коммуникации на верификацию новых желаний: «Олег Александрович, живем в 7 км от Череповца в частном секторе п. Тоншалово и уже свыше 10 лет обещают, что нас га-

зифицируют. Но это только обещания! Проживающих в этом секторе больше 400 чел. Эл. трансформаторы не выдерживают, каждый год меняют т.к население увеличивается и мощности не хватает! уже не раз вам писали (собирали подписи с жителями), а вопрос переадресовывали на местный уровень и опять отказ!!!! Помогите нам!!!»; «Олег Александрович. Постройте картодром пожалуйста!». Подобные посылы ошибочны и по объективным причинам не получают отклика, диалог не продолжается, хотя косвенно они провоцируют риск снижения общественного доверия по отношению к органам власти, а общественное доверие является важнейшей ценностью, залогом адекватности политической коммуникации, своеобразной валютой, от которой зависит функциональность власти (Луман, 2005; Штомпка, 2005).

В процессе исследования были проанализированы 3 267 текстов комментариев на предмет положительной (+), отрицательной (-), неоднозначной оценки (±). К неоднозначной оценке относятся ответы с иронической окраской и ответы «А нам(у нас) когда?». Обработка результатов контент-анализа комментариев и откликов в социальных сетях, связанных с сайтом губернатора, дала следующие результаты:

положительной (+)	отрицательной (-)	неоднозначной оценки (+)
53%	7%	40%

Наибольшее количество неоднозначных оценок получает информация, связанная с острыми темами – например, сельским хозяйством области. Обратимся к комментариям «ВКонтакте» на интервью губернатора «Сельское хозяйство»: «Потому что нет сельского хозяйства на вологодчине все задавили»; «Бестолку вам задавать вопросы))) Честно не ответите ())».

2020 Губернатор Вологодской области Олег Кувшинников

«Продолжаю снимать видеоблог. В одном из предыдущих выпусков я рассказывал вам о том, какие условия созданы для вологодских коровушек, которые производят наше знаменитое молоко. Сегодня подробно покажу, как из этого молока производят #НастоящийВологодскийПродукт.

P.S: Не удержался и прикупил вологодской сметаны и творога. Объедение! #Кувшинников #Губернатор #ВологодскоеНастоящее #Во35»

Инна Попова

«А коровушки-то где? Это производство, там все красиво... а вот коровушки как содержатся?»

Ольга Савенкова

«Надо не дифирамбы себе петь посредством ботов, а к критике прислушиваться. Ну реально невкусная продукция, ездили в Крым там пили молоко разных производителей... молоко во много раз вкусней, и масло тоже. Коровы по полям гуляют» (15.10.2020).

Отход от заданной тематики в тексте – комментарии и преобладание негативного содержания – является понятным в контексте реальной ситуации.

Риски, провоцируемые использованием прежних коммуникативных моделей, приводят к снижению эффективности новых медийных моделей персонифицированной коммуникации. Кризисность во взаимодействии власти и общества может развиваться и в условиях «дефицита проблемной информации». Ее подмена рапортами, обещаниями, программами формирует одностороннюю модель взаимодействия в системе «СМИ–читатель», когда информация СМИ (печатных, виртуальных) «не доходит» до получателя или провоцирует совершенно иной, непредсказуемый эффект. Приведем комментарии «ВКонтакте» на инициативы: «Выборы должны быть каждый год, смотрите человека не узнать по сравнению с прошлым годом. Энергия так и хлещет»; «Вениамин, это предвыборный диагноз – гиперактивность...»; «Мы президенту напишем об Ананьино и Лосте». Часто аудитория, сформировавшая свою, часто необоснованную стратегию неприятия и скепсиса, не замечает предлагаемых властью путей решения проблемы.

Десинхронизация системы прямых и обратных связей в коммуникационном процессе, выбор неадекватной интерактивной стратегии или тактики взаимодействия и с точки зрения отправителя, и с позиции получателя информации приводит к снижению эффективности воздействия новых технологий, основанных на использовании персонифицированной коммуникации. Это подтверждается и результатами анализа посещаемости общественной приемной, созданной на сайте губернатора. С одной стороны – это достаточно эффективный коммуникационный канал, позволяющий передать огромный объем информации

о реальном положении дел и получать обратную связь от представителей общества. Он хорошо структурирован по основным рубрикам, затрагивающим проблемы безопасности, дорог, здравоохранения, ЖКХ, культуры, образования и т. д. Результаты обработки статистических данных, публикуемых на сайте, показали значительное увеличение количества обращений в общественную приемную в 2015, 2016 и их снижение с 2017 по 2020 гг. (см. табл. 4).

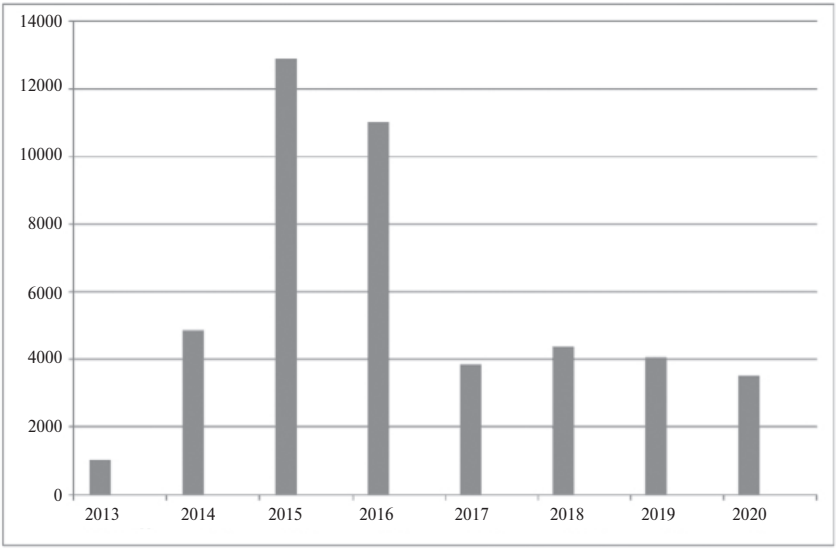

Рисунок 1. Динамика обращений в общественную онлайн-приемную губернатора Вологодской области[5]

Судя по всему, повышение активности граждан, обращающихся в общественную приемную, напрямую связано с необходимостью выполнения обещаний в период проведения избирательных кампаний. И коммуникация при этом становится частью осуществления некоего торга между обществом и властью.

Заключение

Таким образом, развитие новых форм публичности в интернет-пространстве и внедрение новых медийных схем, основанных на персонификации коммуникации, реализующихся при использовании традиционных коммуникационных моделей в условиях избыточного политического влияния, провоцирует развитие коммуникационных рисков в системе «власть–общество». Ее уязвимость проявляется, прежде всего, в том, что конструируемый региональной прессой образ «заботливого политика», подкрепляемый тактикой рапортов и обещаний, снижает интерес к информации, представляемой на официальных сайтах властных структур, что в итоге может привести к снижению рейтинга доверия к органу власти со стороны общества.

В контексте современного коммуникативного взаимодействия власти, СМИ и общества необходимы изменения в использовании моделей коммуникации, которые обеспечат продуктивный обмен мнениями, будут способствовать формированию сплоченности участников процесса и повышению гражданской активности. В то же время делегирование ответственности конкретной персоне, от деятельности которой зависят экономические улучшения в регионе, будет способствовать формированию в обществе патерналистских настроений. В результате в общественном сознании формируется социальная апатия, причиной которой может стать утрата ценностных ориентиров и интереса к жизни региона, поскольку в информационном потоке лишь фиксируются события и факты без объяснения их экономической целесообразности.

Полагаем, что способами снижения названных рисков может стать: постоянное изучение настроений в обществе с последующей трансформацией пассивного получателя информации – в анализирующего, думающего, рефлексирующего гражданина; размещение на официальных сайтах качественной информации; отказ от примитивного тиражирования одних и тех же текстов; активизация альтернативных источников информации в Интернете (новости с мест событий, создаваемые обычными людьми); более активное использование интерактивных форм коммуникации на официальном сайте губернатора (интернет-голосование, обсуждение политических программ, законодательных инициа-

тив). Все предлагаемые способы находятся в русле конвенциональных форм политического участия в интернет-пространстве.

Примечания

[1] Сайт губернатора: https://okuvshinnikov.ru/

[2] Вконтакте: https://vk.com/o.a.kuvshinnikov/; Одноклассники: https://ok.ru/o.a.kuvshinnikov/; Twitter: https://twitter.com/o_kuvshinnikov/

[3] «Звезда»: https://vk.com/zwezdanet/; «Советская мысль»: https://vk.com/sovmisl/; «Сокольская правда»: https://vk.com/id143384504/; «Сельская новь»: https://vk.com/selnov35/; «Наша жизнь»: https://vk.com/nacha_zhizn_babaevo/

[4] Рейтинги построены на основе базы СМИ системы «Медиалогия», которая включает на данный момент более 61 тыс. источников: ТВ, радио, газеты, журналы, информационные агентства, интернет-СМИ. Представленные компанией «Медиалогия» рейтинги являются результатом измерений информационного поля на основе технологии анализа СМИ. Данные для рейтинга рассчитаны 11.01.2021. Источник: https://www.mlg.ru/ratings/vlast/governors/8038/ © Медиалогия

[5] Выборы губернатора Вологодской области проводились 8 сентября 2019 г.

Библиография

Акопов Г. Л. Глобальные проблемы и опасности сетевой политики. Ростов-на-Дону: ООО Росиздат, 2004.

Анненкова И. В. Медиадискурс XX века. Лингвофилософский аспект языка СМИ. М.: Изд-во МГУ, 2011.

Вершинин М. С. Политическая коммуникация в информационном обществе // Актуальные проблемы теории коммуникации. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. политех. ун-та, 2004. С. 253–270.

Дзялошинский И. М. Экология медиасреды: этические аспекты. М.: Изд-во АПК и ППРО, 2016.

Дин Дж. Коммунизм или неофеодализм? // Логос. Т. 29. № 6. 2019. С. 85–114. DOI: 10.22394/0869-5377-2019-6-85-114

Землянова Л. М. Медиатизация культуры и компаративизм в современной коммуникативистике // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2002. № 5. С. 83–97.

Карпова А. Ю. Аберрации информации в политической коммуникации как новый вид риска // Власть. 2017. Т. 25. № 9. С. 27–31.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: НИУ ВШЭ, 2000.

Коломиец В. П. Медиасоциология: теория и практика. М.: ООО «НИПКЦ Восход-А», 2014.

Лассуэлл Г. Структура и функции коммуникации в обществе // Массовая коммуникация в современном мире. М., 2002. С. 131–137.

Лебон Г. Мнения и верования толпы // Философская и социологическая мысль. 1991. № 6. С. 119–151.

Луман Н. Власть. М.: Праксис, 2001.
Луман Н. Реальность массмедиа. М.: Праксис, 2005.
Луман Н. Дифференциация. М.: Логос, 2006.
Луман Н. Введение в системную теорию. М.: Логос, 2007.
Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2005.
Beck U. (1992) From Industrial Society to Risk Society: Questions of Survival, Social Structure and Ecological Enlightenment. *Theory, Culture and Society* 9 (1): 97–123. DOI: https://doi.org/10.1177/026327692009001006
Beck U. (1992) From Industrial Society to Risk Society: Questions of Survival, Social Structure and Ecological Enlightenment. *Theory, Culture and Society* 9 (1): 97–123. DOI: https://doi.org/10.1177/026327692009001006
Beck U. (1997) *The Relations of Definitions: Cultural and Legal Contexts of Media Constructions of Risk: paper presented at the symposium "Media, Risk and the Environment". 3–4 July 1997.* Cardiff, University of Wales.
Krüger U. (2013) *Meinungsmacht. Der Einfluss von Eliten auf Leitmedien und Alpha-Journalisten – eine kritische Netzwerkanalyse*. Köln: Herbert von Halem Verlag.
Terranova T. (2004) *Network Culture: Politics for the Information Age*. London: Pluto Press.

Notes

mlg.ru/ratings/vlast/governors/8038/ (accessed: 24.07.2021).
«Nasha zhizn'». Available at : https://vk.com/nacha_zhizn_babaevo/ (accessed: 24.07.2021).
Odnoklassniki. Available at: https://ok.ru/o.a.kuvshinnikov/ (accessed: 24.07. 2021).
Sayt gubernatora. Available at: https://okuvshinnikov.ru/ (accessed: 24.07.2021).
«Sel'skaya nov'». Available at*:* https://vk.com/selnov35/ (accessed: 24.07.2021).
«Sokol'skaya pravda». Available at*:* https://vk.com/id143384504/ (accessed: 24.07.2021).
«Sovetskaya mysl'». Available at: https://vk.com/sovmisl/ (accessed: 24.07.2021).
Twitter. Available at: https://twitter.com/o_kuvshinnikov/ (accessed: 24.07.2021).
VKontakte. Available at: https://vk.com/o.a.kuvshinnikov/. (accessed: 24.07. 2021).
«Zvezda». Available at: https://vk.com/zwezdanet/ (accessed: 24.07.2021).

References

Akopov G. L. (2004) *Global'ny'e problemy` i opasnosti setevoj politiki* [Global Problems and Dangers of Network Policies]. Rostov-on-Don: OOO Rosizdat Publ. (In Russian)
Annenkova I. V. (2011) *Mediadiskurs XX veka. Lingvofilosofskij aspekt yazyka SMI* [20th Century Media Discourse. Linguistic and Philosophical Aspect of the Media Language]. Moscow: Moscow St. Univ. Publ. (In Russian)

Beck U. (1992) From Industrial Society to Risk Society: Questions of Survival, Social Structure and Ecological Enlightenment. *Theory, Culture and Society* 9 (1): 97–123. DOI: https://doi.org/10.1177/026327692009001006

Beck U. (1997) *The Relations of Definitions: Cultural and Legal Contexts of Media Constructions of Risk: paper presented at the symposium "Media, Risk and the Environment". 3-4 July, 1997. Cardiff, University of Wales.*

Castells M. (2000) *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The Information Age: Economy, Society and Culture]. Moscow: State Univ. Higher School of Economics Publ. (In Russian)

Dean J. (2019) Kommunizm ili neofeodalizm? [Communism or Neo-Feudalism?]. *Logos* 29 (6): 85–114. DOI: 10.22394/0869-5377-2019-6-85-114 (In Russian)

Dzyaloshinskiy I. M. (2016) *Ekologiya mediasredy: eticheskie aspekty* [The Ecology of the Media Environment: the Ethical Aspects]. Moscow: APK i PPRO Publ. (In Russian)

Karpova A. Yu. (2017) Aberratsii informatsii v politicheskoy kommunikatsii kak novyy vid riska [Aberrations of Information in Political Communication as a New Kind of Risk]. *Vlast'* 25 (9): 27–31. (In Russian)

Kolomiets V. P. (2014) *Mediasociologiya: teoriya i praktika* [Media Sociology: Theory and Practice]. Moscow: OOO «NIPKCz Vosxod-A» Publ. (In Russian)

Krüger U. (2013) *Meinungsmacht. Der Einfluss von Eliten auf Leitmedien und Alpha-Journalisten - eine kritische Netzwerkanalyse* [The Power of Opinion. The Influence of Elites on Leading Media and Alfa Journalists – a Critical Network Analysis]. K ln: Herbert von Halem Verlag.

Lasswell H. (2002) Struktura i funktsii kommunikatsii v obshchestve [Structure and Functions of Communication in Society]. In *Massovaya kommunikaciya v sovremennom mire* [Mass Communication in the Modern World]. Moscow. Pp. 131–137. (In Russian)

Le Bon G. (1991) Mneniya i verovaniya tolpy [Opinions and Beliefs of a Crowd]. *Filosofskaya i sotsiologicheskaya mysl'* 6: 119–151. (In Russian)

Luhmann N. (2001) *Vlast'* [The Power]. Moscow: Praksis Publ. (In Russian)

Luhmann N. (2005) *Real'nost' massmedia* [The Reality of the Mass Media]. Moscow: Praksis Publ. (In Russian)

Luhmann N. (2006) *Differentsiatsiya* [Differentiation]. Moscow: Logos Publ. (In Russian)

Luhmann N. (2007) *Vvedenie v sistemnuyu teoriyu* [Introduction to Systems Theory]. Moscow: Logos Publ. (In Russian)

Shtompka P. (2005) *Sociologiya. Analiz sovremennogo obshhestva* [Sociology. An Analysis of Modern Society]. Moscow: Logos Publ. (In Russian)

Terranova T. (2004) *Network Culture: Politics for the Information Age*. London: Pluto Press.

Vershinin M. S. (2004) Politicheskaya kommunikaciya v informacionnom obshhestve [Political Communication in Information Society]. In *Aktual'nye problemy teorii kommunikatsii* [Current Problems of Communication Theory]. St. Petersburg: St. Petersburg St. Politech. Univ. Publ. Pp. 253–270. (In Russian)

Zemlyanova L. M. (2002) Mediatizatsiya kul'tury i komparativizm v sovremennoy kommunikativistike [Culture Mediatization and Comparativism in Modern Comparative Studies]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika* 5: 83–97. (In Russian)

Поступила в редакцию
10.11.2020

ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

Куликова Дарья Евгеньевна, волонтер Регионального общественного гуманитарного фонда содействия изучению жизни и творчества Ф. М. Достоевского, аспирантка кафедры истории русской литературы и журналистики, факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; e-mail: egle13solnze@mail.ru

ТВОРЧЕСТВО Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В ОЦЕНКАХ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРЕССЫ (1881–1917 ГГ.)[1]

Восприятие творческого наследия Ф. М. Достоевского в 1881–1917 гг. впервые рассматривается на материале публикаций в исторических и историко-литературных журналах («Русская старина», «Русский архив», «Исторический вестник», «Голос минувшего», «Былое»). Среди источников исследования – мемуары, очерки, критические статьи, заметки, рецензии, обзоры русских и зарубежных книг и периодики; в их числе есть малоизвестные и забытые тексты. В статье освещены основные интерпретации творчества Ф. М. Достоевского, сделана попытка определить специфику публикаций в исторической прессе, установить историко-культурный контекст, обусловивший бытование тех или иных точек зрения. Автор приходит к выводу о резкой полярности отзывов 1881–1917 гг., частом наложении оценок личности и религиозно-политических идей писателя на восприятие его художественных произведений, перекличке журнальных текстов с распространенными литературно-критическими теориями, присутствии в ряде публикаций самобытных суждений, предвосхищении ряда идей, впоследствии получивших распространение в достоевистике.

Ключевые слова: *Ф. М. Достоевский, историческая журналистика, «Русская старина», «Русский архив», «Исторический вестник», «Голос минувшего», «Былое».*

Daria E. Kulikova, volunteer of the Regional Public Humanitarian Foundation for the Promotion of the Study of Life and Work of F.M. Dostoevsky, PhD student at the Chair of History of Russian Literature and Journalism, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: egle13solnze@mail.ru.

F. M. DOSTOEVSKY'S WORK IN THE ASSESSMENTS OF THE RUSSIAN HISTORICAL PRESS (1881–1917)

In this article, the perception of creative heritage of F.M. Dostoevsky in 1881–1917 is for the first time considered on the material of publications in historical as well as historical and literary journals Russkaya Starina, Russky

Arkhiv, Istorichesky Vestnik, Golos Minuvshego and Byloe. The research sources are memoirs, essays, critiques, notes, reviews of Russian and foreign books and periodicals; among them there are little-known and forgotten texts. The article covers the main interpretations of F. M. Dostoevsky's work reflected in these publications. The author of the article identifies two stages based on historical events: 1881–1904, 1905–1917. An attempt is made to reveal the specifics of publications in the historical press, to establish their historical and cultural context. The author comes to the conclusion about the sharp polarity of assessments of F. M. Dostoevsky's work during the period under review. The attitude to the writer's personality and ideas often influences the perception of his literary works. In journal texts, the literary-critical theories of that time are reflected, but in a number of publications there are original opinions and an anticipation of some ideas, which later became widespread in Dostoevistics.

Key words: *F.M. Dostoevsky, historical journalism, Russkaya Starina, Russky Arkhiv, Istorichesky Vestnik, Golos Minuvshego, Byloe.*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2021.5284

Введение

Творческое наследие Ф. М. Достоевского многократно переосмыслялось. «Его талант принадлежит к разряду тех, которые постигаются и признаются не вдруг», – писал В. Г. Белинский в 1846 г.[2] Отношение к автору «Бесов» и «Дневника писателя» как в дореволюционной, так и в советской России было довольно неоднозначным. В различные исторические периоды его превозносили и поносили, объявляли пророком и подвергали забвению. Бывший каторжник, приговоренный к смертной казни за государственное преступление, в последние годы жизни пользовался авторитетом у царской семьи. Прошло немало времени, прежде чем тексты его произведений были признаны классическими и вошли в школьную программу.

Сегодня существует необходимость расширения источниковедческой базы достоевистики. Наиболее подробный на сегодняшний день библиографический указатель (Белов, 2011) может быть дополнен новыми данными; многие тексты еще ждут своих исследователей. Значительную роль в формировании представлений о писателе сыграла пресса. Процесс осмысления творчества Ф. М. Достоевского известными критиками и философами освещен достаточно широко[3], однако мало внимания уделено конкретным периодическим изданиям, восприятию писателя редак-

торами и сотрудниками журналов, авторами воспоминаний. Недостаточно изучены, в частности, публикации в исторической прессе конца XIX – начала XX в. Профессор исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова С. С. Дмитриев одним из первых выделил эту отрасль журналистики как самостоятельный объект изучения (1961; 1967; 1976). Конкретным изданиям посвящены работы А. Д. Зайцева (1981), Т. В. Железневой (1987), Ф. М. Лурье (1990) и других исследователей. Систематизация и типология русских исторических журналов пореформенного периода представлена в диссертации доцента кафедры истории журналистики СПбГУ С. Н. Ущиповского (1994). В контексте достоевистики историческая пресса почти не рассматривалась в качестве отдельного сюжета[4].

Эта работа – продолжение нашего исследования, посвященного образу Ф. М. Достоевского в русской периодике конца XIX – начала XX в. Ранее мы рассматривали публикации 1881–1918 гг. в исторических журналах «Русский архив», «Русская старина» и «Исторический вестник» в статистическом аспекте. Мы установили количество текстов, в которых встречается имя писателя, изучили их хронологию, сюжетный и жанровый состав (Куликова, 2020). В настоящей статье мы анализируем содержание отзывов о творчестве Ф. М. Достоевского в исторической прессе. Помимо текстов из названных выше журналов мы используем материалы изданий «Голос минувшего» и «Былое», которые начали выходить уже в XX в. Эти пять изданий представляют собой яркие образцы исторической периодики конца XIX – начала XX столетия.

Историко-литературный журнал «Русский архив» (1863–1917), основанный П. И. Бартеневым, ввел в оборот большое число источников, однако сухая форма изложения и недостаточное внимание к художественной составляющей не способствовали росту аудитории: тираж, достигнув 2 000 экземпляров в 1870-е гг., снизился к началу XX в. более чем в два раза (Ущиповский, 1994: 59–61). В 1881–1917 гг. Ф. М. Достоевский упоминается в «Русском архиве» в 34 текстах (Куликова, 2020: 145).

Историческое издание «Русская старина» (1870–1918) выходило под редакцией своего основателя М. И. Семевского до его смерти в 1892 г. Помимо источников здесь публиковалось много исследовательских материалов. Большое внимание уделялось оформлению журнала. Издание пользовалось широкой попу-

лярностью, о чем свидетельствует его тираж, доходивший до 6 000 экземпляров (Ущиповский, 1994: 62–64, 68). Современники отмечали злободневность журнала: его основателю, по словам публициста Г. К. Градовского, «удалось создать <...> высший исторический апелляционный суд»[5]. Начиная с 1881 г. в «Русской старине» было опубликовано 94 текста, в которых упоминалось имя Ф. М. Достоевского (Куликова, 2020: 145).

Историко-литературный журнал «Исторический вестник» (1880–1917), созданный А. С. Сувориным и С. Н. Шубинским, освещал вопросы как отечественной, так и всемирной истории. Журнал имел ряд постоянных рубрик; помимо источников и исследовательских статей в нем печатались новости, публицистические тексты, рецензии, обзоры прессы, беллетристика. Издание было богато иллюстрировано. Научно-популярный характер журнала предопределил его успех у читателей: тираж «Исторического вестника» постоянно рос и достиг в 1914 г. 13 000 экземпляров (Ущиповский, 1994: 128, 174). Ф. М. Достоевский упоминается здесь в 143 текстах – это на треть больше, чем в «Русской старине» (Куликова, 2020: 145).

«Былое» – первый легальный журнал, посвященный истории русского революционного движения. В 1900–1904 гг. В. Л. Бурцев под этим названием издавал сборник в Лондоне, в 1908–1913 гг. – в Париже. Во время Первой русской революции (с начала 1906 г.) журнал «Былое» под редакцией В. Я. Богучарского (Яковлева) и П. Е. Щеголева при участии В. Л. Бурцева стал выходить в Петербурге как «внепартийный и посвященный истории освободительного движения» (так указывалось самими издателями в тексте объявления о подписке); его тираж составлял 30 000 экземпляров. В октябре 1907 г. он был запрещен и возрожден лишь после Февральской революции, в июле 1917 г. (Лурье, 1990: 5, 54). В отечественных выпусках журнала за 1906–1907 гг. Ф. М. Достоевский упоминается в 17 публикациях, в историко-литературном издании «Минувшие годы», выходившем вместо «Былого» в 1908 г., – в 15 текстах.

«Голос минувшего» (1913–1923) – журнал истории и истории литературы, созданный по инициативе С. П. Мельгунова и руководимый коллегией редакторов, куда входили также В. И. Семевский (брат издателя «Русской старины»), А. К. Дживелегов, П. Н. Сакулин. С изданием сотрудничали представители разных идейных течений, но основной линией была народническая, сто-

ронником которой являлся В. И. Семевский. Большое внимание уделялось истории русской общественной мысли и революционного движения. Тираж издания составлял 3 000 экземпляров. Антибольшевистская позиция в 1917 г. и уход сотрудников-марксистов предопределили закрытие журнала в 1923 г. (Ущиповский, 1994: 91,94). Как и «Исторический вестник», «Голос минувшего» относится к научно-популярным изданиям. Ф. М. Достоевский упоминается здесь в 59 текстах.

Публикации в исторической прессе принадлежат перу редакторов, журналистов, писателей, историков, литературных критиков, искусствоведов и являвшихся представителями разных общественных слоев и профессий мемуаристов (Куликова, 2020: 148–149). В рамках данной статьи нас интересуют тексты, где имеются суждения о творчестве Ф. М. Достоевского: критические статьи, заметки, рецензии, обзоры русских и зарубежных книг и периодики, биографические и историко-литературные очерки. Особое внимание мы уделяем малоизвестным и забытым публикациям. Помимо журналистских материалов и исследовательских статей мы будем обращаться также к мемуарам, частично введенным в научный оборот: они отражают умонастроения эпохи и нередко содержат интересные характеристики.

Журнальные публикации невозможно рассматривать вне исторического контекста. Попытаемся выстроить определенную хронологию, выделив в изучаемом периоде два этапа:

– 1881–1904 гг. (от смерти Ф. М. Достоевского и убийства Александра II до преддверия революционных событий 1905–1907 гг.);

– 1905–1917 гг. (от Первой русской революции до Октябрьской).

Такая сложная фигура, как Ф. М. Достоевский, и в более спокойное время не могла бы найти однозначной оценки. Тексты в исторической прессе вполне отражают противоречивый дух этой наполненной потрясениями эпохи.

1881–1904 гг.

28 сентября 1899 г. А. С. Суворин, читавший накануне роман «Идиот», делает в дневнике запись о событиях 1881 г.: «Удивительный тогда был этот подъем в Петербурге. Как раз это перед убийством императора. Публика бросилась читать и покупать

Достоевского. Точно смерть его открыла, а до того его не было»[6]. Внезапный уход из жизни, как правило, повышает интерес к художнику. Весной 1881 г. «Исторический вестник» помещает ряд материалов, посвященных памяти Ф. М. Достоевского[7]. Редактор «Русской старины» М. И. Семевский в своей речи, произнесенной на заседании Санкт-Петербургской Городской Думы, называет его «одним из даровитейших отечественных писателей» и предрекает его сочинениям славу у грядущих поколений[8]. Помимо эпитафий и биографических очерков в исторической прессе публикуются воспоминания друзей и знакомых Ф. М. Достоевского; в этих текстах делаются попытки осмысления его творчества.

Одно из самых ярких описаний читательских чувств оставил Вс. С. Соловьев, сын знаменитого историка, критик и беллетрист, довольно близко общавшийся с писателем в 1870-е гг. В голове впечатлительного юноши рождается сказочный образ: «страстный, страдающий автор» уносит его «в свое мрачное царство», где собрано все, «что только есть темного, больного, мучительного»; все кружится «в страстном вихре», и герой испытывает ужас от созерцания человеческих глубин, однако на темном холсте вдруг проступают светлые краски, вызывающие у него слезы («Исторический вестник», 1881)[9]. По сути, это изображение присущего трагическому искусству катарсического очищения, хотя этот термин и не был произнесен Вс. С. Соловьевым. Впоследствии определение «роман-трагедия» применительно к произведениям Ф. М. Достоевского будет широко использоваться символистами; еще до знаменитой лекции Вяч. Иванова (1911 г.) эта идея озвучивается Д. С. Мережковским, И. Ф. Анненским, М. А. Волошиным, С. Н. Булгаковым (Фридлендер, 1994: 135).

В журнале «Русская старина» в 1881 г. вышли мемуары историка литературы А. П. Милюкова – приятеля Ф. М. Достоевского, который, однако, не был особенно близок к писателю (Долинин (ред.), 1964: 179). Как и Вс. С. Соловьев, он отмечает характерную для его произведений «жизненную правду», которая странным образом сочетается с фантастичностью[10]. Причину того, что на многих персонажах Ф. М. Достоевского лежит «печать какой-то болезненной фантазии», А. П. Милюков видит в припадках эпилепсии[11]; заметим, что в данном случае объяснение своеобразия творческой манеры автора его недугом не несет негативной

окраски: мемуарист скорее сочувствует ему. Гораздо чаще болезнь становилась поводом для обвинений в заносчивости, странном поведении и творческой несостоятельности. Еще в 1867 г. И. С. Тургенев в письме к издателю «Русского архива» П. И. Бартеневу называет писателя «человеком вследствие болезненных припадков и других причин не вполне обладающим собственными умственными способностями»[12], – в этих словах, конечно, проявилась личная обида (подробнее см.: Волгин, 2019: 483–490). Впоследствии тенденция к использованию «священной болезни» в качестве аргумента против Ф. М. Достоевского прочно укоренилась как в мемуарной, так и в научной литературе. В дальнейшем мы обратимся к журнальным публикациям 1910-х гг., которые также подтверждают этот факт.

В 1880-е гг. место Ф. М. Достоевского в писательской иерархии еще не определено. Обратим внимание на статьи, выходившие в эти годы в «Историческом вестнике».

Критик и беллетрист П. Н. Полевой никого из писателей своего времени не решается назвать «великим», «предоставляя это потомству», однако выделяет несколько ярких фигур на литературном небосклоне: в статье о И. С. Тургеневе он приходит к выводу, что тот «должен несомненно уступить первое место не только Л. Толстому, но и Достоевскому, которого он не понимал и даже не признавал писателем талантливым, и Гончарову» (1885)[13].

Историк русской и зарубежной литературы А. И. Кирпичников обращается к мировому художественному опыту и ставит в ряд «лучших представителей поэзии» своего века Ф. М. Достоевского, Ч. Диккенса и В. Гюго, которым свойственна «способность отыскивать высшую духовную красоту в некрасивом» (1884)[14]. Заметим, что те же имена среди писателей эпохи выделяет Л. Н. Толстой. В знаменитом трактате «Что такое искусство?» (1897–1898) он говорит, что их сочинения «передают чувства, влекущие к единению и братству людей»; некоторые книги (в частности, «Записки из Мертвого дома») он включает в число образцов «высшего», «религиозного искусства»[15].

Если одни видели в произведениях Ф. М. Достоевского проповедь Евангелия, то другие опасались их пагубного воздействия, выдвигая свои аргументы: мрачность, многочисленные описания человеческих мук, изобилие психически больных персонажей и странных идей, которые не могут быть истолкованы

однозначно. Уже в первые годы после смерти писателя возникают разнообразные, часто противоречащие друг другу интерпретации его творчества. Знаменитый философ Вл. С. Соловьев, младший брат Вс. С. Соловьева, называет Ф. М. Достоевского «проповедником христианской идеи» и относит его к числу пророков и юродивых (речь 1 февраля 1882 г.)[16]; он впервые истолковывает творчество писателя как «целостное философско-религиозное высказывание», отмечает В. А. Викторович (2015: 212). В том же году в журнале «Отечественные записки» выходит статья критика Н. К. Михайловского «Жестокий талант», отразившая отношение к Ф. М. Достоевскому многих его современников. Идеолог народничества оценивает писателя, прежде всего, как личность и как мыслителя – в традициях литературной критики 1860-х гг. Он приписывает Ф. М. Достоевскому склонность к мучительству и отождествляет автора с его героями (Аверин, 1989: 22–23). Таким образом, уже в начале 1880-х гг. четко обозначились два направления, определившие дальнейшее развитие критической и философской мысли о Ф. М. Достоевском. Идеи о религиозном, профетическом характере его творчества будут продолжены В. В. Розановым, А. Л. Волынским и другими мыслителями Серебряного века. Теория Н. К. Михайловского породит множество полемических откликов. Публицист и народник А. И. Фаресов в биографическом очерке, написанном по случаю смерти Михайловского, отмечает, что тот не обладал необходимой литературному критику проницательностью; в качестве примера автор указывает на ошибки в определении места таких крупных писателей, как Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, Н. С. Лесков, И. С. Тургенев, А. П. Чехов («Исторический вестник», 1904)[17]. Тем не менее идея о «жестоком таланте» получила широкую известность; отголоски этой концепции звучат в суждениях о Ф. М. Достоевском общественных деятелей и мыслителей XX и XXI столетия (подробнее см.: Викторович, 2019: 436–437, 441–443).

Современникам – соотечественникам в особенности – сложно оценить масштаб гения. Большое видится на расстоянии, и склонность к преуменьшению психологически вполне объяснима: нет пророка в своем отечестве. Весьма оригинальное мнение на этот счет высказывает французский библиотекарь и лексикограф Э. Л. Ларше (Loredan Larchey) – перевод отрывка его статьи из «Библиотек универсель де Женев» (*Bibliothèque universelle de Genève*) за 1854 г.

приводит историк литературы Е. С. Некрасова («Русская старина», 1887). Включая в «длинный список <...> знаменитых писателей, которых неизбежная фатальная участь смерти постигает в России тотчас, как только они переходят за рубеж посредственности», А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского и многих других, ученый восклицает: «Горе – говорит Писание – той стране, которая побивает своих пророков!». Е. С. Некрасова делает важное замечание: список русских авторов с указанием их возраста на момент гибели (или ссылки, как в случае с Ф. М. Достоевским) Э. Л. Ларше выписывает из одной западной политической газеты, «удерживая все хронологические неверности»[18]. Конечно, взгляд французского ученого слишком субъективен и основан на неточных данных, однако в его словах присутствует доля истины.

Мнение об опасности творчества Ф. М. Достоевского имело своих сторонников и среди представителей власти. Министерство народного просвещения старалось оградить от его влияния юную и недостаточно подготовленную публику. Отдельные произведения писателя в 1880–1890-е гг. не были допущены в библиотеки средних учебных заведений и народные школы. Решение об изъятии из бесплатных народных читален уже поступившего туда собрания сочинений, принятое в 1898 г., было отменено лишь незадолго до революции – в 1915 г. (Волгин, 2019: 290–306). Произведения Ф. М. Достоевского долгое время не входили в учебную программу, но это вовсе не означало, что юношество не знало этого автора. Стараниями А. Г. Достоевской сочинения писателя пополнили многие семейные и общественные библиотеки. Молодежь с увлечением читала его книги. Порой интерес поощряли и сами преподаватели. Один из основателей Студенческого научно-литературного общества при Санкт-Петербургском университете профессор А. К. Бороздин вспоминает, что в пору его юности (1870–1880-е гг.) знакомство с писателями, не включенными в учебный курс, «представлялось настолько необходимым, что в гимназиях преподаватели русского языка вполне спокойно указывали своим ученикам, что они могли бы пользоваться для своих сочинений типами из «Преступления и наказания», из комедий Островского и т. п.» («Исторический вестник», 1900)[19]. Интересно, что А. К. Бороздин стал впоследствии руководителем семинария по творчеству Ф. М. Достоевского (Богданова, 2017: 273). Следует

предположить, что рекомендательная практика имела широкое распространение, по крайней мере, в гимназиях и университетах.

Справедливости ради заметим, что некоторые суждения Ф. М. Достоевского действительно могли вводить в смущение, в особенности первых его читателей, не имевших возможности ознакомиться с комментариями к тексту. Так, современница писателя племянница декабриста Е. П. Оболенского Е. А. Сабанеева (1829–1889) отмечает эстетическую ценность романа «Братья Карамазовы»; читая его, она вспоминает о собственном пребывании в Оптиной пустыни и видит в лице Зосимы одного из схимников, однако страницы, посвященные кончине старца, смутили ее «смелым анализом положений», и она «осталась недовольна» («Исторический вестник», 1900)[20]. О смысле этих страниц рассуждали впоследствии многие исследователи (подробнее см.: Михайлова, 2011). Касательно способности сочинений Ф. М. Достоевского ввести в соблазн неискушенного читателя вспомним изречение писателя И. С. Шмелева: «Правильно, что старцы не дают “Лествичника” неискушенным монахам, — да не соблазнятся. Трудно взбираться на высоту в 33 ступени!.. – как трудно и опасно многим внимать душекопателю-взрывателю Достоевскому»[21].

Отрицательных отзывов о писателе на страницах исторических журналов не так много. Тексты сотрудников «Русской старины» и «Русского архива» выдержаны, как правило, в нейтральном тоне, что обусловлено научным характером изданий. Критические высказывания могут встречаться в первоисточниках – мемуарах и дневниках (некоторые примеры будут рассмотрены позднее). Оценочные суждения в текстах редакторов – явление довольно редкое. М. И. Семевский в своих очерках выказывает преклонение перед талантом писателя[22]. Исторические работы его брата В. И. Семевского, публиковавшиеся сначала в «Русской старине», а затем в основанном им вместе с С. П. Мельгуновым «Голосе минувшего», по-научному беспристрастны. Редактор «Русского архива» П. И. Бартенев стремится соблюсти нейтралитет, даже когда речь идет о баденской ссоре[23]. В текстах возглавлявшего «Исторический вестник» С. Н. Шубинского Ф. М. Достоевский не упоминается. В своем журнале редактор стремится популяризовать достижения исторической науки за счет увлекательности и простоты изложения материала (Железнева, 1987: 54). Во многих текстах сотрудников «Исторического вестника» присутствуют выраженная оценочность и субъективизм. Рубрики «Критика и библиогра-

фия», материалы для которой присылались в основном провинциальными литераторами и педагогами, и «Заграничные исторические новости», составлявшиеся историками, критиками, писателями и переводчиками (Железнева, 1987: 56), наиболее показательны в этом плане. Интересный пример восприятия Ф. М. Достоевского представляют собой опубликованные в 1889 г. обзоры посвященных ему статей из журналов «Вестерманнс иллюстрирте Монатсхэфтэ» (*Westermanns illustrierte Monatshefte*) и «Дойче Рундшау» (*Deutsche Rundschau*). Рецензенты усматривают в текстах немецких критиков чрезмерную восторженность и злоупотребление громкими фразами. «Оценка произведений нашего писателя довольно верна, хотя значение его в истории русской литературы преувеличено», – говорится о работе переводчика, литературного обозревателя А. Шольца (August Scholz) [24]. Критика Е. Цабеля (Eugen Zabel) упрекают в «чересчур напыщенных похвалах», подчеркивая, что «ни в каком случае не следовало называть Достоевского «пророком»»[25]. В качестве причины упоминается смерть писателя незадолго до цареубийства: его будто обвиняют в том, что он не предсказал мартовских событий. В данном случае зарубежные авторы оказываются более проницательными в оценке значения его творчества для русской и мировой культуры. Позднее в России заговорят о том, что Ф. М. Достоевский предвидел революционные события и, может быть, даже предвосхитил в своем творчестве идею цареубийства: речь идет о ненаписанном продолжении романа «Братья Карамазовы» (подробнее см.: Волгин, 2017: 36–55).

Вообще, иностранцы подчас довольно точно подмечают специфические черты русской литературы. Так, американский дипломат, ученый и писатель Е. Скайлер (Eugene Schuyler) (перевод его воспоминаний о Л. Н. Толстом опубликован в «Русской старине» в 1890 г.), рассуждая о «Войне и мире», обращает внимание на жанровое своеобразие отечественной литературы XIX столетия: ни одно из значительных ее произведений – «от «Мертвых душ» Гоголя и до «Мертвого Дома» Достоевского» – не укладывается в традиционные рамки европейского романа или повести[26]. С этим замечанием трудно не согласиться. Интересно, что в 1911 г. теоретик русского символизма поэт Андрей Белый напишет, что именно Н. В. Гоголь, Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский (три упомянутых Е. Скайлером автора) «разбили художественную классическую форму в России»[27].

Упомянутый выше историк литературы А. И. Кирпичников называет Ф. М. Достоевского «гениальным Христа-ради юродивым, вдохновенным, необузданным пророком <...> вечно плакавшим кровавыми слезами», отмечая при этом, что при «громадном художественном таланте» он лишен «малейшей капли остроумия» – речь идет о сравнении с «царем фельетонистов» А. В. Дружининым (1884)[28]. Утверждение довольно спорное: Ф. М. Достоевского нельзя упрекнуть в отсутствии этого качества, его творчеству не чуждо смеховое начало и авантюрные сюжеты, что подтверждают возникшие в XX в. теории Л. П. Гроссмана и М. М. Бахтина[29], и не стоит воспринимать его исключительно как мрачного пророка. Однако, если мы обратимся к публикациям в исторических журналах 1890–1900-х гг., мы увидим, что в них зачастую отражен именно такой взгляд, а формула «жестокий талант» прочно укрепилась в сознании. Поэт и критик К. П. Медведский, сотрудничавший с «Историческим вестником», в статье о творчестве забытых ныне писателей И. А. Салова и М. Н. Альбова (1893) противопоставляет тургеневскую художественную школу школе психологической (к ней он относит и подражателей Ф. М. Достоевского). По его мнению, у автора «Преступления и наказания» не может быть многочисленных последователей в литературе, что обусловлено самим существом его таланта: чтобы творить в его духе, «нужно быть писателем изломанным», «замкнуться в тесный круг самоанализа да наблюдений над такими же замкнувшимися, полуискалеченными людьми»[30]. «Если перечитывать Достоевского – пытка, то в какой же мере ужасен самый процесс подобного творчества!» – поражается К. П. Медведский[31]. Художественный мир писателя не близок критику. В его произведениях он видит «зимние петербургские сумерки, хмурые, гнилые, безнадежные», в противоположность «жизненосной» атмосфере повестей И. С. Тургенева[32].

Сотрудник «Исторического вестника» публицист Р. И. Сементковский выражает озадаченность тем, что «даже прямая преступность, как у героев Достоевского», вызывает понимание и тайную симпатию у многих критиков и читателей[33]. Он подмечает, что, несмотря на указание писателя на Тихона Задонского как на «положительный тип», которого ищет русская литература, у него самого «героями выведены <...> либо преступники, либо душевнобольные, либо люди, руководствующиеся правилом непротивления злу» (1897)[34]. В изображении «нервно-больного человека»

Ф. М. Достоевский «не имеет соперников даже по отзыву специалистов-психиатров»[35], – вторит ему анонимный автор напечатанной в том же журнале рецензии на второе издание «Легенды о Великом инквизиторе» В. В. Розанова (1902). С ним трудно поспорить: еще в 1885 г. доктор медицины профессор В. Ф. Чиж посвятил писателю очерк «Достоевский как психопатолог», где указывал на «важное дидактическое значение» его произведений для изучения психиатрии[36], однако тон рецензии заставляет заподозрить анонима в несколько предвзятом отношении к писателю, чьих взглядов он явно не разделяет.

Талант Достоевского-психолога трудно отрицать, что подчеркивается во многих публикациях. Так, журналист А. И. Фирсов называет его «знатоком человеческого сердца» («Исторический вестник», 1899)[37], историк литературы Н. О. Лернер – «великим сердцеведом» («Русский архив», 1900)[38] и т. д.

Писательница и переводчица В. В. Тимофеева, в 1870-е гг. работавшая корректором в типографии А. И. Траншеля вместе с Ф. М. Достоевским, вспоминает о тяжелом впечатлении, которое произвели на нее «Записки из подполья» («ад и пытки самобичевания, самоказни»); особенно трудно ей было разделить в своем сознании автора и героя. Впрочем, этого не смогли сделать и критики той эпохи: отойти от традиции отождествления удалось литературоведам советского времени (см.: Созина, 2008: 77). Меценат М. А. Кавос, посоветовавший В. В. Тимофеевой эту книгу, считал ее «самой сильной вещью» писателя, хоть и видел в ней «самый ужасающий мрак и зловоние больничной палаты» и называл его музу «лазаретной» («Исторический вестник», 1904)[39]. Для многих это чтение было мучительным, но ощущение ужаса рождалось от прозрения собственных бездн – и зачастую этот ужас смешивался с восхищением Ф. М. Достоевским-художником.

Как сообщает «Исторический вестник», 24 января 1896 г., в день пятидесятилетия выхода первого романа Ф. М. Достоевского «Бедные люди», в Александро-Невской лавре была отслужена панихида; на могиле писателя артист императорских театров Скворцов произнес речь о воспитательном значении его творчества, проникнутого идеей любви к «униженным и оскорбленным»[40]. В отзывах о писателе часто преобладают слова «мрак», «ужас», «болезнь», «пытка»... О любви, пронизывающей его творчество, говорится гораздо реже. В этом отношении особенно значим первый роман Ф. М. Достоевского, благодаря которому за писателем

закрепилась репутация заступника угнетенных. «Честь и слава молодому поэту, муза которого любит людей на чердаках и в подвалах и говорит о них обитателям раззолоченных палат: “Ведь это тоже люди, ваши братья!”», – пишет В. Г. Белинский в 1846 г.[41] «Может быть, именно он вывел нас всех из нормы и <...> пронизал нам душу <...> состраданием»[42], – размышляет позднее уже знакомая нам В. В. Тимофеева.

Отношение к писателю в конце XIX столетия вполне отражают следующие слова: «К его оценке прилагали мерку, к нему не подходящую», ведь при некоторых несовершенствах формы он, «местами, достигал такой художественности и, в то же время, глубины, как никто»[43]. Автор этого высказывания – представитель известного рода инженер и публицист В. А. Панаев (1824–1899). Его мемуары на протяжении нескольких лет публиковались в журнале «Русская старина». Он не был близко знаком с Ф. М. Достоевским, хотя и бывал в салоне своего двоюродного брата И. И. Панаева, в т. ч. на чтении рукописи «Бедных людей». Подчеркивая, что не имеет возможности судить о писателе на основе личных отношений, В. А. Панаев высказывает весьма проницательное суждение о его творчестве: «Меня всегда несколько коробило и коробит, когда даже поклонники Достоевского стремятся проводить параллель между ним и другими писателями: Тургеневым, Толстым и Гончаровым <...> Достоевский был глубочайший мыслитель, как Гоголь. Их надо мерить не только в длину и ширину, но и в глубину, тогда как к поименованным пред сим трем писателям подходит мера квадратная» («Русская старина», 1901)[44].

В первые годы после смерти Ф. М. Достоевского его недооценивают, а зачастую просто не знают, какую мерку к нему применить. Лишь в конце XIX – начале XX в. русские мыслители (Д. С. Мережковский, В. В. Розанов, А. Л. Волынский и др.) заговорят о религиозно-философском смысле его творчества и о пророческом характере его романов. Именно тогда отечественным критикам и философам откроется его подлинный масштаб (Фридлендер, 1992: 3). Серебряный век знаменует новый этап в осмыслении наследия Ф. М. Достоевского. Чем обусловлено обостренное внимание к его творчеству в этот период? В истории русской культуры рубеж XIX–XX столетий отмечен апокалиптическими настроениями, декадансом, кризисом морали. На этом фоне вечные вопросы, которые

ставил в своих произведениях Ф. М. Достоевский, выглядят особенно актуальными.

1905–1917 гг.

Россия переживает один из самых сложных этапов своей истории. Восьмидесятипятилетний юбилей Ф. М. Достоевского и четверть века со дня его кончины (1906) приходятся на пору политических и общественных потрясений – и одновременно совпадают с расцветом русской культуры. Философы по-разному откликаются на эту дату. В. В. Розанов восхищается тем, «до чего до сих пор жив и ярок Достоевский»[45], и на вопрос «за что Россия так чтит его?» дает ответ: «...это самый проницательный в России человек и самый – любящий»[46]. Д. С. Мережковский называет его «пророком русской революции» – в религиозном понимании (Викторович, 2015: 240), от которого «был скрыт истинный смысл <...> собственных пророчеств»[47], а Л. Шестов заявляет, что «чин пророка» «ему совсем не к лицу» – имея в виду его суждения о политике[48].

В исторической прессе в эти годы имя Ф. М. Достоевского часто связывается с революционной тематикой. Манифест 17 октября 1905 г. провозглашает свободу слова и печати. Формальная отмена цензуры на периодику, возможность проникновения независимых исследователей в архив III отделения, освобождение ряда народовольцев, готовых поделиться своими воспоминаниями, делают возможным издание в России журнала «Былое» (Лурье, 1990: 45). Здесь в 1906 г. Ф. М. Достоевский упоминается, в частности, в материалах о Н. Г. Чернышевском, о «лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами», в воспоминаниях поэта П. И. Вейнберга о покушении Д. В. Каракозова[49]. Затрагиваются и некоторые аспекты, связанные с творчеством писателя. В первом русском выпуске «Былого» публикуются воспоминания народовольца М. Ю. Ашенбреннера, находившегося в Шлиссельбургской тюрьме в 1884–1904 гг. По свидетельству мемуариста, департамент полиции «считал сочинения Достоевского опасными для нервнорасстроенных заключенных», хотя комендант крепости утверждал, что его подопечных «не испортит никакая книга»[50]. Это еще один пример распоряжений властных структур в отношении автора «Преступления и наказания»; впрочем, политика департамента, по словам

М. Ю. Ашенбреннера, была довольно противоречивой, и не только в отношении цензуры: при запрете на чтение некоторых книг долгое время игнорировалось пребывание среди арестантов сумасшедших[51]. Другой заключенный Шлиссельбургской крепости, В. Градский, чьи мемуары вышли в «Былом» уже в 1925 г., упоминает Ф. М. Достоевского (наряду с Л. Н. Толстым, Н. В. Гоголем, И. С. Тургеневым) в числе писателей, пользовавшихся в тюремной библиотеке большим спросом: ждать очереди приходилось долго, несмотря на то что их сочинения имелись в нескольких экземплярах. В некоторых камерах такие произведения, как «Братья Карамазовы» и «Война и мир», читались вслух; получить эти книги было особенно трудно из-за «длиннейшего списка кандидатов на чтение»[52].

В третьем номере «Былого» в дополненном виде напечатана брошюра народовольца В. С. Панкратова «Из деятельности среди рабочих в 1880–1884 гг.», в 1905 г. изданная за границей. Автор пишет, что легальная литература (в т. ч. произведения Ф. М. Достоевского) являлась «почти единственным средством теоретического воспитания» рабочего класса: она «давала основу мировоззрению и развитию», но «была лишь немногим под силу», поскольку «требовала некоторой подготовки и много свободного времени»[53]. На необходимость обращения к дополнительной литературе при чтении романов Ф. М. Достоевского указывает сотрудник «Исторического вестника» И. Александров. В своей рецензии на новый том составленного В. Зелинским сборника критических статей о творчестве писателя (1906) он отмечает, что этот автор обладает «необыкновенно сложной психической организацией» и его «нельзя определить по одному роману, а его роман нельзя понять <...> по одному критику»[54]. Вспомним, что Министерство народного просвещения по мере возможности ограждало доступ недостаточно образованных лиц к книгам Ф. М. Достоевского, опасаясь, по-видимому, «превратных понятий и убеждений», которые «могут сложиться» под их влиянием[55].

В конце 1900-х гг. на страницах исторических журналов чаще стали встречаться негативные отзывы о Ф. М. Достоевском, однако принадлежали они не современным критикам, а ушедшим из жизни писателям и мемуаристам.

В октябре 1907 г. журнал «Былое» был запрещен; вместо него в 1908 г. выходило издание «Минувшие годы». Здесь впервые была напечатана статья М. Е. Салтыкова-Щедрина «“Семейству

М. М. Достоевского", издающему журнал "Эпоха"», написанная в 1864 г. и представляющая собой ответ на фельетон Ф. М. Достоевского «Господин Щедрин, или раскол в нигилистах»[56]. Как сообщает редакция, рукопись передал один из сотрудников «Современника»; по его словам, Н. А. Некрасов не опубликовал ее в своем журнале из-за резкого тона по отношению к издателям «Эпохи»[57]. Литературовед С. Борщевский находит этому другое объяснение: М. Е. Щедрин подчеркивает в своей статье, что это его первый ответ на «Раскол в нигилистах», и тем самым отрицает авторство приписываемой ему статьи «Стрижам» – более резкого ответа «Эпохе», напечатанного в «Современнике» (Борщевский, 1956: 140). Как следует из письма секретаря редакции А. Ф. Головачева, начало этого материала было заимствовано из одной рукописи М. Е. Щедрина, а основной текст был написан критиком М. А. Антоновичем (Там же: 131). Именно М. А. Антонович впоследствии передал в печать статью «"Семейству М. М. Достоевского"...» (Там же: 140). Неудивительно, что он решил предать огласке этот весьма критичный по отношению к Ф. М. Достоевскому текст, ведь в статье «Мистико-аскетический роман» (1881)[58] он негативно отзывается о «Братьях Карамазовых», отмечая неестественность происходящего, тенденциозность и малохудожественность произведения. Однако в публикации статьи М. Е. Щедрина есть положительный момент: она восполняет пробел в истории полемики двух писателей.

В 1909 г. в «Русском архиве» публикуются выдержки из автобиографии псковского краеведа педагога Н. И. Иваницкого; в одной из записей он упоминает о Ф. М. Достоевском, называя его подражателем Н. В. Гоголя (речь идет лишь о «внешней стороне»)[59]; замечание это относится к 1846 г. и, следовательно, касается ранних произведений. О позднем творчестве писателя Н. И. Иваницкий судить не мог: он ушел из жизни в 1858 г.

В «Русской старине» в том же 1909 г. выходят «Записки» сенатора Я. Г. Есиповича; Ф. М. Достоевский в его представлении – мрачный, жестокий гений. Он признается, что высоко ценит «психико-анатомический талант» русского писателя, вызывающего содрогание «дымящимся живою кровью ножом», но его симпатии на стороне Ч. Диккенса, заставляющего глубоко сострадать своим персонажам[60]. Утверждая, что описываемые Ф. М. Достоевским «ужасы» часто толкают читателей в пропасть, мемуарист ссылается на дело студента А. М. Данилова, совер-

шившего преступление «под влиянием наркотически опьяняющей книги» «Преступление и наказание»[61]. Заметим, что это вполне типичная ошибка и данный аргумент в действительности несостоятелен: убийство ростовщика произошло в январе 1866 г., параллельно с публикацией первых глав романа в «Русском вестнике», и имело лишь внешнее сходство с делом Раскольникова (Фридлендер, 1973: 349–350). Недальновидным оказывается и суждение Я. Г. Есиповича о том, что «грядущие поколения, если и будут вспоминать [о Ф. М. Достоевском – *Д.К.*] <...> как о беспощадном нравственном хирурге, то никогда не признают в нем ни великого художника, ни примирительного друга человечества, каким бесспорно был Диккенс»[62]. Мемуарист не мог предположить, что Ф. М. Достоевский когда-то будет считаться одним из лучших писателей в мировой литературе.

Роман «Братья Карамазовы» произвел положительное впечатление и на Я. Г. Есиповича, признавшего «благотворное влияние» на душу читателя таких художественных типов, как старец Зосима[63]. К слову, Л. Н. Толстой, который вообще весьма противоречиво относился к творчеству Ф. М. Достоевского, очень высоко ценил этот образ. В своем экземпляре книги он даже отметил знаком *NB* абзац с поучениями Зосимы (Ремизов, 2019: 672). Сотрудник «Исторического вестника» Д. П. Богданов в 1910 г. пишет в очерке об Оптиной пустыни, что «дивный» образ Зосимы «будет вечно принадлежать к лучшим созданиям человеческой мысли»; в нем воплотилась идея Ф. М. Достоевского о «служении людскому страданию <...> любовью»[64]. И это очень важная мысль: именно любовь стоит в центре творчества писателя. В подлинно христианском сознании Ф. М. Достоевский – «светлый, жизнерадостный» (Шульц, 1999), «пасхальный» (Захаров, 1999).

В 1913 г. начинается издание нового исторического журнала – «Голос минувшего». Сотрудниками издания были представители разных идейных течений, в т. ч. социал-демократы. Среди них – критик М. М. Клевенский, участник революционного движения, впоследствии один из деятелей советской науки (Шахов, 1992). В 1914 г. выходит его рецензия на книгу М. Беринга «Вехи русской литературы». Английский писатель считает основной чертой Ф. М. Достоевского «бесконечную любовь к людям» и подчеркивает, что тот «никогда не наслаждается описанием ужасов и страданий» и показывает «мучения человеческого духа для того, чтобы излечить их»[65]. М. М. Клевенский опровергает суждения М. Беринга,

хотя и в довольно мягкой форме («очень трудно согласиться», «более, чем спорно»)[66]: судя по всему, ему ближе мнение Н. К. Михайловского о «жестоком таланте». Заметим, что незадолго до этого в «Русском слове» выходит известная статья М. Горького «О карамазовщине», где Ф. М. Достоевский назван «злым гением»[67].

В одной из своих позднейших работ о И. С. Тургеневе (1918) М. М. Клевенский поражается враждебным отношением Ф. М. Достоевского к автору «Дворянского гнезда», но в то же время невольно говорит комплимент ему как художнику, отмечая его «тонкую наблюдательность»: «В сравнении с Кармазиновым совсем бледнеют другие литературные попытки осмеять Тургенева»[68]. Сотрудник «Исторического вестника» востоковед С. И. Уманец, напротив, отрицает сходство между образом Кармазинова и его прототипом и считает эту пародию неудачной, «злой попыткой» (1912)[69]. Обратим внимание, что И. С. Тургенев в его воспоминаниях – исключительно положительный персонаж: это наводит на мысль, что мемуарист, встречавший обоих писателей на «пятницах» Я. П. Полонского, испытывает к автору «Отцов и детей» большую симпатию, чем к его оппоненту. Заметим, что С. И. Уманец не разделяет взглядов Ф. М. Достоевского, подвергая критике идею об особой роли России[70], и смотрит на него сквозь призму его недуга: на всех сочинениях писателя, по его словам, лежит «большой художественный недочет и особый отпечаток болезненности, делающей их интересными, главным образом, с психопатологической точки зрения»[71]. Такой взгляд представляется довольно односторонним: произведения писателя действительно значимы для психиатрии, о чем мы упоминали выше, но нельзя отрицать их литературную ценность.

М. М. Клевенский тоже считает воображение Ф. М. Достоевского «болезненно-расстроенным», на основании чего уверенно опровергает его рассказ о баденской ссоре в письме А. Н. Майкову, а именно – высказывания, приписываемые И. С. Тургеневу[72]. Апелляция к мучившему писателя недугу при обосновании той или иной точки зрения типична для того времени; кроме того, отношение М. М. Клевенского к Ф. М. Достоевскому, по-видимому, было предвзятым, как и у И. С. Тургенева, творчество которого он изучал.

К тридцатипятилетию со дня смерти писателя (1916) приурочена публикация в «Голосе минувшего» отрывков из дневника Е. А. Штакеншнейдер – дочери петербургского архитектора, болезненной де-

вушки, обладавшей острым умом, в доме которой часто собирались литераторы (Волгин, 2017: 82–83). В ее записях содержится много проницательных суждений о современной словесности. Редактор «Голоса минувшего» С. П. Мельгунов усматривает в ее дневнике «косвенное недоброжелательство» к И. С. Тургеневу и «пристрастное» отношение к Ф. М. Достоевскому, объясняя это эволюцией взглядов мемуаристки в сторону консерватизма в 1880-е гг.[73] Е. А. Штакеншнейдер признается, что для нее читать И. С. Тургенева – «наслаждение», «точно пьешь живую воду», читать Ф. М. Достоевского – «тяжелый, раздражающий» труд, но как мыслитель он стоит неизмеримо выше[74]. Обилие персонажей и фантастичность сюжетов легко могли привести в смущение. Упомянутый выше критик Вс. С. Соловьев пишет о «путанице образов» у Ф. М. Достоевского, однако признает, что этот «горячечный сон» полон «глубочайшей жизненной правды»[75]. Е. А. Штакеншнейдер замечает: «Ведь в Достоевском что дорого — это естественность неестественности»[76], – и сравнивает писателя с Ч. Диккенсом: «Оба они громоздили в свои романы лица и характеры», которые трудно «удержать в памяти», однако «Диккенсу и не снились те глубины и те вышины, которые прозревал Достоевский <...> Так нырять способен только русский»[77].

Как правило, даже те, кто подвергал критике художественную форму произведений Ф. М. Достоевского, ощущали глубину его мысли. Время расставит все по своим местам. Нам представляются справедливыми слова литературоведа П. Н. Сакулина, члена редакционной коллегии «Голоса минувшего»: «Достоевский был настолько могучим и своеобразным талантом, что очень часто его произведения служили как бы оселком, на котором испытывались высота и направление самой критики» (1913)[78].

Выводы

Мы рассмотрели пять наиболее ярких образцов исторической периодики 1881–1917 гг., выделив в них основные публикации, затрагивающие вопросы восприятия творчества Ф. М. Достоевского. Сопоставим оценки, характерные для разных исторических этапов.

Первый этап (1881–1904) характеризуется ростом интереса к Ф. М. Достоевскому, особенно заметным в первые годы после смерти писателя. В этот период возникают новые интерпретации

его творчества. Широкое распространение получают негативные установки («жестокий талант», мрачность произведений, подавляющее воздействие эпилепсии на способности автора). Для научно-популярного издания, каким был «Исторический вестник», характерен субъективизм и полярность мнений; статьи здесь нередко оказываются полемичными по отношению друг к другу. Историки литературы, критики и журналисты провозглашают Ф. М. Достоевского пророком – и отрицают его профетизм, называют великим психологом – и порицают внимание к безднам человеческой души, видят в нем источник духовной силы – и испытывают страх перед мрачной атмосферой произведений... Тексты сотрудников «Русского архива» и «Русской старины» более сдержанны в силу научного характера этих журналов и их жанровой специфики. Попытки осмысления творчества Ф. М. Достоевского предпринимают не только критики, зачастую не знавшие, с какой меркой подойти к его таланту, но и сами читатели. В мемуарах 1880–1890-х гг. иногда звучат проницательные суждения, однако подлинное открытие Ф. М. Достоевского совершат мыслители Серебряного века.

Второй этап (1905–1917) несет печать революционных потрясений. В 1905–1907 гг. имя Ф. М. Достоевского часто связывается в этой тематикой. После выхода Манифеста 17 октября 1905 г. становится возможным издание в России журнала по истории революционного движения «Былое» (1906–1907), откуда, в частности, можно узнать об интересе к Ф. М. Достоевскому народовольцев и заключенных тюрем, о просветительской деятельности среди рабочих. Чиновники, критики и революционеры сходятся во мнении о трудности философских романов для недостаточно образованных групп населения. В конце 1900–начале 1910-х гг. на страницах исторической прессы в критике и мемуарах мелькает ряд негативных отзывов о Ф. М. Достоевском; по большей части они основаны на идейных расхождениях с писателем. В 1917 г. прекращают свое существование «Исторический вестник» и «Русский архив», в 1918 г. – «Русская старина»; «Голос минувшего» некоторое время продолжает выходить при советской власти наряду с возрожденным журналом «Былое».

Исторические журналы, безусловно, внесли свой вклад в интерпретацию художественного наследия Ф. М. Достоевского. Здесь публикуется значительный пласт материалов о нем; в ряде текстов, принадлежащих исследователям литературы и авторам

мемуаров, содержатся интересные, самобытные суждения о писателе, предвосхитившие идеи известных критиков и философов. Частота упоминаний Ф. М. Достоевского в прессе 1881–1917 гг., постоянное обращение к нему представителей самых разных общественных слоев свидетельствуют об актуальности его творчества для этой сложной исторической эпохи; впрочем, поднимаемые в его романах вечные темы ставят их вне времени. Подводя итог, стоит отметить, что многие тенденции в восприятии Ф. М. Достоевского, сформировавшиеся в дореволюционный период, сохраняются и по сей день. Противоречивость отношения к писателю обусловлена самим существом его таланта: он открывает такие бездны, заглянуть в которые под силу не каждому.

Примечания

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Достоевский: жизнь и наследие. Биографические лакуны. Рецепция творчества и судьбы в национальном сознании (1881–1921)», №18-012-90021 Достоевский.

[2] *Белинский В. Г.* Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым // Белинский В. Г. Собр. соч. в 3 т. / под общ. ред. *Ф. М. Головенченко*. Т. III. Статьи и рецензии 1843–1848. Ред. *В. И. Кулешов, А. Н. Дубовиков*. Москва: ОГИЗ, ГИХЛ, 1948. С. 85.

[3] Наиболее значимые тексты философов и публицистов 1881–1931 гг. представлены в сборнике статей под редакцией В. М. Борисова и А. Б. Рогинского (Борисов, Рогинский (ред.), 1990); отдельные работы, посвященные философским и литературно-критическим интерпретациям Ф. М. Достоевского мыслителями 1880-х гг. и Серебряного века, публиковались в многотомном продолжающемся издании «Достоевский. Материалы и исследования», в различных научных журналах.

[4] Исключение составляет краткий обзор материалов в «Историческом вестнике» (Петрова, 2004).

[5] *Градовский Г. К.* Суд потомства // *Тимощук В. В.* Михаил Иванович Семевский – основатель исторического журнала «Русская старина». Его жизнь и деятельность. 1837–1892. СПб.: изд. Е.М. Семевской, 1895. Приложения. С. 70.

[6] *Суворин А. С.* Дневник Алексея Сергеевича Суворина: текст. расшифровка *Н. А. Роскиной* / подгот. текста и коммент. *Д. Рейфилда и О. Е. Макаровой*. 2-е изд. London: The Garnett press; М.: Независимая газета, 2000. Режим доступа: https://prozhito.org/person/672 (дата обращения: 20.08.2020).

[7] К портрету Ф. М. Достоевского // ИВ. 1881. Т. 4. № 3. С. 473–488; Скорбные страницы // ИВ. 1881. Т. 4. № 3. С. 703–704.

[8] Выражение сочувствия к памяти Ф. М. Достоевского Санкт-Петербургской Городской Думы // РС. 1881. Т. 30. № 3. С. 689–690. (В журнале напечатан сокращенный текст речи М. И. Семевского на заседании 30 января 1881 г. с предисловием автора).

[9] *Соловьев Вс. С.* Воспоминания о Ф. М. Достоевском // ИВ. 1881. Т. 4. № 3. С. 604.

[10] *Милюков А. П.* Федор Михайлович Достоевский (к его биографии) // РС. 1881. Т. 31. № 5. С. 51; *Соловьев Вс. С.* Указ. соч. С. 604.

[11] *Милюков А. П.* Указ. соч. С. 51.

[12] *Тургенев И. С.* Письмо П. И. Бартеневу 22 дек.1867 // Бартенев П. И. Тургенев и Достоевский // РА. 1902. Кн. 3, вып. 9. С. 148.

[13] *Полевой П. Н.* Ахиллесова пята Тургенева// ИВ. 1885. Т. 22. № 11. С. 366.

[14] *Кирпичников А. И.* Забытый талант // ИВ. 1884. Т. 16. № 4. С. 48.

[15] *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений. Том 30. Произведения 1882–1898. М.: ГИХЛ, 1951. С. 160, 177.

[16] *Соловьев Вл. С.* Три речи в память Достоевского. М.,1884.

[17] *Фаресов А. И.* Н. К. Михайловский // ИВ. 1904. Т. 95. № 3. С. 1041.

[18] *Некрасова Е. С.* Гоголь пред судом иностранной литературы // РС. 1887. Т. 55. № 9. С. 567.

[19] *Бороздин А. К.* Студенческое научно-литературное общество при Санкт-Петербургском университете // ИВ. 1900. Т. 79. № 1. С. 304.

[20] *Сабанеева Е. А.* Воспоминания о былом (1770 – 1833) // ИВ. 1900. Т. 82. № 10. С. 56.

[21] Цит. по: Волгин, 2019: 284.

[22] *Семевский М. И.* Путевые очерки, заметки и наброски // РС. 1889. Т. 64. № 10. С. 237; РС. 1890. Т. 68. № 12. С. 715; Ред. Отдел Ф. М. Достоевского в Императорском Российском Историческом музее в Москве // РС. 1891. Т. 69. №3. С. 777.

[23] *Бартенев П. И.* Архивная справка // РА. 1884. Кн. 3, вып.5. С. 238; *Он же.* Тургенев и Достоевский... С. 144–149.

[24] Заграничные исторические новости // ИВ. 1889. Т. 36. № 5. С. 449.

[25] Заграничные исторические новости // ИВ. 1889. Т. 37. № 7. С. 204.

[26] *Скайлер Е.* Граф Лев Николаевич Толстой в воспоминаниях Е. Скайлера / сообщ. и пер. с англ. *А. Ф. Гамбургер* // РС. 1890. Т. 67. № 9. С. 648.

[27] *Белый Андрей.* Трагедия творчества. Достоевский и Толстой. Москва: Мусагет, 1911. С. 33.

[28] *Кирпичников А. И.* Забытый талант... С. 42, 43.

[29] См.: Гроссман, 1925; Бахтин, 1929, 1963.

[30] *Медведский К. П.* Современные литературные деятели. М. Н. Альбов – И. А. Салов // ИВ. 1893. Т. 54. № 10. С. 160 – 161.

[31] Там же. С. 162.

[32] Там же. С. 161.

[33] *Сементковский Р. И.* Русский роман и главный его герой // ИВ. 1897. Т. 68. № 6. С. 863.

[34] Там же. С.860.

[35] Рец. на кн.: В. В. Розанов. Легенда о великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Опыт критического комментария, с присоединением двух этюдов о Гоголе. Изд. 2-е. СПб., 1902 // ИВ. 1902. Т. 87. № 2. С. 703–704.

[36] *Чиж В. Ф.* Достоевский как психопатолог: Очерк. – Университетская типография (М. Катков). М., 1885. С. 5.

[37] *Фирсов А. И.* Козельская Оптина Пустынь // ИВ. 1899. Т. 75. № 3. С. 933.

[38] *Лернер Н. О.* Новая погудка на старый лад // РА. 1900. кн. 2, вып. 8. С. 521.

[39] *Тимофеева В. В. (О. Починковская)* Год работы со знаменитым писателем // ИВ. 1904. Т. 95. № 2. С.532.

[40] Пятидесятилетие «Бедных людей» Ф. М. Достоевского // ИВ. 1896. Т. 63. № 3. С. 1040.

[41] *Белинский В. Г.* Указ. соч. С. 72.

[42] *Тимофеева В. В. (О. Починковская).* Указ. соч. С. 491.

[43] *Панаев В. А.* Воспоминания // РС. 1901. Т. 107. № 9. С. 492.

[44] Там же. С. 491.

[45] *Розанов В. В.* Экономический и социальный вопрос у Достоевского (К 25-летию его кончины) // Русское Слово, 1906. Янв., 28; 30. № 27, 29.

[46] *Он же.* Размолвка между Достоевским и Соловьевым // Новое время. 1902. Окт., 11. № 9556.

[47] *Мережковский Д. С.* Пророк русской революции // Весы. 1906. №2. С. 27–45; №3–4. С. 19–47.

[48] *Шестов Л.* Пророческий дар // Полярная звезда. 1906. № 7. С. 481–493.

[49] *Лемке М. К.* Дело о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами // Былое. 1906. № 9. С. 207; *Он же*. Дело Н. Г. Чернышевского // Былое. 1906. № 3. С. 99; *Вейнберг П. И.* 4 апреля 1866 г. (из моих воспоминаний) // Былое. 1906. № 4. С. 299–300.

[50] *Ашенбреннер М. Ю.* Шлиссельбургская тюрьма за 20 лет, от 1884–1904 г. // Былое. 1906. № 1. С. 86.

[51] Там же. С. 86.

[52] *Градский В.* Шлиссельбургская каторга (из воспоминаний) // Былое. 1925. № 1. С. 252.

[53] *Панкратов В. С.* Из деятельности среди рабочих в 1880–1884 гг. // Былое. 1906. № 3. С. 252–253.

[54] *Александров И.* Рец. на кн.: Критические комментарии к сочинениям Ф. М. Достоевского. Сборник критических статей. Часть четвертая. «Братья Карамазовы». Собрал В. Зелинский. М., 1906 // ИВ. 1906. Т. 104. № 6. С. 992.

[55] Доклад *П. А. Аннина*, 1898 г., цит. по: Волгин, 2019: 301.

[56] *Щедрин Н. (Салтыков М. Е.)*. Г. г. «Семейству М. М. Достоевского», издающему журнал «Эпоха» (с предисловием редакции) // Минувшие годы. 1908. № 1. С. 77–83.

[57] Там же. С. 77.

[58] *Антонович М. А.* Мистико-аскетический роман // Ф. М. Достоевский в русской критике: сб. ст. / вступ. статья и примеч. *А. А. Белкина*. М.: Гослитиздат, 1956. С. 255–305.

[59] Из автобиографии *И. И. Иваницкого* // РА. 1909. Кн. 3, вып. 10. С. 172.

[60] *Есипович Я. Г.* Записки сенатора Есиповича // РС. 1909. Т. 138. № 6. С. 500.

[61] Там же. С. 501.

[62] Там же. С. 500.

[63] Там же. С. 501.

[64] *Богданов Д. П.* Оптина пустынь и паломничество в нее русских писателей // ИВ. 1910. Т. 122. № 10. С. 337.

[65] *Клевенский М. М.* Рец. на кн: М. Беринг. Вехи русской литературы. М., 1913. 165 с. // ГМ. 1914. № 7. С. 298.

[66] Там же.

[67] *Горький М.* О «карамазовщине» // Русское слово: газета. 1913. Сент., 22.

[68] *Клевенский М. М.* И. С. Тургенев в карикатурах и пародиях // ГМ. 1918. № 1–3. С. 209.

[69] *Уманец С. И.* Мозаика (из старых записных книжек) // ИВ. 1912. Т. 130. № 12. С. 1029.

[70] Там же. С. 1031.

[71] Там же. С. 1030.

[72] *Клевенский М. М.* И. С. Тургенев в карикатурах... С. 208.

[73] *Мельгунов С. П.* Предисловие к дневнику Е. А. Штакеншнейдер за 1884 г. // Голос минувшего. 1916. № 2. С. 74–75.

[74] *Штакеншнейдер Е. А.* Из воспоминаний о Ф. М. Достоевском (дневник 1884 г.) // Голос минувшего. 1916. № 2. С. 76–77.

[75] *Соловьев Вс. С.* Указ. соч. С. 604.

[76] Из письма Е. А. Штакеншнейдер к Я. П. Полонскому от 2 июля 1861 г. Цит. по: Батюто, Березкин, Орнатская, Степанова и др., 1983: 255.

[77] *Штакеншнейдер Е. А.* Из воспоминаний о Ф. М. Достоевском... С. 80.

[78] *Сакулин П.* Рец. на кн.: И. И. Замотин. Ф. М. Достоевский в русской критике. Ч. I (1846—1881). Варшава, 1913 // ГМ. 1913. № 11. С. 266.

Библиография

Аверин Б. Социологическая критика Н. К. Михайловского // Михайловский Н. К. Литературная критика: Статьи о русской литературе XIX—начала XX века / сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. *Б. Аверина*. Л.: Художественная литература, 1989. С. 3–33.

Батюто А. И., Березкин А. М., Орнатская Т. И., Степанова Г. В., Якубович И. Д. Неизданные письма к Достоевскому. Т. 5. // Достоевский. Материалы и исследования / под ред. *Г. М. Фридлендера*. Л.: Наука, 1983.

Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского. Л.: Прибой, 1929.

Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Советский писатель, 1963.

Белов С. В. Ф. М. Достоевский. Указатель произведений Ф. М. Достоевского и литературы о нем на русском языке, 1844–2004 гг. СПб.: Российская национальная библиотека, 2011.

Богданова О. А. Письма В. Л. Комаровича П. Е. Щеголеву // Литературный факт. 2017. № 3. С. 272–282. DOI: 10.22455/2541-8297-2017-3-272-282

Борщевский С. С. Щедрин и Достоевский: история их идейной борьбы. М.: Гослитиздат, 1956.

Викторович В. А. Лекции по истории русской литературной критики от XVIII до начала XX века. Коломна: Московский государственный областной социально-гуманитарный институт, 2015.

Викторович В. А. Достоевский. Писатель, заглянувший в бездну: 15 лекций для проекта Магистерия. М.: Rosebud publishing, 2019.

Волгин И. Л. Последний год Достоевского. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017.

Волгин И. Л. Ничей современник. Четыре круга Достоевского. М.; СПб.: Нестор-История, 2019.

Гроссман Л. П. Поэтика Достоевского. М.: Государственная академия художественных наук, 1925.

Дмитриев С. С. Русские исторические журналы по истории СССР // История СССР периода капитализма / под ред. *С. С. Дмитриева, В. А. Федорова, В. И. Бовыкина*. М.: Изд-во МГУ, 1961. С. 167–190.

Дмитриев С. С. Именословие русских исторических журналов // Русская литература. 1967. № 1. С. 73–83.

Дмитриев С. С. Источниковедение русской исторической журналистики (Постановка темы и проблематика) // Источниковедение отечественной истории: сб. ст. / гл. ред. *Н. И. Павленко*. М., Наука. 1976. С. 272–305.

Железнева Т. В. Задачи, структура и тематика журнала «Исторический вестник» (1880–1904) // Историографические и источниковедческие проблемы истории народов СССР: сб. ст. / отв. ред. *С. В. Воронкова*. М.: Изд-во МГУ, 1987. С. 51–58.

Зайцев А. Д. «Русский Архив» – исторический журнал (1863–1917): История собирания, организации и издания исторических материалов: дис. ... канд. ист. наук. М., 1981.

Захаров В. Н. Пасхальный Достоевский // Шульц О. фон. Светлый, жизнерадостный Достоевский. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского университета, 1999. С. 5–14.

Куликова Д. Е. Ф. М. Достоевский сквозь призму исторических журналов 1881 – 1918 гг.: статистический аспект // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2020. № 2. С. 141–166. DOI: 10.30547/vestnik.journ.2.2020.141166

Лурье Ф. М. Хранители прошлого. Журнал «Былое»: история, редакторы, издатели. Л.: Лениздат, 1990.

Михайлова А. А. Тайна «тлетворного духа» в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Вестн. ТГГУ. Экономические и гуманитарные науки. 2011. Т. 17. № 1. С. 256 –261.

О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 гг.: сб. ст. / сост. *В. М. Борисов, А. Б. Рогинский*. М.: Книга, 1990.

Петрова Н. П. Ф. М. Достоевский. Обзор «Исторического вестника» за 1898–1914 гг. из книжного собрания Восточно-Казахстанского областного этнографического музея // Достоевский и мировая культура: художественное наследие и духовность: материалы международной научно-практической конференции (10–11 ноября 2003 г.). Семипалатинск: Изд-во «Ямышевские ворота», 2004. С. 233–236.

Ремизов В. Б. Толстой и Достоевский. Братья по совести. М.: Проспект, 2019.

Созина Е. К. Записки из подполья // Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник / сост. и науч. ред. *Г. К. Щенников, Б. Н. Тихомиров*. СПб.: Пушкинский Дом, 2008. С. 77–88.

Ущиповский С. Н. Русская историческая периодика, 1861–1917 гг.: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1994.

Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников / сост. *А. С. Долинин*. В 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1964.

Фридлендер Г. М. Достоевский и Мережковский // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 10. СПб.: Наука, 1992. С. 3–20.

Фридлендер Г. М. Достоевский и Вячеслав Иванов // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 11. СПб.: Наука, 1994. С. 132–144.

Фридлендер Г. М. Примечания (§9) // *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 7. Преступление и наказание: Рукописные ред. / под ред. *В. В. Виноградова* / тексты подгот. и примеч. сост. *Л. Д. Опульская* и др. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1973. С. 349–350.

Шахов Н. Ф. Клевенский Митрофан Михайлович // Гордость земли Курской. Сборник очерков о знаменитых земляках / сост. *М. Шехирев*.

Курск: Издательство Курского ЦНТИ, 1992. Режим доступа: http://old-kursk.ru/book/zemlaki/klevensk.html (дата обращения: 14.08.2020)

Шульц О. фон. Светлый, жизнерадостный Достоевский. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского университета, 1999.

Notes

Aleksandrov I. (1906) A Review of the Book: V. Zelinskiy (ed.) Kriticheskie kommentarii k sochineniyam F. M. Dostoevskogo. Sbornik kriticheskikh statey. Chast' chetvertaya. «Brat'ya Karamazovy». Moskva, 1906 [Critical Comments to the Works of F.M. Dostoevsky. A Collection of Critical Articles. Part 4. "Brothers Karamazov." Moscow. 1906]. *Istoricheskiy vestnik* 104 (6): 992.

Antonovich M. A. (1881) Mistiko-asketicheskiy roman [Mystical-Ascetic Novel]. In A. A. Belkin (ed.) (1956) *F. M. Dostoevskiy v russkoy kritike: sb. st.* [F.M. Dostoevsky in Russian Criticism]. Moscow: Goslitizdat Publ. Pp. 255–305.

Ashenbrenner M. J. (1906) Shlissel'burgskaya tyur'ma za 20 let, ot 1884–1904 g. [Shlisselburg Prison for 20 Years, from 1884 to 1904]. *Byloe* 1: 86.

Bartenev P. I. (1884) Arkhivnaya spravka [Archival Letter of Verification]. *Russkiy arkhiv* 3 (5): 238.

Bartenev P. I. (1902) Turgenev i Dostoevskiy [Turgenev and Dostoevsky]. *Russkiy arkhiv* 3 (9): 144–149.

Belinskiy V. G. (1846) Peterburgskiy sbornik, izdannyy N. Nekrasovym [Petersburg Collection Published by N. Nekrasov]. In F.M. Golovenchenko (ed.) (1948) *Belinskiy V. G. Sobranie sochineniy v trekh tomakh. Tom III. Stat'i i retsenzii 1843–1848* [Belinsky V. G. Collected Works in Three Volumes. Vol. III. Articles and Reviews. 1843–1848]. Moscow: Association of State Book and Journal Publ., State Publ. House of Fiction. Pp. 72, 85.

Belyy A. (1911) *Tragediya tvorchestva. Dostoevskiy i Tolstoy* [The Tragedy of Creativity. Dostoevsky and Tolstoy]. Moscow: Musaget Publ. P. 33.

Bogdanov D. P. (1910) Optina pustyn' i palomnichestvo v nee russkikh pisateley [Optina Pustyn' and Russian Writers' Pilgrimage to It]. *Istoricheskiy vestnik* 122 (10): 337.

Borozdin A. K. (1900) Studencheskoe nauchno-literaturnoe obshhestvo pri Sankt-Peterburgskom universitete [Student Scientific and Literary Society at St. Petersburg University]. *Istoricheskiy vestnik* 79 (1): 304.

Chizh V. F. (1885) *Dostoevskiy kak psihopatolog: Ocherk* [Dostoevsky as a Psychopathologist: An Essay]. Moscow: Universitetskaya tipografiya (M. Katkov) Publ. P. 5.

Faresov A. I. (1904) N. K. Mikhaylovskiy [N.K. Mikhailovsky]. *Istoricheskiy vestnik* 95 (3): 1041.

Firsov A. I. (1899) Kozel'skaya Optina Pustyn' [Kozelskaya Optina Pustyn']. *Istoricheskiy vestnik* 75 (3): 933.

Gor'kiy M. (1913) O «karamazovshhine» [About the "Karamazovshchina]. *Russkoe slovo*, 22 September.

Gradskiy V. (1925) Shlissel'burgskaya katorga (iz vospominaniy) [Shlisselburg Penal Servitude (from Memoirs)]. *Byloe* 1: 252.

Gradovskiy G. K. (1895) Sud potomstva [The Judgement of Descendants]. In V. V. Timoshchuk (ed.) *Mikhail Ivanovich Semevskiy – osnovatel' istoricheskogo zhurnala «Russkaja starina». Ego zhizn' i deyatel'nost'. 1837–1892. Prilozheniya* [Mikhail Semevsky, the Founder of the Historical Journal Russkaya Starina. His Life and Activities. 1837–1892. Supplements]. St. Petersburg: E. M. Semevskaya Publ. P. 70.

Esipovich J. G. (1909) Zapiski senatora Esipovicha [Senator Esipovich's Notes]. *Russkaya starina* 138 (6): 500–501.

Iz avtobiografii I.I. Ivanickogo [From the autobiography of I.I. Ivanitsky] (1909) *Russkiy arkhiv* 3 (10): 172.

Kirpichnikov A. I. (1884) Zabytyy talant [The Forgotten Talent]. *Istoricheskiy vestnik* 16 (4): 42–48.

Klevenskiy M. M. (1918) I. S. Turgenev v karikaturakh i parodiyakh [Turgenev in Caricatures and Parodies]. *Golos minuvshego* 1–3: 208–209.

Klevenskiy M. M. (1914) Rets. na kn: M. Bering (1913) Vekhi russkoy literatury [A Review of the Book: Milestones of Russian Literature]. *Golos minuvshego* 7: 298.

K portretu F. M. Dostoevskogo [To F.M. Dostoevsky's Portrait] (1881) *Istoricheskiy vestnik* 4 (3): 473–488.

Lemke M. K. (1906) Delo N. G. Chernyshevskogo [The Case of N. G. Chernyshevsky]. *Byloe* 3: 99.

Lemke M. K. (1906) Delo o litsakh, obvinyaemykh v snosheniyakh s londonskimi propagandistami [The Case of Persons Accused of Relations with London Propagandists]. *Byloe* 9: 207.

Lerner N. O. (1900) Novaya pogudka na staryy lad [A New Tune in the Same Setting]. *Russkiy arkhiv* 2 (8): 521.

Medvedskiy K. P. (1893) Sovremennye literaturnye deyateli. M. N. Al'bov – I. A. Salov [Modern Literary Figures. M. N. Albov – I. A. Salov]. *Istoricheskiy vestnik* 54 (10): 160–162.

Mel'gunov S. P. (1916) Predislovie k dnevniku E. A. Shtakenshneyder za 1884 g. [Preface to the diary of E. A. Stackenschneider for 1884]. *Golos minuvshego* 2: 74–75.

Merezhkovskiy D. S. (1906) Prorok russkoy revolyutsii [The Prophet of the Russian Revolution]. *Vesy* 2: 27–45; 3–4: 19–47.

Milyukov A. P. (1881) Fedor Mikhaylovich Dostoevskiy (k ego biografii) [Fedor Dostoyevsky (to His Biography)]. *Russkaya starina* 30 (3): 691–708; 31 (5): 51.

Nekrasova E. S. (1887) Gogol' pred sudom inostrannoy literatury [Gogol in the Assessments of Foreign Literature]. *Russkaya starina* 55 (9): 567.

Otdel F. M. Dostoevskogo v Imperatorskom Rossiyskom Istoricheskom muzee v Moskve [Dostoevsky Department at the Imperial Russian Historical Museum in Moscow] (1891) *Russkaya starina* 69 (3): 777.

Panaev V. A. (1901) Vospominaniya [Memoirs]. *Russkaya starina* 107 (9): 491–492.

Pankratov V. S. (1906) Iz deyatel'nosti sredi rabochikh v 1880–1884 gg. [From Activity among workers in 1880–1884]. *Byloe* 3: 252–253.

Polevoy P. N. (1885) Akhillesova pyata Turgeneva [Turgenev's Heel of Achilles]. *Istoricheskiy vestnik* 22 (11): 366.

Pyatidesyatiletie «Bednykh lyudey» F. M. Dostoevskogo [The Fiftieth Anniversary of the Novel by F.M. Dostoevsky "Poor People"] (1896) *Istoricheskiy vestnik* 63 (3): 1040.

Rets. na kn.: V. V. Rozanov (1902) Legenda o velikom inkvizitore F. M. Dostoevskogo. Opyt kriticheskogo kommentariya, s prisoedineniem dvukh etyudov o Gogole. Izdanie 2 [A Review of the Book: "The Legend of the Great Inquisitor" by F.M. Dostoevsky. The Experience of a Critical Commentary, with the Addition of Two Essays on Gogol. Edition 2. St. Petersburg] (1902) *Istoricheskiy vestnik* 87 (2): 703 –704.

Rozanov V. V. (1906) Ekonomicheskiy i sotsial'nyy vopros u Dostoevskogo (K 25-letiyu ego konchiny) [The Economic and Social Issue in Dostoevsky's Works (On the 25th Anniversary of his Demise)]. *Russkoe Slovo*, 27, 29 January. No 28, 29.

Sabaneeva E. A. (1900) Vospominaniya o bylom (1770–1833) [Memories of the Past (1770–1833)]. *Istoricheskiy vestnik* 82 (10): 56.

Sakulin P. (1913) Rets. na kn.: I. I. Zamotin (1913) F.M. Dostoevskiy v russkoy kritike. Chast' I (1846–1881). Varshava [A Review of the Book: F. M. Dostoevsky in Russian Criticism. Part I (1846–1881). Warsaw]. *Golos minuvshego* 11: 266.

Semevskiy M. I. (1889, 1890) Putevye ocherki, zametki i nabroski [Travel Essays, Notes and Sketches]. *Russkaya starina* 64 (10): 237; 68 (12): 715.

Sementkovskiy R. I. (1897) Russkiy roman i glavnyy ego geroy [The Russian Novel and Its Main Character]. *Istoricheskiy vestnik* 68 (6): 860, 863.

Shestov L. (1906) Prorocheskij dar [Theomancy]. *Poljarnaja Zvezda* 7: 481–493.

Shchedrin N. (Saltykov M. E.) (1908) «Semeystvu M. M. Dostoevskogo», izdayushchemu zhurnal «Epokha» (c predisloviem redaktsii) ["To the Family of M. M. Dostoevsky," Publishing the Epokha Magazine (with the Preface of the Editorial Board)]. *Minuvshie gody* 1: 77–83.

Shtakenshneyder E. A. (1916) Iz vospominaniy o F. M. Dostoevskom (dnevnik 1884 g.) [From the Memoirs About F.M. Dostoevsky (1884 Diary)]. *Golos minuvshego* 2: 76–77; 80.

Skayler E. (1890) Graf Lev Nikolaevich Tolstoy v vospominaniyakh E. Skaylera [Count Lev Nikolaevich Tolstoy in the Memoirs of E. Skyler]. *Russkaya starina* 67 (9): 648.

Skorbnye stranicy [Mournful Pages] (1881) *Istoricheskiy vestnik* 4 (3): 703–704.

Solov'ev Vs. S. (1881) Vospominaniya o F. M. Dostoevskom [Memoirs About F. M. Dostoyevsky]. *Istoricheskiy vestnik* 4 (3): 604.

Solov'ev Vl. S. (1884) *Tri rechi v pamyat' Dostoevskogo* [Three Speeches in Memory of Dostoevsky]. Moscow.

Suvorin A. S. (2000) *Dnevnik Alekseya Sergeevicha Suvorina* [The Diary of Alexei Sergeyevich Suvorin]. London: The Garnett press Publ.; Moscow: Nezavisimaya gazeta Publ. Available at: https://prozhito.org/person/672 (accessed: 20.08.2020).

Timofeeva V. V. (O. Pochinkovskaya). (1904) God raboty so znamenitym pisatelem [A Year of Work with the Famous Writer]. *Istoricheskiy vestnik* 95 (2): 491, 532.

Tolstoy L. N. (1951) *Polnoe sobranie sochineniy. Tom 30. Proizvedeniya 1882–1898* [Complete Works. Vol. 30. Works of 1882–1898]. Moscow: «Khudozhestvennaya literatura» State Publ. Pp. 160, 177.

Turgenev I. S. (1902) Pis'mo P. I. Bartenevu 22 dek. 1867 [A Letter to P. I. Bartenev on December 22, 1867]. *Russkiy arkhiv* 3 (9): 148.

Umanets S. I. (1912) Mozaika (iz starykh zapisnykh knizhek) [Mosaics (from Old Notebooks)]. *Istoricheskiy vestnik* 130 (12): 1029–1030. (In Russian)

Veynberg P. I. (1906) 4 aprelya 1866 g. (iz moikh vospominaniy) [April 4, 1866 (from My Memoirs)]. *Byloe* 4: 299–300.

Vyrazhenie sochuvstviya k pamyati F. M. Dostoevskogo Sankt-Peterburgskoy Gorodskoy Dumy [Expression of Compassion for F. M. Dostoevsky's Memory by the St. Petersburg City Duma] (1881) *Russkaya starina* 30 (3): 689–690.

Zagranichnye istoricheskie novosti [Foreign Historical News] (1889) *Istoricheskiy vestnik* 36 (5): 449.

Zagranichnye istoricheskie novosti [Foreign Historical News] (1889) *Istoricheskiy vestnik* 37 (7): 204.

References

Averin B. (1989) Sotsiologicheskaya kritika N. K. Mikhaylovskogo [Sociological Criticism of N.K. Mikhailovsky]. In B. Averin (ed.) *Mikhaylovskiy N. K. Literaturnaya kritika: Stat'i o russkoy literature XIX – nachala XX veka* [Literary Criticism: Articles on Russian Literature of the 19th – early 20th Centuries]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura Publ. Pp. 3–33. (In Russian)

Bakhtin M. M. (1929) *Problemy tvorchestva Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Creative Work]. Leningrad: Priboy Publ. (In Russian)

Bakhtin M. M. (1963) *Problemy poetiki Dostoevskogo. 2-e izd., pererab. i dop.* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. Moscow: Sovetskiy pisatel' Publ. (In Russian)

Batyuto A. I., Berezkin A. M., Jakubovich I. D., Ornatskaja T. I., Stepanova G. V. (1983) Neizdannye pis'ma k Dostoevskomu. T. 5. [Unpublished Letters to Dostoevsky]. In G. M. Fridlender (ed.) *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Research]. Leningrad: Nauka Publ. (In Russian)

Belov S. V. (2011) *F. M. Dostoevskiy. Ukazatel' proizvedeniy F. M. Dostoevskogo i literatury o nem na russkom yazyke, 1844–2004 gg* [F.M. Dostoevsky. Index of Works by F. M. Dostoevsky and Literature about Him in Russian, 1844–2004]. St. Petersburg: The Russian National Library Publ. (In Russian)

Bogdanova O. A. (2017) Pis'ma V. L. Komarovicha P. E. Shchegolevu [The Letters by V. L. Komarovich to P. E. Shchegolev]. *Literaturnyy fakt* 3: 272–282. DOI: 10.22455/2541-8297-2017-3-272-282 (In Russian)

Borshchevskiy S. S. (1956) *Shchedrin i Dostoevskiy: istoriya ikh ideynoy bor'by* [Shchedrin and Dostoevsky: the History of Their Ideological Struggle]. Moscow: Goslitizdat Publ. (In Russian)

Borisov V. M., Roginskiy A. B. (eds.) (1990) *O Dostoevskom: Tvorchestvo Dostoevskogo v russkoy mysli 1881–1931 gg.: sb. st.* [About Dostoyevsky: Dostoyevsky's Works in Russian Thought of 1881–1931]. Moscow: Kniga Publ. (In Russian)

Grossman L. P. (1925) *Poetika Dostoevskogo* [Dostoevsky's Poetics]. Moscow: State Academy of Art Sciences Publ. (In Russian)

Dmitriev S. S. (1961) Russkie istoricheskie zhurnaly po istorii SSSR [Russian Historical Journals on the History of the USSR]. In S. S. Dmitriev, V. A. Fedorov, V. I. Bovykin (eds.) *Istoriya SSSR perioda kapitalizma* [History of the USSR of the Period of Capitalism]. Moscow: Moscow St. Univ. Publ. Pp. 167–190. (In Russian)

Dmitriev S. S. (1967) Imenoslovie russkih istoricheskih zhurnalov [Vocabulary of Russian Historical Journals]. *Russkaya literatura* 1: 73–83. (In Russian)

Dmitriev S. S. (1976) Istochnikovedenie russkoy istoricheskoy zhurnalistiki (Postanovka temy i problematika) [Source Study of Russian Historical Journalism (Subject Statement and Range of Issues)]. In N. I. Pavlenko (ed.) *Istochnikovedenie otechestvennoy istorii: sb. st.* [Source Study of Russian History: a collection of articles]. Moscow: Nauka Publ. Pp. 272–305. (In Russian)

Dolinin A. S. (ed.) (1964) *F.M. Dostoevskiy v vospominaniyakh sovremennikov. V 2 t. T. 1.* [F. M. Dostoevsky in the Memoirs of His Contemporaries]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ. (In Russian)

Fridlender G. M. (1992) Dostoevskiy i Merezhkovskiy [Dostoevsky and Merezhkovsky]. In G. M. Fridlender (ed.) *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya. T. 10* [Dostoevsky. Materials and Research. Vol. 10]. St. Petersburg: Nauka Publ. Pp. 3–20. (In Russian)

Fridlender G. M. (1994) Dostoevskiy i Vyacheslav Ivanov [Dostoevsky and Vyacheslav Ivanov]. In G. M. Fridlender (ed.) *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya. T. 11* [Dostoevsky. Materials and Research. Vol. 11]. St. Petersburg: Nauka Publ. Pp. 132–144. (In Russian)

Fridlender G. M. (1973) Primechanija (§9) [Notes (§9)]. In Vinogradov V. V. (ed.) *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t. Tom 7. Prestuplenie i nakazanie: Rukopisnye redakcii* / podgot. teksta i primech. L. D. Opul'skaja i dr. [Dostoevsky F. M. Complete Works: in 30 vol. Vol. 7. Crime and Punishment: Handwritten editions / text preparation and notes by L. D. Opulskaya etc.]. Leningrad: «Nauka» Publ. Pp. 349–350. (In Russian)

Kulikova D. E. (2020) F.M. Dostoevskiy skvoz' prizmu istoricheskikh zhurnalov 1881 – 1918 gg.: statisticheskiy aspekt [F. M. Dostoevsky through the Prism of Historical Journals of 1881 – 1918: the Statistical Aspect]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika* (2): 141–166. DOI: 10.30547/vestnik.journ.2.2020.141166 (In Russian)

Lur'e F. M. (1990) *Khraniteli proshlogo. Zhurnal "Byloe": istoriya, redaktory, izdateli* [Guardians of the Past. The Byloe Magazine: History, Editors and Publishers]. Leningrad: Lenizdat. Publ. (In Russian)

Mikhaylova A. A. (2011) Tayna «tletvornogo dukha» v romane F. M. Dostoevskogo «Brat'ya Karamazovy» [The Mystery of "Pernicious Spirit" in F. M. Dostoevsky's Novel "Brothers Karamazov"]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo tehnicheskogo universiteta. Jekonomicheskie i gumanitapnye nauki* 17 (1): 256–261. (In Russian)

Petrova N. P. (2003) F. M. Dostoevskiy. Obzor «Istoricheskogo vestnika» za 1898–1914 gg. iz knizhnogo sobraniya Vostochno-Kazakhstanskogo oblastnogo etnograficheskogo muzeya [F. M. Dostoyevsky. A Review of the Istorichesky Vestnik Journal for 1898–1914 from the Book Collection of the East Kazakhstan Regional Ethnographic Museum]. In *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: khudozhestvennoe nasledie i dukhovnost': materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (10–11 noyabrya 2003 g.)* [Dostoevsky and World Culture: Artistic Heritage and Spirituality]: Proceedings of the International Research-to-Practice Conference, Semipalatinsk: Yamyshevskie vorota Publ. Pp. 233–236. (In Russian)

Remizov V. B. (2019) *Tolstoy i Dostoevskiy. Brat'ya po sovesti* [Tolstoy and Dostoevsky. Brothers in Conscience]. Moscow: Prospekt Publ. (In Russian)

Shakhov N. F. (1992) *Klevenskiy Mitrofan Mikhaylovich // Gordost' zemli Kurskoy. Sbornik ocherkov o znamenitykh zemlyakakh* [Klevensky Mitrofan Mikhailovich. Pride of the Land of Kursk. A Collection of Essays about Famous Fellow Countrymen]. Kursk: Kursk Center for Scientific and Technical Information Publ. (In Russian). Available at: http://old-kursk.ru/book/zemlaki/klevensk.html (accessed: 14.08.2020)

Schoultz O. von (1999) *Svetlyy, zhizneradostnyy Dostoevskiy* [Radiant, Cheerful Dostoevsky]. Petrozavodsk: Petrozavodsk Univ. Publ. (In Russian)

Sozina E. K. (2008) Zapiski iz podpol'ya [Notes from Underground]. In G. K. Shhennikov, B. N. Tihomirov (eds.) *Dostoevskiy: Sochineniya, pis'ma, dokumenty: Slovar'-spravochnik* [Dostoevsky: Works, Letters, Documents: A Reference Dictionary]. St. Petersburg: Pushkin House Publ. Pp. 77–88. (In Russian)

Ushchipovskiy S. N. (1994) *Russkaya istoricheskaya periodika, 1861–1917 gg.:* dis. ... kand. filol. nauk. [Russian Historical Periodicals, 1861–1917. PhD philol. sci. diss.] St. Petersburg. (In Russian)

Viktorovich V. A. (2015) *Lektsii po istorii russkoy literaturnoy kritiki ot XVIII do nachala XX veka* [Lectures on the History of Russian Literary Criticism from the 18th to the Early 20th Century]. Kolomna: Moscow St. Region. Socio-Humanitar. Inst. Publ. (In Russian)

Viktorovich V. A. (2019) *Dostoevskiy. Pisatel', zaglyanuvshiy v bezdnu: 15 lektsiy dlya proekta Magisteriya* [Dostoevsky. The Writer who Looked into the Abyss: 15 Lectures for the "Magisteria" Project]. Moscow: Rosebud Publ. (In Russian)

Volgin I. L. (2017) *Posledniy god Dostoevskogo* [The Last Year of Dostoevsky]. Moscow: AST Redaktsiya Eleny Shubinoy Publ. (In Russian)

Volgin I. L. (2019) *Nichey sovremennik. Chetyre kruga Dostoevskogo* [Nobody's Contemporary. Four Circles of Dostoevsky]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ. (In Russian)

Zakharov V. N. (1999) Paskhal'nyy Dostoevskiy [Paschal Dostoevsky]. In O. von Schoultz (ed.) *Svetlyy, zhizneradostnyy Dostoevskiy* [Radiant, Cheerful Dostoevsky]. Petrozavodsk: Petrozavodsk Univ. Publ. (In Russian)

Zaytsev A. D. (1981) *«Russkiy Arkhiv» – istoricheskiy zhurnal (1863–1917): Istoriya sobiraniya, organizatsii i izdaniya istoricheskikh materialov*: dis. ... kand. ist. nauk. [Russkij Arhiv – a Historical Journal (1863–1917): a History of Collection, Organization and Publication of Historical Materials. PhD hist. sci. diss.] Moscow. (In Russian)

Zhelezneva T. V. (1987) Zadachi, struktura i tematika zhurnala «Istoricheskiy vestnik» (1880–1904) [Tasks, Structure and Topics of the Istorichesky Vestnik Journal (1880–1904)]. In S. V. Voronkova (ed.) *Istoriograficheskie i istochnikovedcheskie problemy istorii narodov SSSR: sb. st.* [Historiographical and Source Study Problems of the History of USSR Peoples: a collection of articles]. Moscow: Moscow St. Univ. Publ. Pp. 51–58. (In Russian)

Поступила в редакцию
15.03.2021

Ляпина Алина Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия; e-mail: a.v.liapina@mail.ru

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОХОТНИЧЬЕЙ ПЕРИОДИКИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

В статье рассмотрены этапы развития охотничьей журналистики в дореволюционной России в контексте социально-политических, культурно-исторических преобразований во второй половине XIX – начале XX в. Акцентировано внимание на редакционной политике, целевой установке и программах изданий. Впервые обоснована актуальность изучения дореволюционной специализированной прессы природоведческой, охотничьей тематики как первого опыта формирования необходимого информационного пространства, в котором рассматривались вопросы взаимодействия человека с миром природы и социума, решались задачи, направленные на сохранение природного наследия России. Важность исследования состоит в том, что оно вводит в научный оборот новый эмпирический материал, расширяющий предметное поле историко-журналистских исследований.

Ключевые слова: *охотничья журналистика, охотничья субкультура, человек и природа, история отечественной журналистики, специализированные издания, экологическая журналистика, охота.*

Alina V. Liapina, PhD in Pedagogy, Associate Professor at the Chair of Russian and Foreign Literature, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia; e-mail: a.v.liapina@mail.ru

EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF HUNTING PERIODICALS IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

The article examines the stages and conditions of the emergence of hunting journalism in pre-revolutionary Russia. The magazines under consideration are viewed in the context of the historical transformations in Russia in the second half of the 19th – early 20th century. Attention is focused on the interaction of a person, nature and society. The first hunting magazines appeared in the 1840s and 1860s as part of the sports press, in accordance with the English tradition having a great influence on the development of sports in Russia. In the 1870s and 1890s, a lot of nature and hunting magazines were published. Hunting helped scientists to study the world of wildlife, to find out the number of game species in different regions of the country. Travel reports were also published in the magazines. There were magazines on the canine topic to support hound hunting. During the years of the 1905 revolution and wars, the magazines wrote a lot about political events, weapons and their technical characteristics. By the year 1917, hunting was no longer associated with sports. Hunting magazines became independent, reflected the life of the

industry and wrote about its success. The magazines were published at a high professional level. They were funded by hunting societies or existed at the expense of publishers themselves.

Key words: *hunting journalism, hunting subculture, man and nature, history of Russian journalism, specialized magazines, environmental journalism, hunting.*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2021.85113

Введение

Специализированная пресса давно и плодотворно изучается историками и теоретиками печати как важная составляющая истории отечественной журналистики. Однако в этой области исследования есть группа специализированных изданий природоведческой, охотничьей тематики, которые, несмотря на многочисленную целевую аудиторию и глубокое содержание контента, только сейчас становятся предметом научной рефлексии (Слюсаренко, 2003; Алексеев, 2008; Подлубнова, 2016; Войтик, 2016; Кубышко, 2017; Ситникова, 2017; Ляпина, 2019, 2020 и др.).

Изучение журналов природы и охоты, нацеленных на сохранение природного наследия России, совпадает с актуальным направлением государственной политики в области охраны окружающей среды, экологического развития России. Глобальные экологические проблемы приобретают стратегический характер и стимулируют интерес мировой науки к исследованию природного мира.

В Европе и США тема охоты и связанная с ней тема природы становятся объектом исследований и в историко-культурном, и в природоведческом аспектах (Harvey, 2003; Strachan, Nally, 2012; Jones, 2015). Относительно новое и востребованное в евро-американском и российском научном мире направление *Environmental history* (история окружающей среды) объединяет гуманитарные и естественные науки в целях изучения истории взаимодействия человека и природы (Hughes, 2008; Александров, Брюггемайер, Лайус, 2008; Moon, 2017). Среди областей гуманитарного знания релевантной данной теме является история специализированной печати, на страницах которой представлены различные сценарии взаимодействия человека и природы, что представляется актуальным для решения природоохранных задач сегодняшнего дня.

Вопросами воспитания экологической культуры и развития экологического сознания сегодня занимается экологическая журналистика – относительно новое социальное направление современных средств массовой информации (Сизова, 2007; Шаркова, 2015). Дореволюционная периодика охотничьей, природоведческой направленности стала одним из первых опытов продвижения в информационном пространстве базовых представлений о природе, человеке, обществе. Ее междисциплинарное изучение может стать весомым вкладом в осмысление и реконструкцию прошлого.

Интерес современной науки к журналам природы и охоты также объясняется и статусом самой охоты, связанной с глубинными процессами национальной жизни как социального и культурного феномена. Перед историками печати стоит задача исследовать многообразные смыслы этого феномена, закрепленные в текстах разных жанров и стилей. «Слово “охота” все еще имеет обаятельную силу <...> для всех русских. Слышится в этом слове родимый разгул, родимое молодечество и удаль. Веет от этого слова темным бором, безграничным полем, широкой волею, широким раздольем»[1] .

В художественно-публицистических, научных, информационно-аналитических жанрах многоаспектно представлена панорама русского мира и быта, а также традиции многочисленных народов российской империи, связанные с охотой и рыбным промыслом, изучение которых позволяет сохранить в памяти культуры наиболее ценный опыт освоения человеком природного пространства – в условиях глобализации и экологического кризиса.

В охотничьей прессе дается эксклюзивная информация о региональных особенностях охоты, о состоянии зверофонда России, о жизни и быте местного населения.

Внимание к охотничьей журналистике сегодня продиктовано и возросшим интересом гуманитариев к изучению маргинальных культур (Одесская, 1993; Хренов, 2020), к числу которых относится охотничья субкультура как часть мирового историко-культурного и информационного наследия, имеющая свои традиции, систему эстетических и этических ценностей, жанров, язык. Охотничьи рассказы, которыми изобилует специализированная пресса, могут стать основой для дальнейшего изучения истории отечественной журналистики в ее связи с литературой.

Таким образом, история создания и функционирования изданий природоведческой, охотничьей тематики заслуживает детального рассмотрения как первый опыт формирования актуального информационного пространства, в котором на интегративном уровне представлены различные культурные формы, рассматривающие множественные аспекты взаимодействия человека с миром природы и социумом.

Все издания имели свою программу, тематическую направленность, периодичность, тираж, продолжительность выпуска, формат. Одни журналы ориентировались на интеллигенцию, другие предназначались для малограмотного населения; одни прекращались после выхода первых номеров, другие издавались десятилетиями и т. д. и т. п. Все они участвовали в формировании особого типа издания с собственными формально-содержательными особенностями.

Цель исследования – представить этапы возникновения и развития журналов природы и охоты в дореволюционной России на основе изучения ряда типоформирующих признаков (издающий орган, задачи и программа изданий, авторский состав, внутренняя структура, периодичность) в контексте социально-политических, культурно-исторических преобразований во второй половине XIX – начале XX в.

Методологию исследования определил историко-типологический подход, разработанный в трудах А. И. Акопова (2002); М. В. Шкондина, Л. Л. Реснянской ((ред.), 2009) и др., позволяющий «изучить периодические издания с точки зрения возникновения их типов в исторической ретроспективе в связи с различными социальными факторами» (Акопов, 2002: 111).

Хронологические рамки исследования охватывают 1840–1918 гг. – период зарождения и угасания охотничьей прессы в дореволюционной России. Всего за указанный период было издано более 30 газет и журналов с приложениями.

Их социальная роль в обществе определялась целевой установкой – привить читателям любовь к природе, сформировать представление о правильной охоте. Редакторами акцент был сделан на духовной составляющей охоты: «Страсть к охоте неразрывно связана с любовью к природе»[2]; «Охота – широкая страсть, вполне преобразующая человека и очищающая все его душевные качества. Какая мысль о мелочных расчетах может проникнуть и запасть в душу охотника, когда он один, окруженный чудными картинами природы, посвящает охоте свой досуг?!»[3] .

Зарождение охотничьей печати в России

Интерес общества к охотничьей тематике возникает в середине XIX в. 1840–1850-е гг. в России – это время социальных преобразований, поиска концепции национального единства на фоне устойчивого интереса к Западу, естественнонаучных открытий, развития фольклора и этнографии, формирования «городской» литературы. Если охота раньше соотносилась с образом жизни русских царей и крупных землевладельцев, то сейчас охота привлекла внимание представителей науки, искусства, городских обывателей и промышленников. Охота способствовала сближению человека с природой, «примирению» людей из разных социальных групп, знакомству с повседневной жизнью русского крестьянства. В общественно-политических, литературных («Москвитянин», «Современник», «Библиотека для чтения», «Русский инвалид», «Иллюстрация» и др.), специализированных журналах («Лесной журнал», «Журнал коннозаводства и охоты») публикуются не только статьи о правилах и способах охоты, о деятельности различных спортивных и охотничьих учреждений, о нравах и образе жизни животных, но и литературные произведения, очерки и рассказы этнографического содержания с участием героев-охотников.

Под влиянием английской традиции охота в России в середине XIX в. стала рассматриваться как вид спорта (наряду с конным) и была весьма популярна. Под спортом англичане понимали всякого рода охоту, о чем сообщает А. С. Хомяков в статье «Спорт, охота», опубликованной в 1845 г. в журнале «Москвитянин»: «Всякого рода охоту Англичане называют спорт. Охота с собаками, с ружьем, с птицею, ловля зайца, волка, льва, слона, бабочки, ловля удочкой или неводом, багром или острогою, ловля гольца или кита, все это спорт <...> Важность, с которою Англичане говорят об охоте, сильное участие, которое она возбуждает, огромность сумм, ежегодно употребляемых для ея усовершенствования и поддержания, почти невероятны»[4]. Видный славянофил упрекает просвещенных русских в увлечении английской модой, апеллируя к национальным традициям охоты. Западный опыт далеко не всегда может быть плодотворен на русской почве: «Имея дома такие отличные породы с такими разнообразными достоинствами <...> нам не для чего искать породы заграничной <...> Чтобы совершенствовать породу борзой, – продолжает А.С. Хомяков, – нам не нужно презирать всего своего и не кланяться всему чужо-

му»[5]. Англомания вызвала к жизни множество подражателей. Позицию славянофильского издания поддержал журнал «Русское слово» (1859): «Но появилась англомания, сначала во Франции, потом конечно и у нас; “спорт” вошел в моду, и те же охотники сделались другими людьми в глазах прежней публики; охота стала наконец не только терпима, но даже уважаема; такова наша публика!.. Теперь вовсе неохотники в душе заводят и собак, и ружья, и охотничьих лошадей, – ради моды и от нечего делать»[6].

Национальные традиции охоты защищал П. М. Мачеварианов, русский кинолог, охотник, теоретик и законодатель псовой охоты, в книге «Записки псового охотника Симбирской губернии» (1876), не принимая английское слово «спорт». Он высказал упрек в адрес столичных охотников, «которые невзлюбили русские слова: ОХОТА, ОХОТНИК и переименовали их в СПОРТ и СПОРТСМЕН. Для чего и почему это? Обширнее ли или сладкозвучнее, или благороднее значение английских слов в сравнении с русскими? Уж не для отличия ли от низшего сословия? Мужичок охотником себя назовет, но чтоб выговорить СПОРТСМЕН, он десять раз поперхнется, и на одиннадцатом язык его завяжется узлом. Радуйтесь господа СПОРТСМЕНЫ! Отличились! <...> Солидные и образованные русские патриоты заботятся о восстановлении народности и поддержании национальности; а они-то, голубчики, из шкуры лезут в англоманы! Не имея никакого понятия о стройных русских псовых охотах, руководствуются одними английскими журналами: *Sporting Magazine* для них выше, чем были для народов законы и кодексы Солона, Ликурга, Фридриха Великого и Наполеона I. Их охотничья терминология, лично им принадлежащая, совершенная дичь, в роде офенского языка (которым объяснялись старые разносчики, надувая деревенских покупателей); потому что эти СПОРТСМЕНЫ со старинными охотниками не знакомы и в серьезных съездах никогда не бывали»[7].

Тем не менее английские книги и журналы, переводы английских и французских авторов стали интересны и доступны российскому читателю. В 1842 г. английский журнал *The St. Petersbourg English Review of Literature, the Arts and Sciences,* издававшийся в Петербурге, опубликовал обзорную статью *British Field Sports*, в которой представил имена авторов охотничьих рассказов: Д. Колкхуна, П. Эгана, Ч. Эпперли и других – и анонсировал их произведения. В «Журнале коннозаводства и охоты» за 1846 г. были опубликованы переводы с французского – «Охота в Берри» и «Редкая собака»,

в которых описаны приключения охотников, представлены картины сельского быта.

Таким образом, английское влияние стало заметным явлением в литературе и в общественной жизни. С середины XIX в. охоту в России стали рассматривать как вид спорта наравне с конным спортом, относившийся к «высшему разряду». Конный спорт и охота в царской России были тесно связаны и находились на высоком счету у власти. Ввиду участия России в непрерывных войнах необходимо было повышать уровень мастерства наездников и стрелков, совершенствовать физическую форму воинов и качество верховой езды. Несмотря на сопротивление знатоков и ценителей русской охоты, понятие «спорт» активно входило в повседневный обиход и способствовало развитию не только спорта как социального института, но и специализированной печати, его поддерживающей.

Первым охотничьим изданием, поддержавшим развитие спорта в России, стал ежемесячный Санкт-Петербургский «Журнал коннозаводства и охоты» (1842–1864), объединивший два популярных вида спорта – конный и охоту. Журнал входил в число ведомственной периодики и являлся органом Главного управления государственного коннозаводства. Редакция обосновала необходимость создания специального журнала отсутствием теоретических знаний, научных выводов и заключений. Журнал тяготел к научно-популярному типу издания, так как публиковал аналитические статьи, посвященные истории зарождения и развития коневодства, условиям и трудностям разведения пород лошадей в России, технологии коннопроизводства, статьи практической направленности – в популярной форме давал советы и рекомендации по разведению отечественных пород лошадей, писал о методиках селекционной работы по созданию новых пород. Журнал публиковал рассказы, очерки, стихи, чем заинтересовывал и широкого читателя. Все номера журнала были хорошо иллюстрированы: на рисунках изображены деятели коневодства, спортивные сцены. Руководил изданием Наполеон Матвеевич Реутт, знаток русской охоты, специалист по русской борзой, автор оригинального трактата 1846 г. «Псовая охота». В 1864 г. из-за бедности охотничьего отдела редакция исключила его из структуры и названия журнала. Издание продолжило свое функционирование под названием «Журнал коннозаводства».

В северной столице с 1869 по 1874 г. выходил двухнедельный «Журнал охоты и коннозаводства», снабженный иллюстрациями.

Адольф Федорович Паули, основатель и редактор-издатель журнала, ставил своей задачей предоставить занимательное чтение как для профессионально заинтересованного читателя, «так и для неспециалиста»[8], о чем свидетельствовал подзаголовок: «Для любителей: охоты, рыбной ловли, лошадей, скачек (спорта), акклиматизации животных и пр.», а с 1873 по 1874 г. – «Бегов и скачек, акклиматизации животных, рыболовства и других предметов спорта (деревенских удовольствий)». В отличие от издания Н. М. Реутта, это был тонкий журнал (около 16 страниц), публиковавший статьи по вопросам охоты, коннозаводства, ветеринарной медицины, официальные известия, фельетоны и справочный листок. Однако сам редактор не имел достаточных знаний для выпуска специализированного журнала, что сказалось на качестве и принципах представления публикуемых материалов. Н. А. Некрасов, как знаток охоты и охотничьей литературы, в журнале «Отечественные записки» (1869)[9] иронически отозвался о деятельности немецкого «редактора-вырезывателя», который все свои «оригинальные» статьи позаимствовал из книг «Псовая охота» – государева стремянного Венцеславского (1847), «Псовая охота» – сочинения Реутта (1846) и «Справочной егерской книги» (1853) – московского издания неизвестного автора[10]. Уже в 1870 г. журнал перешел в руки серьезных специалистов в сфере охоты – А. Николаева и В. Ильина. Отделом коннозаводства заведовал Н. Лодыгин при поддержке А. А. Стаховича, известного деятеля в области конного спорта. Последним редактором стал Модест Николаевич Богданов, доктор зоологии, профессор Петербургского университета. Журнал прекратил свое существование в 1874 г. из-за длительной научной командировки главного редактора и ведущих сотрудников издания.

В Москве первым охотничьим изданием, поддержавшим развитие спорта, стал ежемесячный «Журнал охоты» (1852–1860, 1862) объемом более 100 страниц. Его основатель – Георгий Георгиевич Мин, ученый секретарь Императорского Московского общества акклиматизации животных и растений, член Эдинбургского Королевского физического общества. По целевому назначению журнал тяготел к научно-популярному типу издания, о чем свидетельствует содержание программной статьи. Программа издания состояла из 12 рубрик и включала публикации официального характера (распоряжения правительства, указы), материалы информационно-аналитической направленности (об охотничьих соба-

ках, лошадях, описание охотничьего оружия, очерки об охоте за рубежом и др.), охотничью беллетристику. Журнал выполнял просветительскую функцию, призывая читателей бережно относиться к природным богатствам, руководствоваться принципом разумности. Публикуя в различных изданиях объявление о выходе нового журнала, Г. Г. Мин, в частности, писал: «Честная же охота и правильный промысел могут укорениться только через распространение понятий о спорте между охотниками-любителями, через расчетливость между охотниками-промышленниками, что и в том и в этом случае необходимо упрочить дальнейшую возможность удовлетворять цели тех и других». Мин считал необходимым выработать правила охоты, правила поведения образованных охотников-любителей и охотников-промышленников во время охоты. «Предполагаемый «Журнал Охоты» должен будет служить таким органом и такова цель издания», – сообщается в объявлении[11]. Идеи Г. Г. Мина о формировании правильного представления о спорте и о его взаимодействии с охотой поддержал журнал «Русская мысль» в статье «Несколько замечаний об охоте вообще»: «...У нас в России понятия об охоте, коннозаводстве и вообще о предметах спорта самые отсталые, ложные и вредные для охотников. И вот почему значение «Журнала охоты», как проводника современных знаний в охоте, как органа науки об охоте, может быть для нас весьма важно»[12].

Таким образом, под влиянием английской традиции первые журналы охотничьей тематики относились к типу научно-популярных, были связаны с развитием спорта в России и поддерживали его существование.

Издательский бум охотничьей периодики в конце XIX в.

В 1880-е гг. происходит резкое увеличение количества охотничьих изданий, что объясняется изменением социально-экономической, культурно-исторической, политической картины русской жизни.

Если в 1850–1860-е гг. существовало три издания охотничьей тематики – «Журнал охоты и коннозаводства», «Журнал охоты» и «Газета лесоводства и охоты», то в 1870-е гг. их насчитывалось уже шесть: «Журнал Московского Общества Охоты», «Журнал охоты», «Охотничьи записки», приложение к журналу «Для Всех», сборник «Природа», «Природа и охота», а к началу XX в. – более тридцати (Лисовский, 1915; Беляева, 1958–1961).

Формируется тип бюджетной печати для массового читателя, развивается публичная сфера, и возникают клубы и общества по интересам, деятельность которых поддерживают собственные печатные органы. Первое общество охоты, главной задачей которого считалось упорядочение охоты, размножение охотничьих и промысловых животных в пределах всей Российской империи, было создано в Москве в 1862 г. Всего к 1912 г. в Российской империи насчитывалось 290 спортивно-охотничьих обществ, 13 – военно-охотничьих обществ, 6 – специальных и 1 натуралистическо-охотничье[13].

Развитие естественнонаучного знания, географические, естественнонаучные открытия, изучение флоры и фауны России (Н. М. Пржевальский, П. П. Семенов-Тян-Шанский, Г. Н. Потанин и др.), рост промышленности и городов расширяют представления русской интеллигенции об охоте и актуализируют проблему «человек–природа–общество».

Охота постепенно дистанцируется от спорта и становится самостоятельным предметом изучения. Охоту стали рассматривать и как форму проведения научных изысканий с последующим всесторонним обсуждением полученных данных на страницах журналов и на заседаниях охотничьих обществ, и как средство воспитания и образования, и как отрасль народного хозяйства, и как угрозу для природного мира.

Первым, кто перенес охоту в сферу научных интересов, стал Леонид Павлович Сабанеев – талантливый ученый и организатор охотничьего дела, воспитанник Московского университета.

В мае 1872 г. Сабанеев вместе со своим учителем и другом, профессором зоологии Московского университета Сергеем Алексеевичем Усовым, одним из основателей Императорского общества акклиматизации животных и растений и Московского Зоологического сада, с разрешения Главного управления по делам печати стал издавать сборник «Природа». Деньги на первоначальное издание сборника дал ярославский меценат Николай Александрович Пастухов, знавший Сабанеева еще по Обществу изучения Ярославской губернии[14].

Программа сборника предполагала публикацию популярных статей по чистому и прикладному естествознанию, рецензий на книги по естествознанию, биографий знаменитых естествоиспытателей, охотничьих рассказов, заметок путешественников, новостей из области естествознания.

Сборник должен был выходить четыре раза в год, к сотрудничеству Сабанеев и Усов привлекли весь цвет тогдашней российской науки. С Сабанеевым сотрудничали ученые, путешественники, писатели с мировым именем: Д. Н. Анучин, Н. А. Северцов, Н. М. Пржевальский, И. И. Мечников, М. Н. Богданов, Н. Н. Миклухо-Маклай, Н. Н. Страхов, Д. И. Менделеев. Сборник быстро стал одним из лучших научно-популярных изданий того времени и получил широкую известность.

В 1874 г. в Москве начал издаваться ежемесячный «Журнал охоты» – печатный орган Императорского общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты, главной целью которого было «ознакомить публику с деятельностью общества, вызвать образование местных охотничьих отделов, выработать с помощью всестороннего обсуждения частных проектов и правил прочные основания для охоты, сообразуясь с разнообразными условиями нашего обширного отечества, и вместе с тем положить начало серьезному отношению к охоте и промыслам в России»[15]. Редактировать его был приглашен Л. П. Сабанеев.

В декабре 1877 г. из-за отсутствия субсидий деятельность издания была приостановлена; убытки составили 1 300 рублей. Сабанеев решил выкупить у Общества журнал и, приобретя его в собственность, объединил с издаваемым уже сборником «Природа» в единый научно-популярный журнал под названием «Природа и Охота», который выходил один раз в месяц[16]. В журнале публиковались научные статьи по чистому и прикладному естествознанию, записки путешественников, этнографические очерки, научные обозрения новейших открытий, усовершенствований и изобретений, биографии и некрологи знаменитых естествоиспытателей, сведения об охоте и рыбном промысле, рассказы и очерки по охоте, охотничьи фельетоны, известия и смесь по предметам, входящим в программу журнала, правительственные распоряжения, касающиеся охоты и охотничьих промыслов, обозрение русской и иностранной литературы.

Программа свидетельствует о наличии двух направлений в издании – естественноисторического и охотничьего. «Приняв во внимание, во-первых, что тот, кто любит охоту, любит, несомненно, и природу (в широком смысле этого слова) и, следовательно, не без удовольствия встретит в охотничьем журнале общепонятно изложенные статьи по разным отраслям естествознания; и, во-вторых, что читатель, не интересующийся специально охотничьими

статьями, встретив их в естественноисторическом журнале, посмотрит на них как на «балласт», без которого не обходится ни один толстый журнал, и если не прочтет их, то все-таки найдет рядом с ними достаточно материала для чтения, наиболее подходящего его вкусу», – писал Леонид Павлович в первом номере[17]. Однако читатели не поддержали начинание редактора, и Сабанееву пришлось выбрать одно направление журнала. Он предпочел оставить охотничью тематику. Редакция переехала в Москву – центр охотничьей жизни. С января 1880 г. и до последнего года издания «Природа и Охота» выходила в Москве. Стоимость годовой подписки вместе с еженедельным приложением, «Охотничьей газетой» (1888–1912), составляла 15 рублей, что существенно сокращало число подписчиков. Очевидно, издание ориентировалось на образованного читателя, в сферу интересов которого входили охота, рыбалка, собаководство.

В 1885 г. Сабанеев выпускает свой «Охотничий календарь» (титульное название на издательской обложке – «Иллюстрированный охотничий календарь»), чтобы дать охотникам все необходимые сведения об охоте, представить охоту как науку. «Охотничий календарь» Сабанеева – одна из самых знаменитых книг в истории русской охотничьей культуры. Это было первое полное и качественное справочное издание по охоте на русском языке. «Охотничий календарь» вместил в себя всю совокупность знаний о национальной охоте, накопленных на тот момент. Таким образом, он первым дал подлинный срез национальной охотничьей культуры XIX в.[18], и в этом его непреходящее значение.

С 1887 г. Сабанеев с Николаем Васильевичем Туркиным, выпускником юридического факультета Московского университета, начали издавать «Охотничью газету» – еженедельное приложение к журналу, чтобы оперативно реагировать на ситуацию в охотничьей сфере, отвечать на критику конкурентов.

Все издания Л. П. Сабанеева сохраняли академическую направленность и стали подлинным центром, который объединил разрозненных исследователей охотничьего хозяйства России.

В конце XIX в. тревогу у охотников вызывало состояние псовой охоты, столь популярной на Руси среди крупных землевладельцев. Освобождение крестьян, отсутствие закона об охоте привели к угасанию псовых охот. Перед собакозаводчиками встал вопрос о сохранении ценных пород охотничьих собак, решение которого было невозможно без объединения специалистов и привлечения

общественности. Так, в журналах стало развиваться кинологическое направление. В качестве примера можно привести ежемесячный «Журнал охоты» (1890–1893) Александра Евгеньевича Корша – секретаря и непременного члена псового отдела Императорского общества правильной охоты, близкого друга уважаемых собаководов-борзятников Н. П. Ермолова, С. В. Озерова. В 1890 г. А. Е. Корш на собственные средства возобновил «Журнал охоты», издававшийся ранее под редакцией Л. П. Сабанеева. Журналу покровительствовало Императорское общество размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты. В журнале освещались выставки охотничьих подружейных собак, приводились начисленные судьями баллы, подвергались тщательному анализу характеристики той или иной собаки в соответствии со стандартами породы. Иллюстрации с точными изображениями собак-чемпионов публиковались в журнале в качестве наглядного пособия для заводчиков собак. В журнале печатались охотничьи рассказы, статьи, где проводился критический разбор ружей как отечественного, так и иностранного производства. Прежде всего журнал ориентировался именно на псовую охоту. Однако благородная идея – сказать свое слово о любимом деле, содействовать процветанию национальной псовой охоты, бороться открыто за торжество в Российской империи справедливого охотничьего закона – финансово себя не оправдывала, несмотря на высокую стоимость журнала (13 рублей с пересылкой). Никаких бонусов подписчикам в виде премий и альбомов с иллюстрациями Корш не предлагал, так как считал лучшим бонусом «высокое качество журнала»[19]. Журнал без коммерческих средств не смог долго просуществовать и в 1893 г. был закрыт.

Еще одним серьезным ежемесячным журналом кинологической тематики был журнал «Охота. Всеобщее охотничье обозрение» (1891–1893), который издавал Дмитрий Павлович Вальцов – один из знатоков псовой охоты, известный в России эксперт, талантливый заводчик русских псовых борзых собак, автор статей, очерков и рассказов о русской охоте. Журнал был органом Общества поощрения полевых достоинств охотничьих собак и всех видов охоты, издавался в Санкт-Петербурге. «Охота» изначально не предполагала наличия беллетристического отдела, выглядела теоретическим и информативным изданием, сдержанным в жанровом диапазоне и языковом оформлении.

Важнейшим событием в истории охотничьей печати стало издание в г. Веневе Тульской губернии журнала «Псовая и ружейная охота» (1894–1907) – органа Киевского отдела Императорского общества правильной охоты. В журнале на высоком профессиональном уровне обсуждались важные для отрасли темы: состояние охоты в России, охрана природного мира от браконьеров, вопросы собаководства и коннозаводства, методы лечения животных. Журнал публиковал охотничьи рассказы, обзор охотничьей литературы. Вдохновителем и первым его редактором-издателем до самой своей смерти был Сергей Владимирович Озеров – выдающийся охотник, собакозаводчик, писатель.

С Озеровым сотрудничали лучшие авторы – орнитолог, знаток ружейной охоты С. А. Бутурлин, писатель Н. А. Вербицкий, специалист по гончим и легавым собакам В. В. Де-Коннор , крупнейший оружиевед А. П. Ивашенцов, специалист по гончим Н. П. Кишенский. По авторитету и популярности журнал не уступал «Природе и охоте» Л. П. Сабанеева, так как объединил в себе важнейшие качества: академизм, с одной стороны, и доступность, остроту, готовность к конструктивной полемике – с другой.

Желая дать русским охотникам дешевый, но качественный журнал, Озеров в 1902 г. начал издавать на собственные деньги, не обращаясь за поддержкой к обществам и меценатам, журнал «Охота», в доступной форме донося до малограмотных охотников необходимые сведения об охотничьих ружьях, о правилах охоты. Язык, стиль изложения, жанры (заметки, вопросы–ответы, очерки, рассказы) соответствовали социальному статусу читателей. Подписная цена составила 1 рубль 40 копеек в год. После смерти Озерова (1903) его преемники не смогли сохранить статус журналов, и в 1907 г. издания прекратили свое существования.

Вопросам охоты и животноводства был посвящен еще один популярный среди охотников еженедельный журнал «Русский охотник», который издавался в Москве с 1890 по 1895 г. включительно и одно время был органом отделения охоты при Императорском обществе акклиматизации животных и растений. Журнал хоть и издавался представителем родовой аристократии, князем Владимиром Петровичем Урусовым, но отличался демократическим характером, что нашло отражение в ценовой политике издания (6 рублей в год) и в содержании. «Русский охотник» ориентировался на широкого читателя и включал разделы, посвященные

животноводству, собаководству, охоте на зверей и птиц, рыболовству. Обилие охотничьих рассказов и профильной рекламы выгодно отличало журнал от конкурентов. Еженедельные выпуски, в отличие от ежемесячных, позволяли оперативно реагировать на происходящие события.

Некоторые издания были ориентированы на популяризацию идей спорта. Например, московский журнал «Охотник» (1887–1889). «Охотник: еженедельный иллюстрированный журнал, посвященный всем отраслям спорта» издавался владельцем известной в Москве типографии, существовавшей с 1864 г., Морицем Ивановичем Нейбюргером. Он же был бессменным редактором журнала. Организаторы видели уникальность журнала в том, что он знакомил публику с различными отраслями спорта, пропагандировал здоровый образ жизни. Он распространялся не только в России, но и за границей: в Германии, Англии, Франции, Бельгии и Италии. На страницах журнала есть и полемика, и критика, и библиография, и охотничьи фельетоны, и хроника зарубежных спортивных событий, что дало основание исследователю спортивной печати К. А. Алексееву отнести журнал к типу универсальных спортивных изданий (2008).

Сферу российского спорта поддерживал журнал «Конская охота. Коннозаводский, скаковой и рысистый еженедельный иллюстрированный журнал», который выходил в Москве в 1891–1907 гг. и являлся органом Тульского общества конских испытаний. Издание пользовалось неизменной популярностью среди профессионалов и любителей конных бегов и скачек. Первые конные турниры в России были проведены в 1766 г. под Петербургом, после чего интерес к этому виду спорта и времяпрепровождению все возрастал. К концу XIX в. скачки и бега стали столь популярны, что увлечение ими было распространено практически среди всех слоев населения. Журнал содержал подробности о лошадях-призерах, а также курьезы, фельетоны и очерки, посвященные конному спорту.

Таким образом, в конце XIX в. продолжилось формирование типологической модели охотничьей печати. Благодаря стараниям Л. П. Сабанеева, С. В. Озерова, А. Е. Корша, Д. П. Вальцова и их соратников активно развивалось кинологическое направление в рамках охотничьей журналистики. Охота уже заметно дистанцировалась от сферы спорта и стала самостоятельным предметом научных изысканий. Развитие промышленности, рост городов, про-

цессы демократизации социальной жизни, приведшие к расточительному использованию природных ресурсов, развитие естественнонаучного знания значительно расширили семантику охоты, придали ей статус национального события, которое реализовалось в сценарии «человек–природа–общество». Наблюдается дифференциация изданий по целевому назначению, по характеру аудитории. Возникают образовательно-просветительские журналы для читателей, мало знакомых с охотничьей литературой.

Трагические события русской истории и политизация специализированных изданий

В начале XX в. наблюдается кризис охотничьей периодики, несмотря на благоприятную обстановку на издательском рынке страны. Сокращение охотничьих изданий объяснялось рядом причин. Отсутствие ясности в решении вопроса права собственности на землю и землепользование тормозило развитие охоты. Русско-японская война, первая русская революция, Первая мировая война, журнальные баталии, изменение социально-экономического значения охоты привели к сокращению численности охотничьего населения[20] и, как следствие, к резкому уменьшению количества изданий анализируемой тематики, а к началу русской революции 1917 г. осталось два издания – журналы «Охотничий вестник» (1901–1918) и «Наша охота» (1907–1917). «Два последних года, в особенности русско-японская война, отразились количественно на читателях охотничьей печати. Волна политической жизни захлестнула специальную прессу; эпоха российского безвременья, кровавые события, сопутствующие народению новой России, заслонили собой в гражданине охотника, отодвинув его спортивные порывы и запросы на дальний план», – сообщала редакция «Охотничьего вестника»[21]. Прекращение финансирования со стороны охотничьих обществ также приостановило деятельность издателей. В целях экономии средств на подписку многие знакомились с содержанием журналов в библиотеках обществ.

Политическая ситуация скорректировала и контент изданий. Редакции охотничьих журналов публиковали статьи и на общественно-политические темы. Предметом обсуждения стали проект нового закона об охоте, события военной кампании 1905 г., забастовки рабочих, создание охотничьих обществ, уменьшение дичи

и другие. Увеличение производства огнестрельного оружия, рост числа ружейных охотников способствовали популяризации различных образцов огнестрельной техники на страницах охотничьих изданий как в отделе рекламных объявлений, так и в информационных блоках (Ляпина, 2019: 69).

К началу 1914 г. на рынке охотничьих изданий осталось несколько журналов – «Наша охота» (1907–1917), «Охотничий вестник» (1901–1918), «Охота» (1913–1916), «Рыболов-охотник» (1909–1916), «Семья охотников» (1908–1914). Некоторые продолжали обслуживать сугубо профессиональные интересы своих читателей, оставаясь в стороне от злободневных, остросоциальных, политических вопросов.

«Охота: Ежемесячный журнал охоты и всех видов спорта» выходил в свет в Санкт-Петербурге в 1913–1916 гг., являлся изданием Общества поощрения полевых достоинств охотничьих собак и всех видов спорта под президентством Великого князя Николая Николаевича. Особое внимание редакция уделяла вопросам естествоведения, животноводства, промыслов, оружейной техники, рыболовства. Издание освещало значимые события в охотничьем сообществе России и других стран. Специальные разделы были посвящены скачкам и спорту в целом.

Журнал «Наша охота» издавался в Санкт-Петербурге на протяжении десяти лет, с 1907 по 1917 г., и был закрыт только после революции. «Наша охота» выходила ежемесячно, а с 1911 г. каждые две недели. Журнал был создан на собственные средства Николая Николаевича Фокина – любителя охоты и писателя. Возглавив журнал, не суливший поначалу никакого коммерческого успеха, Фокин сумел привлечь к сотрудничеству таких известных охотоведов, как С. А. Бутурлин, А. П. Ивашенцов, сибирский охотник-медвежатник А. Н. Лялин, специалист по гончим Н. П. Кишенский и др. И хотя из-за недостатка средств журнал выходил почти без иллюстраций, благодаря своему содержанию сумел завоевать 11 золотых медалей на различных охотничьих выставках. Журнал включал в себя разделы, посвященные оружию, собаководству, охоте на зверей и птиц, рыболовству. В журнале находилось место как беллетристике, так и обзорным научным статьям, в том числе из иностранной прессы. Несколько полос было отведено корреспонденции с читателями – для дискуссий.

В XX в. долгожителем на рынке специализированной дореволюционной периодики стал художественно-иллюстрированный

журнал по всем отраслям охоты «Охотничий вестник» (1901–1918), оказавшийся в авангарде не только охотничьей, но и общественно-политической жизни.

Это был первый журнал в истории охотничьей печати, политику которого определяли коммерческие интересы торгового общества. До 1907 г. его финансировал известный московский коммерсант Антон Витальевич Тарнопольский – владелец нескольких оружейных магазинов в центре Москвы, учредитель торгового Товарищества «Охотничий вестник». С 1907 и до закрытия в 1918 г. журнал выходил в издательстве Товарищества «Охотничий вестник». В течение всех лет существования в издании превалировала политика оружейных магазинов, что сказалось на контенте.

Журналу было экономически выгодно оказаться в ведении товарищества, так как русско-японская война, революция 1905–1907 гг. негативно сказались на развитии охотничьего дела и прессы, с ним связанной. Постоянные подписчики ушли на фронт, спрос на издания резко упал, владельцы разорялись, субсидирование со стороны охотничьих обществ и государства прекратилось. Разумно объединяя национальные и коммерческие интересы торгового товарищества, журнал оставался востребованным в течение долгих восемнадцати лет.

Таким образом, трагические события начала XX в. повлияли на содержание охотничьих журналов. Чтобы удержаться на рынке повременной литературы, некоторые издания вынуждены были пересмотреть тематические разделы с учетом политической обстановки в стране и мире. В сознании общественности охота стала рассматриваться как отрасль народного хозяйства, как вид промысла и уже не связывалась со сферой спорта, что нашло отражение в рубрикации библиографических справочников[22].

Заключение

Формирование, развитие и угасание охотничьей журналистики происходило под воздействием социально-экономических, политических, культурных факторов, характерных для русского общества второй половины XIX–начала XX в.

1840–1860-е годы – период зарождения охотничьей журналистики, которая, ввиду отсутствия ясной терминологии, была включена в группу спортивных изданий и рассматривалась в контексте зарождения спорта в России. По целевому назначению

журналы тяготели к типу научно-популярного издания, так как публиковали материалы как научно-теоретического, так и прикладного характера и ориентировались в первую очередь на специалистов-практиков.

1870–1890-е годы считаются «золотым веком» охотничьей журналистики. В этот период наблюдался активный рост охотничьих изданий, которые расширили представления русского читателя об охоте. Журналы не разделялись по направлениям. Это были политематические охотничьи издания, которые публиковали материалы об охоте и на смежные с ней темы, о чем свидетельствуют названия («Дневник охотника», «Журнал охоты», «Русский охотник», «Охота», «Охотник» и др.) и подзаголовки («журнал охоты и животноводства», «иллюстрированный журнал по всем отраслям охоты» и т. п.). Единственный журнал, который имел подзаголовок «общедоступный», указывающий не только на форму подачи материала, но и на социальный статус читателя, – это журнал «Охота» С. В. Озерова. Все журналы объединяли целевые установки, проблемно-тематические блоки, состав сотрудников.

Изменение картины общественной жизни способствовало дифференциации изданий внутри типологического единства. Так, например, в качестве издающего органа выступали ведомственные организации, охотничьи общества или частные лица. По целевому назначению одни журналы тяготели к типу политематических научно-популярных изданий, другие – к политематическим популярным изданиям.

Научно-популярные журналы ориентировались на специалистов, ученых, профессионалов. В них сочетались аналитические жанры (обзорные статьи, рецензии, аналитические отчеты с обилием таблиц и сравнительных показателей и т. п.) с художественно-публицистическими (рассказы, записки путешественников, очерки, фельетоны) и информационными (объявления, письма в редакцию). Стиль и язык изложения, особенно аналитических статей, соответствовали тематике публикаций. Данный тип издания также отличали объем (от 60 до 200 страниц) и высокая стоимость годовой подписки (13–15 рублей), так как, по мнению Л. П. Сабанеева, качественный журнал не мог стоить дешево.

Популярные политематические охотничьи журналы ориентировались на широкую аудиторию, преимущественно на малограмотного читателя, охотника-любителя, с целью пропаганды принципов «правильной» охоты, развития охотничьего дела на научных

основаниях, формирования охотничьей культуры. Тип популярного охотничьего издания отличали небольшой объем (16–20 страниц), низкая стоимость годовой подписки (1.20–6.00 рублей), периодичность (как правило, еженедельники). Из жанров доминировали информационные (краткие обзоры, заметки, письма, вопросы-ответы) и художественно-публицистические (очерки, рассказы, этюды, байки, стихотворения и т. п.). Все материалы, небольшие по объему, были написаны доступным языком.

Отсутствие в охотничьем законодательстве необходимых правовых норм актуализировало проблемы псового охотника и вызвало появление отделов кинологической направленности. Благодаря стараниям Л. П. Сабанеева, С. В. Озерова, А. Е. Корша, Д. П. Вальцова и их соратников были заложены основы российской системы кинологической печати.

Типологический статус политематического популярного охотничьего издания сохранили журналы, которые издавались в начале XX в. Однако трагические события 1905–1917 г. скорректировали тематические разделы с учетом политической обстановки в стране и мире и увеличили периодичность выхода издания. Этот период отличается отсутствием стабильности на рынке специализированной охотничьей печати. Появляющиеся на рынке журналы очень быстро прекращали свое существование, так как их жизнеспособность всецело зависела от финансового состояния владельцев и количества подписчиков, которые, как известно, в это время были заняты в революционных конфликтах и участвовали в войнах – империалистической и гражданской. Революцию 1917 г. встретили всего два журнала – «Наша охота» (1907–1917) и «Охотничий вестник» (1901–1918). Журнал «Охотничий вестник» был первым в истории охотничьей печати, который объединил коммерческие интересы и гражданские устремления его владельцев и сотрудников. Своим долголетием журнал обязан и гибкой политике редакторов-издателей, и эффективным способам маркетинговой деятельности торгово-промышленного товарищества «Охотничий вестник».

Несмотря на финансовые и организационные трудности, все специализированные издания были подготовлены на высоком профессиональном уровне, так как их владельцы представляли университетскую науку или русскую аристократию, были знатоками охотничьего дела и решали задачи, направленные на сохранение природного наследия России.

Приложение

Количественные показатели типологического статуса изданий представлены на рисунках:

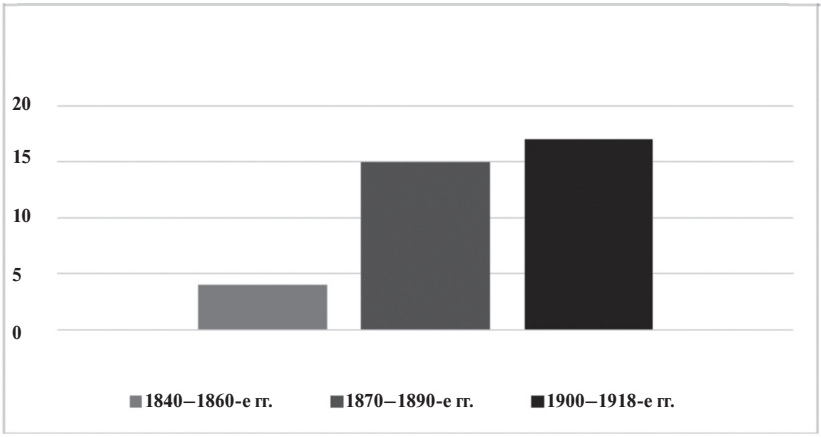

Рисунок 1. Общие количественные показатели

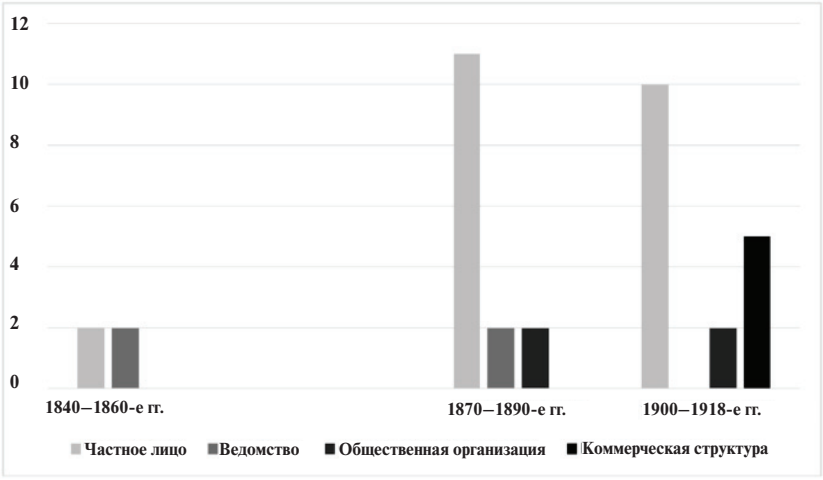

Рисунок 2. Издающий орган

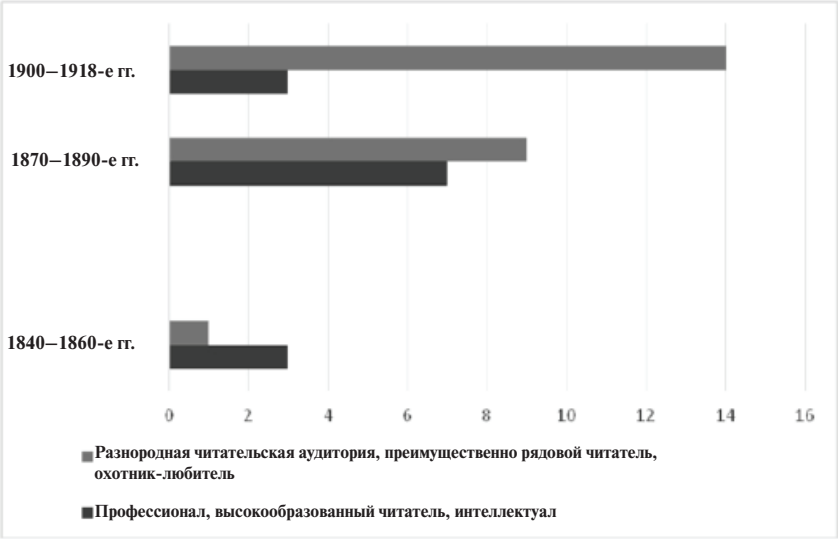

Рисунок 3. Целевая аудитория

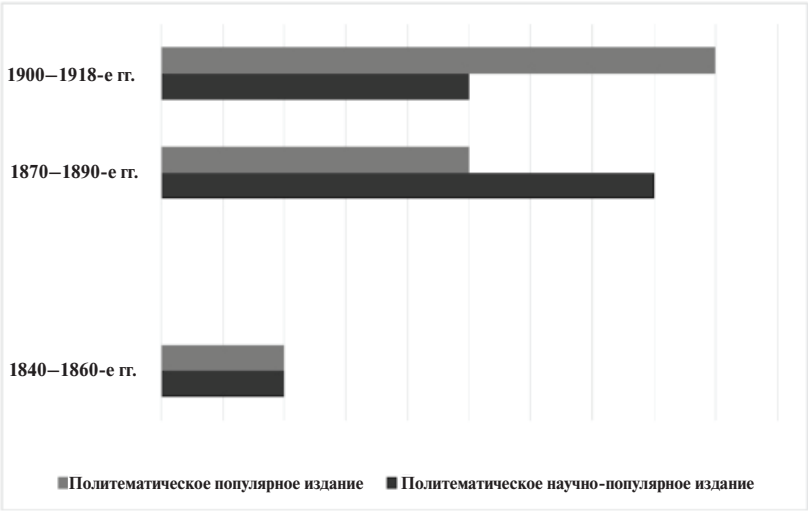

Рисунок 4. Целевое назначение

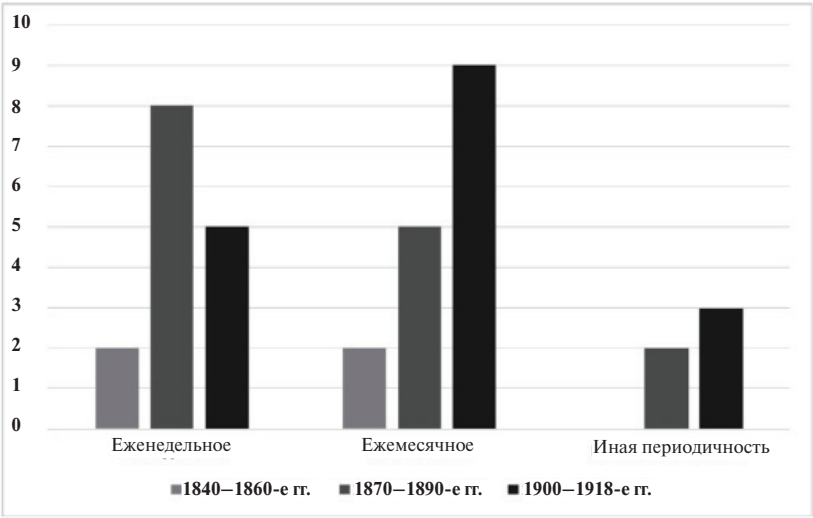

Рисунок 5. Периодичность издания

Примечания

[1] *Мей Л.* Охота. Сборное воскресенье // Мей. Повести и рассказы. СПб., 1887. С. 1–13.

[2] *Романов С. И.* Охотничий словарь. Вып. 1–2. М.: Н. И. Мамонтов, 1876–1877. С. 278.

[3] Там же. С. 279.

[4] *Хомяков А. С.* Спорт, охота / А.С. Хомяков // Полное собрание сочинений. 3-е изд., доп. М.: Университетская типография, 1886–1906. Т. 3. С. 119–130.

[5] Там же. С. 128.

[6] Несколько замечаний об охоте вообще // Русское слово. 1859. № 3. С. 28–45.

[7] *Мачеварианов П. М.* Записки псового охотника Симбирской губернии. М.: Приложение к журналу «Охота», 1876. С. 6.

[8] От редакции // Журнал охоты и коннозаводства. 1869. № 1. С. 1.

[9] Авторство Н. А. Некрасова установлено К. И. Чуковским (см.: ПСС 1934–1937, т. I, с. 637). Дополнительными аргументами в пользу авторства Н. А. Некрасова являются его письмо к В. М. Лазаревскому от 6–7 марта 1869 г., в котором речь идет о рукописи рецензии («У меня на душе статья об охоте. Если б Вы пришли обедать, то мы ее прочли бы»), и упоминание в комментируемой статье авторов специальных книг – Н. Реутта («Псовая охота», 1846) и А. Н. Венцеславского («Псовая охота», 1847). Книга Н. Реутта и статья А. Н. Венцеславского, напечатанная в «Журнале охоты и коннозаводства» (1846, No 1–3), пародийно использованы поэтом в стихотворении «Псовая охота» (1847) // Некрасов Н. А. ПСС: в 15 т. Л.: Наука, 1990. Т. 11. Кн. 2.

[10] Там же.

[11] *Мин Г. Г.* Об издании «Журнала охоты» // Журнал Министерства народного просвещения. 1857. Т. 96. С. 149.

[12] Несколько замечаний об охоте вообще // Русское слово. 1859. № 3. С. 29.

[13] *Воронцов В. М.* Справочник об охотничьих обществах / сост. ст. специалистом по с.-х. части В. М. Воронцовым; Г.У.З. и З. Деп. земледелия. СПб.: тип. М. Меркушева, 1912. С. 13.

[14] *Полевой П.* К некрологу Л. П. Сабанеева // Исторический Вестник. 1898. Август. С. 749.

[15] *Туркин Н. В.* Исторический очерк деятельности Императорского Общества правильной охоты за 25-летний период существования. 1872–1897 // Природа и Охота. 1898. № 1. С. 6.

[16] РГИА, ф. 777, оп. 3, ед. хр. 93, л. 5.

[17] От редакции // Природа и Охота. 1878. № 1.

[18] *Егоров О. А.* Корифей русской охотничьей культуры. Режим доступа: http://www.ohot-prostory.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2381 (дата обращения: 13.02.2021).

[19] Журнал охоты. 1890. № 10. С. 1.

[20] *Андреев М. Н.* Охотничьи демография и социология как науки об охотничьем населении // Сохранение разнообразия животных и охотничье хозяйство России: материалы науч.-практ. конф. / ВНИИОЗ, РАСХН [и др.]. М., 2005. С. 21–24.

[21] Редакция // Охотничий вестник. 1907. № 15. С. 233.

[22] *Лисовский Н. М.* Русская периодическая печать 1703–1900 гг.: [библиография и графические таблицы] / составил и издал Н. М. Лисовский. Петроград: Тип. Г. А. Шумахера и Б. Д. Брукера, 1915.

Библиография

Акопов А. И. Некоторые вопросы журналистики: история, теория, практика. Ростов-на-Дону, 2002.

Александров Д., Брюггемайер Ф.-Й., Лайус Ю. Экологическая история: введение // Человек и природа: экологическая история: сб. пер. / под ред. *Д. Александрова, Ф-Й. Брюггемайера, Ю. Лайус*. СПб., 2008. С. 8–22.

Беляева Л. Н. Библиография периодических изданий России. 1901—1916 гг. 4 т. / под общ. ред. *В. М. Барашенкова и др.*; М-во культуры РСФСР. Гос. ордена Труд. Красного Знамени публичная б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1958–1961.

Алексеев К. А. Спортивная пресса России XIX–начала XX вв.: историко-типологический анализ: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008.

Войтик Е. А. Спортивный медиатекст: закономерности становления и парадигма развития: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2016.

Ерофеева И. В., Бочарников В. Н. Концепт ОХОТА в лингвокультурологической парадигме современных специализированных журналов // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. 2018. № 1 (7). С. 5–16. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-1-144-152

Кубышко О. В. Кинологическая тематика в специализированной прессе: дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2017.

Лисовский Н. М. Русская периодическая печать 1703-1900 гг.: библиография и графические таблицы / составил и издал *Н. М. Лисовский*. Петроград: Тип. Г. А. Шумахера и Б. Д. Брукера, 1915.

Ляпина А. В. Рекламное объявление в специализированной прессе о природе и охоте рубежа XIX–начала XX вв. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2019. № 6. С. 52–73. DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2019.5273

Ляпина А. В. Специализированная пресса природы и охоты конца XIX–начала XX века: предпосылки и условия возникновения // Вестн. Воронежск. гос. ун-та. Сер.: Филология. Журналистика. 2020. № 3. С. 101–106.

Одесская М. М. Русский охотничий рассказ XIX века (типология, традиции): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993.

Подлубнова Ю. С. От «Уральского охотника» к «Уральскому следопыту»: природа и природные ресурсы в культурных репрезентациях 1920–1930-х гг. // Сб.: Литература как форма социальной и индивидуальной рефлексии. Материалы XIX Всероссийской научно-практической конференции словесников. Екатеринбург, 2016. С. 48–56.

Сизова Л. В. Экологические периодические издания // Типология периодической печати: учеб. пособие для студ. вузов / под ред. *М. В. Шкондина, Л. Л. Реснянской*. М.: Аспект Пресс, 2009.

Ситникова Т. В. Журнал «Приволжский охотник» как тип провинциальной клубной периодики // Вестн. Воронежск. гос. ун-та. Сер.: Филология. Журналистика. 2017. № 4. С. 126–130.

Слюсаренко Е. А. Специализированные журналы о спорте: типологические и профильные характеристики: дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.

Типология периодической печати: учеб. пособие для студ. вузов / под ред. *М. В. Шкондина, Л. Л. Реснянской*. М. : Аспект Пресс, 2009.

Хренов Н. А. Субкультурные картины мира в российской цивилизации: монография для вузов / Н. А. Хренов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2020.

Шаркова Е. А. Экологическая журналистика в региональных политических процессах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2015.

Harvey A. D. (2003) One hundred and fifty years of «The Field magazine». *History today* 53 (1): 3–4.

Hughes J. D. (2008) Three Dimensions of Environmental History. *Environment and History* 14 (3): 319–330. DOI: 10.3197/096734008X333545

Jones K. (2015) *Epiphany in the Wilderness: Hunting, Nature, and Performance in the Nineteenth-Century American West*. Boulder: University Press of Colorado.

Moon D. (2017) The curious case of the marginalisation or distortion of Russian and Soviet environmental history in global environmental histories. *International Review of Environmental History* 3 (2): 31–50. DOI: https://doi.org/10.22459/IREH.03.02.2017.03

Strachan J., Nally C. (2012) *Advertising, Literature and Print Culture in Ireland, 1891-1922*. August. Available at: https://www.researchgate.net/publication/314417529_Advertising_Literature_and_Print_Culture_in_Ireland_1891-1922 (accessed: 21.07.2021). DOI: 10.1057/9781137271242

Notes

Andreev M. N. (2005) Okhotnich'i demografiya i sotsiologiya kak nauki ob okhotnich'em naselenii [Hunting Demography and Sociology as Sciences about Hunting Population]. In *Sokhranenie raznoobraziya zhivotnykh i okhotnich'e khozyaystvo Rossii: materialy nauch._prakt. konf.* [Preservation of Animal Variety and the Hunting Economy of Russia: Proceedings of the Research-to-Practice Conference]. Moscow. Pp. 21–24.

Egorov O. A. *Korifey russkoy okhotnich'ey kul'tury* [A Giant of Russian Hunting Culture]. Available at: http://www.ohot-prostory.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2381 (accessed: 13.02.2021).

Khomyakov A. S. (1886-1906) Sport, okhota [Sport, Hunting]. In *A. S. Khomyakov. Polnoe sobranie sochineniy. 3-e izd., dop. T. 3* [A.S. Khomyakov. Complete Works. 3d ed., enlarged. Vol. 3]. Moscow: Univ. Tip. Publ. Pp. 119–130.

Lisovskiy N. M. (ed.) (1915) *Russkaya periodicheskaya pechat' 1703–1900 gg.: [bibliografiya i graficheskie tablitsy]* [The Russian Periodical Press of 1703–1900: Bibliography and Graphic Tables]. Petrograd: Tip. G. A. Shumakhera i B. D. Brukera Publ.

Machevarianov P. M. (1876) «Zapiski psovogo okhotnika Simbirskoy gubernii» [Notes of the Canine Hunter from Simbirsk Governorate]. Moscow. *Prilozhenie k zhurnalu «Ohota»*: 6.

Mey L. (1887) Okhota. Sbornoe voskresen'e [Hunting. Quadragesima Sunday]. In *Mey. Povesti i rasskazy* [Mey. Stories and Short Stories]. St. Petersburg. Pp. 1–13.

Min G. G. (1857) Ob izdanii «Zhurnala okhoty» [On the Publication of Zhurnal Okhoty]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* 96: 149.

Neskol'ko zamechaniy ob okhote voobshche [Several Remarks About Hunting in General] (1859) *Russkoe slovo* 3: 28–45.

Neskol'ko zamechaniy ob okhote voobshche [Several Remarks About Hunting in General] (1859) *Russkoe slovo* 3: 29.

Ot redaktsii (1869) [Editorial Note] *Zhurnal ohoty i konnozavodstva* 1: 1.

Ot redaktsii [Editorial Note] (1878) *Priroda i Okhota* 1.

Polevoy P. (1898) K nekrologu L. P. Sabaneeva [To the Obituary of L. P. Sabaneev] *Istoricheskiy Vestnik* August: 749.

Redaktsiya [Editorial Board] (1907) *Okhotnichiy vestnik* 15: 233.

RGIA. F. 777. Op. 3. Ed. hr. 93. L. 5 [Russian State Historical Archive. Fund 777. Inv. 3. Arch. unit 93. Sh. 5].

Romanov S. I. (1876-1877) *Okhotnichiy slovar'. Vyp. 1–2* [Hunting Dictionary. Issues 1–2]. Moscow: N. I. Mamontov Publ. P. 278.

Turkin N. V. (1898) Istoricheskiy ocherk deyatel'nosti Imperatorskogo Obshchestva pravil'noy okhoty za 25-letniy period sushchestvovaniya. 1872–1897 [A Historical Essay of Activities of Imperial Society of Proper Hunting for 25 Years of Existence. 1872–1897]. *Priroda i Okhota* 1: 6.

Vorontsov V. M. (1912) *Spravochnik ob ohotnich'ih obshchestvah* [Handbook of Hunting Societies]. St. Petersburg: Tip. M. Merkusheva Publ. P. 13.

Zhurnal okhoty (1890) No 10: 1.

References

Akopov A. I. (2002) *Nekotorye voprosy zhurnalistiki: istoriya, teoriya, praktika* [Some Issues of Journalism: History, Theory, Practice]. Rostov-on-Don. (In Russian)

Aleksandrov D., Bryuggemayer F.-Y., Layus Yu. (2008) Ekologicheskaya istoriya: vvedenie [Environmental History: an Introduction]. In D. Aleksandrov, F.-Y. Bryuggemayer, Yu. Layus (eds.) *Chelovek i priroda: ekologicheskaya istoriya: sb. per.* [Man and Nature: Environmental History: a collection of translations]. St. Petersburg. Pp. 8–22. (In Russian)

Alekseev K. A. (2008) *Sportivnaya pressa Rossii XIX – nachala XX vv.: istoriko-tipologicheskiy analiz*: dis. ... kand. filol. nauk. [The Sports Press of Russia in the 19th – the Early 20th century: Historical and Typological Analysis: PhD philol. sci. diss.] St. Petersburg. (In Russian)

Belyaeva L. N. (1958–1961) *Bibliografiya periodicheskih izdanij Rossii. 1901—1916 gg. 4 t.* [Bibliography of Russian Periodicals. 1901-1916. In 4 vol.]. Leningrad: s.n. (In Russian)

Erofeeva I. V., Bocharnikov V. N. (2018) Kontsept OKHOTA v lingvokul'turologicheskoy paradigme sovremennykh spetsializirovannykh zhurnalov [The Concept "HUNTING" in the Linguoculturological Paradigm of Modern Specialized Magazines]. *Gumanitarnye aspekty okhoty i okhotnich'ego khozyaystva* 1 (7). Pp. 5–16. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-1-144-152 (In Russian)

Harvey A. D. (2003) One Hundred and Fifty Years of The Field Magazine. *History today* 53 (1): 3–4.

Hughes J. D. (2008) Three Dimensions of Environmental History. *Environment and History* 14 (3): 319–330. DOI: 10.3197/096734008X333545.

Jones K. (2015) *Epiphany in the Wilderness: Hunting, Nature, and Performance in the Nineteenth-Century American West*. Boulder: University Press of Colorado.

Khrenov N. A. (2020) *Subkul'turnye kartiny mira v rossiyskoy tsivilizatsii: monografiya dlya vuzov* [Subcultural Worldviews in Russian Civilization: a Monograph for Universities]. Moscow: Yurayt Publ. (In Russian)

Kubyshko O. V. (2017) *Kinologicheskaya tematika v spetsializirovannoy presse*: dis. ... kand. filol. nauk. [Canine Themes in the Specialized Press: PhD philol. sci. diss.] Rostov-on-Don. (In Russian)

Lisovskiy N. M. (ed.) (1915) *Russkaya periodicheskaya pechat' 1703–1900 gg.: [bibliografiya i graficheskie tablitsy]* [The Russian Periodical Press of 1703–

1900: Bibliography and Graphic Tables]. Petrograd: Tip. G. A. Shumakhera i B. D. Brukera Publ. (In Russian)

Lyapina A. V. (2019) Reklamnoe ob"yavlenie v specializirovannoj presse o prirode i ohote rubezha XIX – nachala XX vv. [Advertisements in the Trade Press About Nature and Hunting of the Late 19th – Early 20th Centuries]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika* 6: 52–73. DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2019.5273 (In Russian)

Lyapina A.V. (2020) Specializirovannaya pressa prirody i ohoty konca XIX – nachala XX veka: predposylki i usloviya vozniknoveniya [The Trade Press About Nature and Hunting of the late 19th – early 20th Century: Prerequisites and Conditions for Its Emergence]. *Vestn Voronezhskogo gos. un-ta. Ser.: Filologiya. Zhurnalistika* 3: 101–106. (In Russian)

Moon D. (2017) The Curious Case of the Marginalisation or Distortion of Russian and Soviet Environmental History in Global Environmental Histories. *International Review of Environmental History* 3 (2): 31–50. DOI: https://doi.org/10.22459/IREH.03.02.2017.03

Odesskaya M. M. (1993) *Russkiy okhotnichiy rasskaz XIX veka (tipologiya, traditsii):* avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. [Russian Hunting Story of the 19th Century (Typology, Traditions): extended abstract of PhD philol. sci. diss.] Moscow. (In Russian)

Podlubnova Yu. S. (2016) Ot «Ural'skogo okhotnika» k «Ural'skomu sledopytu»: priroda i prirodnye resursy v kul'turnykh reprezentatsiyakh 1920–1930-kh gg. [From Uralsky Okhotnik to Uralsky Sledopyt: Nature and Natural Resources in Cultural Representations of the 1920s –1930s]. In *Literatura kak forma sotsial'noy i individual'noy refleksii. Materialy XIX Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii slovesnikov* [Literature as a Form of Social and Individual Reflection. Proceedings of the 19th All-Russian Research-to-Practice Conference of Philologists]. Ekaterinburg: UrGU Publ. Pp. 48–56. (In Russian)

Sitnikova T. V. (2017) Zhurnal «Privolzhskiy okhotnik» kak tip provintsial'noy klubnoy periodiki [The Privolzhsky Okhotnik Magazine as a Type of Provincial Club Periodicals]. *Vestn. Voronezhskogo gos. un-ta. Ser.: Filologiya. Zhurnalistika* 4: 126–130. (In Russian)

Sizova L. V. (2009) Ekologicheskiye periodicheskiye izdaniya [Environmental Periodicals]. In M. V. Shkondin, L. L. Resnyanskaya (eds.) *Tipologiya periodicheskoy pechati: ucheb. posob. dlya stud. vuzov* [Typology of Periodicals: a Study Guide for University Students]. Moscow: Aspekt Press Publ. (In Russian)

Sharkova E. A. (2015) *Ekologicheskaya zhurnalistika v regional'nykh politicheskikh protsessakh*: avtoref. dis. ...kand. filol. nauk. [Environmental Journalism in Regional Political Processes: extended abstract of PhD philol. sci. diss.] St. Petersburg. (In Russian)

Shkondin M. V., Resnyanskaya L. L. (eds.) (2009) *Tipologiya periodicheskoj pechati: ucheb. posobie dlya studentov vuzov* [Typology of Periodicals: a Study Guide for University Students]. Moscow: Aspekt Press Publ. (In Russian)

Slyusarenko E. A. (2003) *Spetsializirovannye zhurnaly o sporte: tipologicheskie i profil'nye kharakteristiki*: dis... kand. filol. nauk. [Specialized Magazines about Sports: Typological and Profile Characteristics: PhD philol. sci. diss.] Moscow. (In Russian)

Strachan J., Nally C. (2012) *Advertising, Literature and Print Culture in Ireland, 1891-1922*. August. Available at: https://www.researchgate.net/publication/314417529_Advertising_Literature_and_Print_Culture_in_Ireland_1891-1922 (accessed: 21.07.2021). DOI: 10.1057/9781137271242

Voytik E. A. (2016) *Sportivnyy mediatekst: zakonomernosti stanovleniya i paradigma razvitiya*: dis. ... d-ra filol. nauk. [Sports Media Texts: Regularities of Formation and the Paradigm of Development: Dr. philol. sci. diss.] St. Petersburg. (In Russian)

Поступила в редакцию
14.04.2021

НОВЫЕ МЕДИА

Шестерина Алла Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры электронных СМИ и речевой коммуникации, Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия; e-mail: shesterina8@gmail.com

Федосова Ольга Андреевна, соискатель кафедры электронных СМИ и речевой коммуникации, Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия; e-mail: helgafedosova@gmail.com

ПРОДВИЖЕНИЕ ИДЕЙ ФЕМИНИЗМА В ТЕКСТАХ *INSTAGRAM*

Instagram стал одной из эффективных площадок формирования общественного мнения в границах определенных социальных групп. Рост его популярности и тот факт, что более 70% публикаторов в этой социальной сети девушки, делают Instagram удобной платформой для продвижения идей феминизма. В статье исследуются методы и приемы, которые используют фем-блогеры для воздействия на аудиторию: убеждение, эмоциональное заражение, сужение и расширение контекста, гиперболизация и другие. На основе дискурс-анализа текста на микро- и макроуровне выявляются основные темы публикаций феминистской направленности (домашнее насилие, виктимблейминг, запрет на аборты, гендерные стереотипы, гендерные праздники, бодипозитив, мизогиния, женщины в профессиях), продвигаемые ими идеи и средства, используемые авторами для их продвижения.

Ключевые слова: *Instagram, блогинг, феминизм, средства воздействия.*

Alla M. Shesterina, Doctor of Philology, Professor at the Chair of Electronic Media and Speech Communication, Voronezh State University, Voronezh, Russia; e-mail:shesterina8@gmail.com

Olga A. Fedosova, PhD degree-seeking student at the Chair of Electronic Media and Speech Communication, Voronezh State University, Voronezh, Russia; e-mail: helgafedosova@gmail.com

PROMOTION OF FEMINIST IDEAS IN INSTAGRAM TEXTS

Instagram has become one of the most effective platforms for the formation of public opinion within particular social groups. Its rising popularity as well as the fact that 70% of its users are female makes Instagram a favorable platform for perpetuating feminist ideas. Based on discourse analysis of texts on macro and micro levels, this article describes the methods used by fem-bloggers for audience impact. In the course of the analysis, the authors of the article conclude that while many pieces of text are based on logical argumentation, the main method used by

bloggers is persuasion and combining logical and structured information with techniques of emotional manipulation. Among the methods of psychological influence used by bloggers, the following techniques stand out: "manipulation of cards", the "method of negative attribution groups", "sticking labels", "ridicule", the "principle of contrast", "emotional charging", "enemy image", "expressive blow", "simplification", polarization of assessments, hyperbolization and narrowing of context. In these cases, emotional contamination plays a special role. As a result of the analysis, the authors highlight the main topics of publications in support of feminism (domestic violence, victim blaming, ban on abortion, gender stereotypes, gender holidays, body positivity, misogyny, women in the workplace), their key ideas and the tools used for their promotion. The study also identifies the most popular attitudes that fem bloggers deconstruct in their posts: "gender roles are determined by nature", "women can be condemned for their bodies", "a woman must obey a man", "female intelligence is worse than male", "all women are hysterical", "there is no friendship between genders", and the like. The most popular lexical means used in fem blogs are metaphors, allusions, evaluative lexis and dysphemisms. Popular rhetorical techniques include addresses, appeals and rhetorical questions. Bloggers tend to use colloquial vocabulary to make texts easier to read. In general, it might be said that the techniques used by bloggers on Instagram are similar to those commonly used by journalists in traditional media. A striking difference from journalistic texts is the use of a large number of colloquial constructions, harsh criticism and increased emotionality.

Key words: *Instagram, blogging, feminism, means of influence.*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2021.114134

Введение

Блогинг в Интернете все чаще становится инструментом формирования общественного мнения, занимая часть той ниши, которая некогда принадлежала традиционным медиа. Одной из самых популярных платформ для медийных коммуникациий стал *Instagram*. Потенциал *Instagram* был заметен с момента его появления в 2010 г., так как уже за первые 4 года приложение набрало аудиторию в 200 млн пользователей. И в 2021 г. популярность *Instagram* не уменьшается: ежемесячно в приложение заходит более 1 млрд пользователей. Среди бесплатных приложений в *Apple app store* он уступает только *YouTube*. Каждый день более 500 млн человек заходят в *Instagram* и оставляют там 4 млрд лайков[1].

В последние годы в *Instagram* отмечается рост популярности феминистской тематики (Жирнова, 2018: 9). Это говорит о том, что представители движения успешно используют площадку для продвижения своих идей, что не должно нас удивлять: более 70%

пользователей *Instagram* младше 35 лет, 50,6% аудитории – женщины, около 70% создателей контента – девушки[2]. Все это делает *Instagram* удобной площадкой для продвижения идей феминизма. Поэтому отдельный интерес представляет изучение инструментов, которыми пользуются блогеры для усиления воздействия на аудиторию.

Основными инструментами в блогах можно считать текст, фотографии и видео — три важнейших формата, синтез которых позволяет блогерам эффективно распространять свои идеи. Изучение каждого формата требует разных методик анализа и разных подходов. Мы решили сосредоточиться на анализе текстов, так как, согласно недавним исследованиям, в *Instagram* в 63% случаев текст имеет большее значение, чем фотография, и в 68% случаев картинка никак не связана с содержанием поста (Кащеев, Головко, 2019). В нашей работе подобная тенденция также была выявлена: из 40 проанализированных публикаций только в 6 случаях фотография имела прямую связь с текстом. Тем не менее дальнейшее изучение визуальной составляющей блогов может значительно дополнить результаты настоящего исследования.

Таким образом, цель нашего исследования – изучить средства воздействия, которые фем-блогеры используют для продвижения идей феминизма в текстах в *Instagram*. В данной статье мы описываем методы и приемы воздействия, которые удалось обнаружить в фем-блогах русскоязычного сектора *Instagram*, а также открываем дискуссию по поводу того, чем отличаются тексты в фем-блогах от журналистских статей на ту же тему.

Обзор литературы

Степень изученности приемов воздействия в СМИ и СМК довольно высока. В исследовании мы опирались на фундаментальные работы таких ученых, как Э. Аронсон и Э. Пратканис (2003), Дж. Брайант и С. Томпсон (2004), С. В. Кара-Мурза (2010), С. Московичи (2018), Г. Г. Почепцов (2006), И. А. Стернин (2001), Р. Чалдини (2012), А. М. Шестерина (2011). Важно отметить, что в научном поле не разработана единая классификация психологических приемов воздействия и продвижения идей: исследователи предлагают разные названия для похожих по смыслу приемов и выделяют их по разным критериям. Во время работы с теоретическими

источниками мы преимущественно ориентировались на классификации, представленные в следующих трудах: «Современные технологии влияния и убеждения. Эпоха пропаганды» Э. Аронсона и Э. Р. Пратканиса (2003), «Манипулирование личностью: Организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия» Г. В. Грачева и И. К. Мельника (2002), «Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание» С. А. Зелинского (2008). Изучив концепции, предлагаемые вышеуказанными авторами, мы отобрали наиболее релевантные, по нашему мнению, приемы и использовали их для анализа. Что касается речевых приемов, то мы опирались на классификацию, представленную И. А. Стерниным в работе «Введение в речевое воздействие» (2001), а также классификацию, разработанную А. М. Шишлянниковой (2011).

В гораздо меньшей степени изучен блогинг и работа площадки *Instagram*. Здесь можно назвать исследования И. А. Граховой, Я. А. Дрынь (2017), А. Р. Живодровой, А. А. Медведевой, А. М. Иванишко (2019), М. А. Москальцовой (2019). Важным подспорьем для нашей работы было исследование О. В. Кащеева и В. Я. Головко (2019), в котором *Instagram* рассматривался как элемент медиа и культурный феномен, значительно влияющий на общественное сознание.

Научная новизна исследования сопряжена с попыткой на основе анализа наиболее популярных фем-блогов русскоязычного сектора *Instagram* выявить основные приемы воздействия, которые блогеры используют в своих текстах.

Методология

Эмпирическим объектом исследования стали тексты публикаций в русскоязычных фем-блогах, основная тематика которых связана с феминистской повесткой. Такие блоги были определены нами на основании запросов по ключевым словам «феминизм», «гендер», «женские права», «сексизм», «домашнее насилие». Для общего наблюдения в процессе исследования были выбраны те блоги, в которых количество подписчиков превышало пять тысяч (11 профилей в русскоязычном секторе *Instagram*). Для более детального анализа мы выделили блоги, отвечающие следующим критериям: не менее 90% постов в блоге связаны с обсуждением проблем феминизма; тексты обладают четкой структурой, развер-

нутой системой аргументации и декларируют конкретную цель; вовлеченность (*Engagement Rate*) аудитории составляет не менее 0–15%. Этим требованиям соответствовали блоги *@a_polozok, @alisa_sapozhkova, @gospozha_logika, @mrrfema*. В каждом профиле было отобрано 10 наиболее популярных постов на темы, чаще всего встречающиеся в феминистской повестке. Важно отметить, что фем-блогеры публикуют посты не только на тему феминизма, но и на темы политики, философии, психологии, здоровья, а также связанные с личной жизнью. Такие посты мы не анализировали. Популярность постов мы определяли по формуле вовлеченности (*ER*): (количество лайков+количество комментариев)*100/ количество подписчиков. В итоге в нашей выборке оказалось 40 публикаций, так или иначе связанных с феминизмом, вызвавших наибольший интерес у подписчиков и опубликованных с сентября 2019 по май 2020 г.

Мы учитывали, что помимо реальной цели, ради которой пишется текст, автор закладывает в него неочевидные пласты другой информации, которая «сама собой разумеющаяся» и «всем очевидна». Е. А. Кожемякин называет этот объем нерациональной информации «когнитивным каркасом» медиатекста, его смысловым потенциалом (2010: 198). И если с изложенными идеями и позициями автора аудитория может согласиться или не согласиться, то «подтекст» она усваивает незаметно для самой себя. Поэтому для исследования публикаций мы использовали метод дискурс-анализа – качественный метод, при котором большое внимание уделяется контекстам и смыслам. Думается, этот метод наиболее уместен по отношению к фем-блогам, поскольку большая часть контента в них построена именно на переосмыслении каких-то явлений и процессов. По сути мы анализировали медиадискурс – «тематически сфокусированную, социокультурно обусловленную речемыслительную деятельность в масс-медийном пространстве» (Кожемякин; 2016: 52). У каждого медиадискурса есть своя цель, предметная область, коммуникативные характеристики, языковые единицы, средства выражения, тексты и контексты (Кожемякин; 2016). В нашем анализе мы акцентировали внимание на средствах выражения и контекстах – то есть на том, *что* феминистки пытаются рассказать с помощью своих текстов и *какие приемы* они используют для этого.

Для того чтобы адаптировать процедуру анализа под наши задачи, мы использовали комбинированный подход. Частично при-

менялась методика Т. Ван Дейка, нидерландского исследователя теории текста и анализа дискурса. Т. Ван Дейк делит каждый текст на макро- и микроструктуры и предлагает анализировать каждый из них отдельно (Васенина, 2018). В макроструктуру текста входит заголовок, содержание, событие, история события и контекст. Микроструктуры – это семантические элементы, то есть значение слов, связь между предложениями, стилистические и риторические приемы.

Также в работе использовалась методика анализа политических текстов российского исследователя А. Г. Алтуняна (2006), который делит структуру текста на три уровня: уровень прямого значения, уровень риторических средств и уровень априорных посылок. Мы установили, что блогеры в каждом посте освещали определенную проблему на всех трех уровнях текста. На уровне прямого значения происходит описание проблемы и ситуации, на риторическом уровне решается вопрос построения текста и использования приемов, а уровень априорных посылок – это контекстный уровень, в котором скрываются неназванные автором прямо ценности, взгляды, идеи и т. д. Объединив эти подходы, мы получили критерии, по которым и проходила оценка каждой публикации.

Анализ макроструктуры текста потребовал ответа на следующие вопросы:

– Какую проблему рассматривает автор?

– Какие установки деконструирует и какие конструирует?

– Есть ли в тексте оппозиции и образы?

– Каков контекст публикации?

– Какие можно вычленить импликатуры?

Анализ микроструктуры текста – семантических и риторических приемов в сообщении, а также психологических приемов – проходил с опорой на следующие вопросы:

– Какие психологические средства воздействия использованы автором?

– Какие риторические, стилистические и графические приемы присутствуют в публикации?

– Какие способы аргументации использовал автор?

Для того чтобы понимать контекст событий более полно, мы следили за блогами в течение 6 месяцев (с декабря 2019 по май 2020) и пытались установить связи между тем, что происходит в фем-сообществе, и тем, какие посты публикуют блогеры. Сторис

не были включены в исследование, так как они заслуживают отдельного рассмотрения и требуют другой методики анализа.

Результаты

В процессе наблюдения за блогами мы выяснили, что феминистки в своих блогах зачастую преследуют цель формирования общественного мнения и устремлены к достижению конкретного результата. Так, например, многие девушки освещали дело сестер Хачатурян[3] и призывали выходить на митинги в поддержку сестер. Такую же поддержку фем-блогеры оказывали принятию закона о домашнем насилии: не только объясняли в постах его необходимость, но и призывали аудиторию подписывать петиции, а также стимулировали обсуждение под своими публикациями или в чатах в телеграм. Но особого внимания заслуживает случай с телеведущей Региной Тодоренко. После того как девушка в нескольких интервью критично отозвалась о жертвах домашнего насилия, фем-блогеры начали массово публиковать комментарии, сторис и посты на эту тему, осуждая Регину и представляя ее слова как образец мизогинии. Реакция общественности была настолько резкой, что Регина потеряла звание «Женщина года» от *Glamour* и лишилась контракта с *PepsiCo*. Репутацию телеведущей удалось спасти, так как в течение 10 дней она сняла фильм о домашнем насилии с участием экспертов и блогеров, чем вызвала еще большее обсуждение проблемы. Благодаря скандалу многие девушки начали обращаться в фонды помощи – сама Регина сообщала, что количество обращений увеличилось в 5–7 раз[4]. Все это доказывает, что фем-сообщество может быть мощным инструментом влияния на общественное мнение.

Очевидно следующее: все резонансные происшествия в России, нарушающие права женщин, вызывали информационную волну в блогах феминисток. Под эффектом «информационной волны» мы понимаем «каскад медиацитаций, оценок, интерпретаций, нагнетающих медийные эффекты» (Болотнов, 2015:103). Фем-блогеры часто реагируют на важные события, связанные с нарушением прав женщин. Когда что-то происходит, каждый автор считает необходимым дать свой комментарий. И в связи с тем, что подписчики фем-блогов чаще всего просматривают не один, а несколько подобных каналов, воздействующий потенциал постов может усилиться.

Мы выделили основные темы, которые фем-блогеры чаще других освещали в своих публикациях, и установили, сколько раз эти темы поднимались в анализируемых текстах (один текст мог содержать обсуждение сразу нескольких тем):

Тема	Кол-во публикаций, в которых упоминалась тема				
	@gospozha_logika	@a_polozok	@alisa_sapozhkova	@mrrfema	Всего
Гендерные стереотипы	2	1	4	2	9
Положение женщин в патриархате	3	4	1	1	9
Сексизм	2	1	1	3	7
Виктимблейминг	3	0	2	1	6
Мизогиния	2	1	1	1	5
История гендера и/или феминизма	0	1	4	0	5
Женская сексуальность	0	2	3	0	5
Домашнее насилие	0	2	1	0	3
Гендерные праздники					3
Феминитивы	0	0	0	3	3
Женщины в профессиях	1	1	0	1	3
Аборты и рождаемость	1	1	1	0	3
Бодипозитив	0	1	1	0	2
Права ЛГБТ	1	1	0	0	2

Также в нескольких публикациях затрагивались темы: «женщины и экономика», «женщины и религия», «женщины и политика», «замужество», «разделение обязанностей в семье», «женская анатомия». В случаях, когда анализируемые публикации являлись реакцией на происходящие события, мы учитывали контекст событий. Распространенные контексты: насилие над женщинами; нарушение женских прав; унизительные высказывания в адрес женщин; несправедливые приговоры для мужчин, от которых пострадали женщины; нарушение прав ЛГБТ-сообщества; важные политические события (в том числе те, которые напрямую не свя-

заны с женщинами); устаревшие национальные традиции, унижающие женщин; выпуск новых книг или фильмов на тему феминизма и др.

Несмотря на то что все выбранные блоги были феминистскими, они имели разную направленность. Темы, которые освещали девушки, зачастую определялись их личными предпочтениями, политическими взглядами или контекстом личной жизни. Например, *@a_polozok* привержена идеям социализма и относит себя к течению марксистского феминизма. В ее блоге феминизм тесно переплетен с политическими идеями, и, помимо критики патриархального устройства общества, в постах критикуется капитализм и общество потребления. Как следствие, автор чаще поднимает такие темы, как запрет на аборты или суррогатное материнство, оплата женского труда, дискриминирующие законы. Другой блогер *@alisa_sapozhkova* на момент исследования состояла в нестабильных отношениях и выбрала путь абсолютной откровенности с подписчиками: ее отношения с мужчиной были одной из тем блога и подвергались постоянному публичному анализу. Поэтому частым предметом обсуждения в этом блоге была роль «неидеальной» по меркам патриархата девушки или жены, распределение обязанностей в семье, стереотипные представления о любви. Фем-блог *@gospozha_logika* отличается резкостью и смелостью суждений. На момент исследования девушка проживала в Европе и изучала *IT*-специальность, поэтому в ее блоге встречаются такие темы, как киберфеминизм, роль девушек в *IT*, сравнение феминизма в России и за рубежом. Еще один блогер, *@mrrfema*, — учитель русского языка. Соответственно, в ее постах чуть больше внимания уделено феминитивам, патриархальности русского языка и тому, как язык меняется благодаря развитию феминизма. Следует отметить, что девушка довольно агрессивно отстаивает свою позицию и часто вступает в споры с противниками феминизма,— трансляция этих споров в блоге тоже составляет часть контента. Очевидно, что различия в блогах определяются индивидуальными особенностями каждого автора: то есть зависят от характера, культурного и образовательного контекста, политических и социально-экономических взглядов и убеждений и т. п. Но темы, которые они выбирают для продвижения фем-повестки, пересекаются, а основные мысли и идеи совпадают.

Тексты блогеров мы считаем в целом полемическими: их основная цель всегда связана с резкой критикой устоявшихся стереотипов и убеждений, их «деконструкцией» и формированием новых установок, более соответствующих соблюдению прав женщин. Можно выделить самые популярные установки, которые фем-блогеры деконструируют в своих постах: «за насилие отвечает женщина»; «гендерные роли определены природой»; «женщин можно осуждать за тело»; «женщина должна подчиняться мужчине»; «женский интеллект хуже мужского»; «все женщины – истерички»; «женской дружбы не бывает»; «аборт – это убийство»; «рассказывать о женской физиологии – стыдно» и др. Как видим, эти установки являются наиболее распространенными стереотипами в отношении женщин, которые и пытаются «деконструировать» блогеры. Взамен они предлагают прямо противоположные суждения, защищающие женщин и свободу выбора для них: «в насилии всегда виноват насильник», «гендерные роли сформировались исторически», «твое тело – твое дело», «женщины и мужчины равны», «интеллект и способности не зависят от пола» и т. д.

В текстах фем-блогеров всегда появляются оппозиции, основанные на гендерном распределении. Важно отметить, что в подавляющем большинстве публикаций (в 34 из 40 проанализированных) образы мужчин представлены негативно, в то время как образы женщин – положительно. Женщины в постах блогеров всегда оказываются пострадавшей стороной, жертвой абьюза, несправедливости общественных отношений и т. п. «Идеальный мир», к которому стремятся фем-блогеры, – это общество, в котором права женщин уважаются наравне с правами мужчин, в котором не существует предрассудков и стереотипов по отношению к женщинам, в котором ни одна женщина не становится жертвой несправедливого отношения.

При анализе средств воздействия мы заметили, что во многих текстах основу составляет логическая аргументация, а не манипулятивные техники. Основной метод, используемый фем-блогерами, – метод убеждения. Но логичная и структурированная информация все равно переплетена в публикациях с приемами эмоционального воздействия. Ниже представлена таблица психологических средств воздействия, обнаруженных в текстах:

Психологические средства воздействия	Количество публикаций, в которых использовался прием					Процент от общего кол-ва публикаций, %
	@gospozha_logika	@a_polozok	@alisa_sapozhkova	@mrrfema	Всего	
Деконструкция стереотипов и установок	7	6	8	5	26	65
Эмоциональное заряжение	7	5	3	2	17	42,5
Обращение к научным исследованиям или законам	1	4	6	4	15	37,5
Метод отрицательных групп отнесения	5	4	3	2	14	35
Сужение контекста	4	5	1	3	13	32,5
Односторонность	8	2	1	1	12	30
Использование исторических параллелей	3	4	4	1	12	30
Ссылка на авторитеты	2	3	5	2	12	30
Общий вагон	4	3	2	2	11	27,5
Образ врага	4	4	1	0	9	22,5
Подтасовка карт	2	3	3	0	8	20
Принцип контраста	3	2	3	0	8	20
Гиперболизация	4	1	2	1	8	20
Полярность оценок	3	3	1	1	8	20
Приклеивание ярлыков	2	1	3	1	7	17,5
Осмеяние	4	1	0	2	7	17,5
Упрощение	3	3	1	0	7	17,5
Обращение к личному опыту	2	1	3	1	7	17,5
Утверждение и повторение	1	2	3	0	6	15
Смещение акцентов	2	0	3	0	5	12,5
Серая и черная пропаганда	3	1	1	0	5	12,5

Чаще всего в феминистских текстах встречаются приемы убеждения, не являющиеся манипулятивными в предлагаемом контексте: деконструкция стереотипов и установок (деконструировать объект – значит разрушить привычное понимание этого объекта, заглянуть внутрь «структуры» и найти новые значения и трактовки этого объекта), обращение к научным исследованиям или законам, использование исторических параллелей. Однако во всех текстах были найдены те или иные приемы, влияющие на аудиторию скрытно: метод отрицательных групп отнесения (разделение на «хороших» и «плохих»), ссылка на авторитеты, общий вагон (создание впечатления общего принятия какой-либо идеи или ценности), образ врага, подтасовка карт (отбор фактов) и др. Особую роль играет эмоциональное заражение. Даже в печатных текстах блогерам удается передать свой эмоциональный настрой за счет различных речевых средств. Этому способствует также отсутствие цензуры в *Instagram* и строгих правил по отношению к языку – в своих блогах они могут использовать элементы разговорной речи, сленг, преднамеренные ошибки, то есть имитировать разговор на письме.

Важно отметить сужение контекста, односторонность и гиперболизацию, так как эти приемы характерны для большинства тем в фем-блогах. Фем-блогеры сфокусированы на проблемах и способах их решения, но почти не сообщают о позитивных событиях в «женском» мире.

В текстах феминисток нами были обнаружены следующие лексические и риторические приемы:

Лексические, риторические средства воздействия	**Количество публикаций, в которых использовался прием**					**Процент от общего кол-ва публикаций, %**
	@gospozha_ logika	**@a_ polozok**	**@alisa_ sapozhkova**	**@ mrrfema**	**Всего**	
Графические выделения	10	10	10	10	40	100
Цитирование	8	8	10	9	35	87,5
Риторические вопросы	6	4	7	6	23	57,5
Метафоры	6	7	3	2	18	45
Призывы	5	6	4	2	17	42,5
Разговорные конструкции	6	3	2	1	12	30

Оценочная лексика	5	2	3	1	11	27,5
Вопросно-ответные комплексы	1	3	4	3	11	27,5
Парцелляция	3	2	4	2	11	27,5
Дисфемизмы	4	3	3	0	10	25
Сравнения	1	2	4	3	10	25
Обращения	3	2	2	0	8	20
Антитеза	2	1	3	2	8	20
Аллюзия на художественные произведения	1	2	4	0	7	17,5
Градация	2	1	1	2	6	15

Среди лексических средств, используемых блогерами, самыми популярными оказались метафоры, оценочная лексика, дисфемизмы и сравнения. Эти языковые приемы присутствовали почти в каждой из 40 публикаций в различном объеме. Публикации, содержащие большое количество фактов и направленные на открытое убеждение, содержали немного подобных приемов, однако тексты, связанные с событиями в реальной жизни и рассказывающие о «шокирующих» происшествиях, зачастую были построены на эмоциях.

Большую роль в публикациях играют риторические фигуры: риторические вопросы и вопросно-ответные комплексы, обращения к аудитории и призывы. Примерно в четверти публикаций встречалась парцелляция, реже – антитеза и градация.

Цитирование характерно для публикаций с более основательной структурой аргументации – при этом в большинстве случаев (в 24 из 35 публикаций с цитатами) указывался источник цитирования.

Аллюзии на художественные произведения, события из истории, фильмы и сериалы делают тексты более образными. Девушки часто проводят параллели между теми ситуациями, которые обсуждаются, и аналогичными в прошлом.

Небольшое влияние имеют графические выделения, так как текстовый инструментарий в *Instagram* крайне ограничен. Однако в каждой из 40 публикаций было использовано то или иное графическое выделение.

Приведем пример анализа рассматриваемых нами публикаций, демонстрирующих различные подходы блогеров к процессу убеждения аудитории.

«Не хотела выглядеть жалкой» (*@gospozha_logika*)

Макроуровень

Пост во многом опирается на контекст: Тодоренко и Самбурская публично высказали мнение о том, что в насилии виновата женщина и что неправильно вредить семье, рассказывая о домашнем насилии. Автор, опираясь на слова этих женщин, объясняет, почему это неверная позиция. Так как высказывания женщин критиковались публично, у автора изначально «сильная» позиция: ему не нужно убеждать аудиторию в том, что женщины неправы, он лишь комментирует их слова, обращаясь скорее к союзникам, чем к оппонентам.

Установки, которые деконструируются в публикации: «за насилие отвечает женщина», «жаловаться на насилие плохо», «хороших женщин не бьют», «феминистки плохие (жалкие)».

Новые конструкты, которые автор образует в тексте: «за насилие отвечает мужчина», «хороших женщин тоже бьют», «жаловаться на насилие – нормально», «феминистки хорошие (сильные)». Кроме того, есть еще финальный подтекст: те, кто подвержен установкам, упомянутым выше, – плохие.

Оппозиции в тексте представлены такими категориями: «мужчина-насильник» – «женщина-жертва», «феминистка» – «женщина, оправдывающая мужчину-насильника», «общество, где феминистские идеи приняты» – «общество, где уважают сильных и презирают слабых».

Созданные образы:

– образ «феминистки» – эмпатичная, борющаяся за лучшее общество;

– образ «мужчины-насильника» – разумный человек, который может себя контролировать и выбирает насилие намеренно.

Импликатуры: Тодоренко считает, что все, кто рассказал о домашнем насилии, – жалкие; российское общество – неблагополучное, с высоким уровнем агрессии; люди, которые поддерживают установки «за насилие отвечает женщина (жертва)», – отсталые.

Микроуровень

Автор использует следующие приемы:

– прием «отрицательных групп отнесения»: автор конструирует оппозицию «мы–они», наделяя оппонентов негативными качествами («отсталое общество уродов и деградантов»);

– прием «навешивание ярлыков»: контрастные образы сильных феминисток и жалких девушек, оправдывающих насилие;

– прием «серой пропаганды»: «уже давно известно»;

– прием сужения контекста и гиперболизации проблемы.

Применяются в тексте утверждения и повторы: автор постоянно повторяет те мнения, которые высказывает («феминистки – классные», «женщины, оправдывающие насилие, – жалкие»). Также блогер подчеркивает свое отношение к проблеме и к оппонентам за счет графических выделений (кавычки, регистр букв), дисфемизмов («обосравшихся»), оценочной лексики («дамы», «бабы»), метафор («жалкое блеяние»). В этом же тексте публикатор усиливает эмоциональность сообщения за счет нецензурных выражений, графических выделений («?!»), риторических фигур (антитеза, вопрос–ответ, градация синонимов). Присутствует призыв – игнорировать мнение «за насилие отвечает женщина». Автор использует и деструктивную критику – критику тезисов (установок).

Иначе построен другой текст – «Как сформировались гендерные стереотипы?» (*@alisa_sapozhkova*).

Макроуровень

Проблематика: автор разбирает происхождение гендерного распределения ролей в обществе, выясняет их суть.

Установки, которые деконструируются: «гендерные роли сформировались естественно», «женщина обязана выполнять «женские» дела».

Новые конструкты, которые автор предлагает: «гендерные роли были навязаны мужчинами исторически», «исторически сложившиеся нормы поведения мужчин и женщин – неправильные».

В публикации сформированы следующие оппозиции: «мужчины, наделенные властью» – «подчиненные женщины»; «традиционные гендерные роли» – «современный взгляд на гендерные роли».

Образы, которые можно найти в тексте:

– образ философов Просвещения, которые не считали женщину разумной, несмотря на новые прогрессивные идеи в обществе;

– образ женщины, которая всегда была в подчинении и не может от этого освободиться.

Достаточно много импликатур: эпоха Просвещения была менее прогрессивной, чем аудитория думает; мужчины виноваты в том, что женщины до сих пор верят в «женское» предназначение; мужчинам выгодно, чтобы женщины оставались в подчиненном положении; система, в которой мы живем, – патриархат.

У поста нет событийного контекста, но есть содержательный: подразумевается, что большинство верит в правильность существующих гендерных ролей, и автор пытается убедить аудиторию, что на самом деле это не естественно сложившиеся принципы.

Микроуровень

Среди психологических приемов можно выделить односторонность, отбор фактов, использование исторических параллелей (например, акцентуация невозможности для девушек выбрать религию самостоятельно – раньше и сейчас, или рассказ о том, как девушек приучали «терпеть» насилие по отношению к себе в XVIII в.).

В тексте использованы метафоры («заговор Киселева с Соловьевым», «обстирывать мужей», «идеологию прививали кнутом»), оценочная лексика («всякие умные дядьки», «мужик», «мужчинки»), элементы разговорной речи («ну», «мол»).

Среди риторических приемов: вопросно-ответные конструкции («почему было так важно исключить женщин из общественной жизни? – чтобы...»), риторические вопросы («понимаете историческое влияние патриархата?»).

Графические выделения: использованы маркеры для структурирования текста по пунктам.

Кроме того, присутствует звукопись («ха ха»), направленная на демонстрацию эмоции, в данном случае – ироничного смеха.

Важный элемент текста – цитирование с указанием источников (Джордж Джильдер, Жан Жак Руссо, Джеймс Милль), направленное на демонстрацию слабости позиции оппонентов.

В тексте почти не наблюдаются психологические манипулятивные приемы, так как пост направлен на то, чтобы аргументированно убедить пользователя: блогер использовала факты, цитаты, аллюзии на ситуации в прошлом. Более того, в начале публикации прямо указано: «Этим постом я попробую натолкнуть вас на размышления...».

Выводы

Проведенное нами исследование позволило прийти к выводу о том, что публикации фем-блогеров чаще всего представляют собой креолизованный полемический текст, в котором деконструируются установки и стереотипы, связанные с женщинами. Блогеры используют методы убеждения, для того чтобы доказать несостоятельность предлагаемых установок, и взамен конструируют новые, адекватные современной действительности.

В текстах фем-блогеров заметны эмоциональность и критицизм, они довольно императивны по своему характеру.

Тексты фем-блогов содержат психологические и речевые приемы воздействия, которые делают их более легкими для прочтения и понятными аудитории с сетевым мышлением. Однако нельзя сказать, что эти тексты исключительно манипулятивны.

Самыми популярными лексическими средствами, использованными в фем-блогах, являются метафоры, оценочная лексика, дисфемизмы и сравнения. Среди популярных риторических фигур – обращения, призывы, риторические вопросы. Блогеры используют аллюзии и разговорную лексику, для того чтобы сделать тексты более легкими для восприятия.

Среди психологических манипулятивных приемов лидируют методы отрицательных групп отнесения, эмоционального заражения, сужения контекста и односторонности.

Реагируя на важные события из политической и социальной жизни, блогеры часто инициируют информационную волну, в которую погружаются подписчики. Контент в фем-блогах зачастую сфокусирован на проблемах женщин и транслирует дестабилизирующую информацию.

В целом можно сказать, что приемы, используемые блогерами в *Instagram*, схожи с приемами, которые обычно используются журналистами в традиционных СМИ. Не заметно преобладания тактик психологической манипуляции в текстах – напротив, аргументация блогеров выглядит убедительной и требует длительной подготовки. Яркое отличие от журналистских текстов – использование большого количества разговорных конструкций и резкий критицизм. Основная претензия к феминистским текстам – это их односторонность, представление лишь одной, «правильной» точки зрения и «морализаторство».

Подводя итог, отметим, что нам представляется необходимым дальнейшее исследование фем-блогов с иных ракурсов: изучение

визуальной составляющей, а также сторис — креолизованного контента, который является не менее важным инструментом продвижения идей, чем тексты в постах. Это позволит сделать обобщенные выводы о том, какими методами продвигают социальные и политические движения в *Instagram*. Также данную работу могут дополнить социологические исследования аудитории фем-блогов, которые позволят выяснить эффективность деятельности феминисток и ответить на вопрос, влияет ли контент в фем-блогах на формирование мировоззрения аудитории.

Примечания

[1] *Instagram by the Numbers: Stats, Demographics & Fun Facts*. Available at: https://www.omnicoreagency.com/instagram-statistics/ (accessed: 20.03.2020).

[2] *Leading countries based on Instagram audience size as of April 2020.* Available at: https://www.statista.com/statistics/578364/countries-with-most-instagram-users/ (accessed: 27.03.2020).

[3] Дело сестер Хачатурян. Режим доступа: https://tass.ru/delo-sester-hachaturyan (дата обращения: 04.06.2020).

[4] Регина Тодоренко. Режим доступа: https://www.instagram.com/accounts/login/?next=/p/CAFqu7OD0iN/%3Figshid%3D1x2izewjtt6qi (дата обращения: 04.06.2020).

Библиография

Алтунян А. Г. Анализ политических текстов. М.: Университетская книга; Логос, 2006.

Аронсон Э., Пратканис Э. Современные технологии влияния и убеждения. Эпоха пропаганды. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.

Болотнов А. В. Информационные волны и их типы в современном медиадискурсе: к постановке проблемы // Вестник ТГПУ. 2015. № 6 (159).

Брайант Д., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. М.; СПб.; Киев, 2004.

Васенина И. В. Технологии анализа документов в социологическом исследовании: учеб. пособие, электронное издание сетевого распространения // Дискурс-анализ. Теоретико-методологические основы дискурсивного анализа. М.: КДУ, Добросвет, 2018.

Грахова И. А., Дрынь Я. А. Анализ социальной сети *Instagram* как инструмента формирования общественного сознания // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2017. № 13.

Грачев Г., Мельник И. Манипулирование личностью: Организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. М.: Алгоритм, 2002.

Жирнова Э. Н. Феминизм как часть медиакультуры // Медиа. Информация. Коммуникация. 2018. № 27. С. 9–16.

Зелинский С. А. Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание. СПб.: Издательско-Торговый Дом «СКИФИЯ», 2008.

Иванишко А. М., Медведева А. А., Живодрова А. Р. Вовлекающие механики в *Instagram*: от простых к сложным // Социальные коммуникации: наука, образование, профессия. 2019. №1. С. 173–178.

Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо: Алгоритм, 2010.

Кащеев О. В., Головко В. Я. Социальная сеть *Instagram* как часть культуры общества // Вестник славянских культур. 2019. №2.

Кожемякин Е. А. Медиакритика и дискурс-анализ // Научные ведомости Белгородск. гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2010. №18 (89). Вып. 7.

Кожемякин Е. А. Медиадискурс: элементы анализа // Современный дискурс-анализ: повестка дня, проблематика, перспективы. Белгород: ИД «Белгород»; НИУ БелГУ, 2016.

Москальцова М. А. Эффект воздействия инфлюенсеров Instagram на пользователей социальных сетей (на примере «Fyre Festival») // Социальные коммуникации: наука, образование, профессия. 2019. №1. С. 70–74.

Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Академический проект, 2018.

Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. М.: Ваклер, 2006.

Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001.

Чалдини Р. Психология влияния. М.: Эксмо, 2012.

Шестерина А. М. Психология журналистики: в 2-х ч. Воронеж, 2011.

Шишлянникова А. М. Языковые средства привлечения внимания и создания интереса к рекламному сообщению: пособие для студентов. Воронеж, 2011.

Notes

Delo sester Hachaturian [The Case of the Sisters Khachaturian]. Available at: https://tass.ru/delo-sester-hachaturyan (accessed: 04.06.2020).

Instagram by the Numbers: Stats, Demographics & Fun Facts. Available at: https://www.omnicoreagency.com/instagram-statistics/ (accessed: 20.03.2020).

Leading Countries Based on Instagram Audience Size as of April 2020. Available at: https://www.statista.com/statistics/578364/countries-with-most-instagram-users/ (accessed: 27.03.2020).

Regina Todorenko. (In Russian). Available at: https://www.instagram.com/accounts/login/?next=/p/CAFqu7OD0iN/%3Figshid%3D1x2izewjtt6qi (accessed: 04.06.2020).

References

Altunyan A. G. (2006) *Analiz politicheskih tekstov* [Analysis of Political Texts]. Moscow: Universitetskaya kniga Publ.; Logos Publ. (In Russian)

Aronson E., Pratkanis A. (2003) *Sovremennye tekhnologii vliyaniya i ubezhdeniya. Epokha propagandy* [Modern Technologies of Influence and Persuasion. The Age of Propaganda]. St. Petersburg: Praym-EVROZNAK Publ. (In Russian)

Bolotnov A. V. (2015) Informatsionnyye volny i ikh tipy v sovremennom mediadiskurse: k postanovke problemy [Information Waves and Their Types in Modern Media Discourse: Towards Problem Statement]. *Vestnik TGPU* 6: 102–106. (In Russian)

Brayant D., Tompson S. (2004) *Osnovy vozdeystviya SMI* [Fundamentals of Media Effects]. Moscow; St. Petersburg; Kiev. (In Russian)

Chaldini R. (2012) *Psikhologiya vliyaniya* [The Psychology of Influence]. Moscow: Eksmo Publ. (In Russian)

Grachev G., Mel'nik I. (2002) *Manipulirovaniye lichnost'yu: organizatsiya, sposoby i tekhnologii informatsionno-psikhologicheskogo vozdeystviya* [Personality Manipulation: Organization, Methods and Technologies of Information and Psychological Impact]. Moscow: Algoritm Publ. (In Russian)

Grakhova I. A., Dryn' Ya. A. (2017) Analiz sotsial'noy seti Instagram kak instrumenta formirovaniya obshchestvennogo soznaniya [An Analysis of the Instagram Social Network as a Tool for the Formation of Public Consciousness]. *Aktual'nye problemy aviacii i kosmonavtiki* 13. (In Russian)

Ivanishko A. M., Medvedeva A. A., Zhivodrova A. R. (2019) Vovlekayushchie mekhaniki v Instagram: ot prostykh k slozhnym [Instagram Engaging Mechanics: from Simple to Complex Ones]. *Sotsial'nye kommunikatsii: nauka, obrazovanie, professiya* 1: 173–178. (In Russian)

Kara-Murza S. G. (2010) *Manipulyatsiya soznaniem* [Consciousness Manipulation]. Moscow: Eksmo: Algoritm Publ. (In Russian)

Kashcheev O. V., Golovko V. Ya. (2019) Sotsial'naya set' Instagram kak chast' kul'tury obshchestva [The Instagram Social Network as Part of Societal Culture]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur* 2. (In Russian)

Kozhemyakin E.A. (2010) Mediakritika i diskurs-analiz [Media Criticism and Discourse Analysis]. *Nauchnye vedomosti Belgorodsk. gos. un-ta. Gumanitarnye nauki* 18 (89) 7. (In Russian)

Kozhemyakin E. A. (2016) Mediadiskurs: elementy analiza [Media Discourse: Elements of Analysis]. In *Sovremennyy diskurs-analiz: povestka dnya, problematika, perspektivy* [Contemporary Discourse Analysis: Agenda, Issues, Prospects]. Belgorod: ID «Belgorod»; NIU BelGU Publ. (In Russian)

Moskal'tsova M. A. (2019) Effekt vozdeystviya inflyuenserov instagram na pol'zovateley sotsial'nykh setey (na primere "Fyre Festival") [The Effect of Instagram Influencers on Social Media Users (a case study of Fyre Festival)]. *Sotsial'nye kommunikatsii: nauka, obrazovanie, professiya* 1: 70–74. (In Russian)

Moskovichi S. (2018) *Vek tolp. Istoricheskiy traktat po psikhologii mass* [The Age of Crowds. Historical Treatise on Mass Psychology]. Moscow: Akademicheskiy proekt Publ. (In Russian)

Pocheptsov G. G. (2006) *Teoriya kommunikatsii* [Communication Theory]. Moscow: Vakler Publ. (In Russian)

Shesterina A.M. (2011) *Psikhologiya zhurnalistiki: v 2-kh ch*. [The Psychology of Journalism: in 2 parts]. Voronezh. (In Russian)

Shishlyannikova A. M. (2011) *Yazykovyye sredstva privlecheniya vnimaniya i sozdaniya interesa k reklamnomu soobshcheniyu: posobiye dlya studentov* [Linguistic Means of Attracting Attention and Creating Interest in Advertising Messages: a Study Guide for Students.]. Voronezh. (In Russian)

Sternin I. A. (2001) *Vvedenie v rechevoe vozdeystvie* [Introduction to Linguistic Manipulation]. Voronezh. (In Russian)

Vasenina I. V. (2018) Tekhnologii analiza dokumentov v sotsiologicheskom issledovanii: uchebnoye posobiye, elektronnoye izdaniye setevogo rasprostraneniya [Technologies for Document Analysis in Sociological Research: a Study Guide, an Electronic Publication of Network Distribution] In *Diskurs-analiz. Teoretiko-metodologicheskiye osnovy diskursivnogo analiza* [Discourse Analysis. Theoretical and Methodological Foundations of Discursive Analysis]. Moscow: «KDU» Publ.; «Dobrosvet» Publ. (In Russian)

Zelinskiy S. A. (2008) *Informatsionno-psikhologicheskoe vozdeystvie na massovoe soznanie* [Information and Psychological Impact on Mass Consciousness]. St. Petersburg: Izdatel'sko-Torgovyy Dom «SKIFIYA» Publ. (In Russian)

Zhirnova E. N. (2018) Feminizm kak chast' mediakul'tury [Feminism as Part of Media Culture]. *Media. Informatsiya. Kommunikatsiya* 27: 9–16. (In Russian)

Поступила в редакцию
09.11.2020

СОЦИОЛОГИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

Олешко Владимир Федорович, доктор философских наук, заведующий кафедрой периодической печати и сетевых изданий, профессор, ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», Екатеринбург, Россия; e-mail: vladimir.oleshko@urfu.ru

Олешко Евгений Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры периодической печати и сетевых изданий, доцент, ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», Екатеринбург, Россия; e-mail: pps2424@mail.ru

Мухина Ольга Сергеевна, аспирант кафедры периодической печати и сетевых изданий, ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», Екатеринбург, Россия; e-mail: olga.mukhina@urfu.ru

ПРОБЛЕМА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ СТУДЕНТОВ-ЖУРНАЛИСТОВ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ[1]

Изучение особенностей развития молодежи как социально-демографической группы в контексте эволюции российской государственности предопределило актуальность предпринятого авторами проекта «Легко ли быть молодым?». Молодежь – наиболее активная часть общества, поскольку именно в этот период развитие мировоззрения сопряжено с процессом самоидентификации и жизненного самоопределения. Вместе с тем получение субъективированных данных всегда (а в цифровую эпоху – при разрушении границ приватности – в особенности) характеризуется трудностью артикулирования молодыми людьми того, что они чувствуют, эмоционально переживают, какие проблемы выделяют и какие перспективы для себя видят. Социологическим инструментом получения информации для данной статьи стали эссе и интервью с путеводителем, апробированные отечественными и зарубежными исследователями в работе с представителями творческих профессий. Полученные результаты показали, что в сочетании с классическими подходами данные методы позволяют решать задачи социального прогнозирования. Респондентами стали 226 студентое бакалавриата и магистратуры, обучающихся в вузах Уральского федерального округа по направлению «Журналистика». Наиболее актуальной для большинства опрошенных была проблема выбора цели и средств самореализации. Более трети респондентов акцентировали внимание на психологических проблемах, являющихся следствием цифровизации. Наиболее эффективная модель сотрудничества с молодежью, как доказали авторы, должна включать не только открытый диалог, но и предоставление ей правовых, экономических и социальных возможностей для саморазвития.

Ключевые слова: *молодежь, самоидентификация, цифровая реальность, медиасфера, поколенческие различия, кризис идентичности, диалог.*

Vladimir F. Oleshko, Doctor of Philosophy, Head of the Chair of Periodical Press and Online Media, Professor, Journalism Department, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia; e-mail: vladimir.oleshko@urfu.ru

Evgeniy V. Oleshko, Doctor of Philology, Professor at the Chair of Periodical Press and Online Media, Associate Professor, Journalism Department, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia; e-mail: pps2424@mail.ru

Olga S. Mukhina, PhD student at the Chair of Periodical Press and Online Media, Journalism Department, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia; e-mail: olga.mukhina@urfu.ru

THE PROBLEM OF SELF-IDENTIFICATION OF STUDENT JOURNALISTS IN THE DIGITAL AGE

Addressing the problems of youth is actualized by globalization processes and the improvement of technologies, as well as by forecasting the strategic development of the world community. The modern Russian state system is marked by a high level of acutely critical attitude and protest potential of the digital generation. The behavioral strategy of its representatives is increasingly predetermined by the mobilization effects of the media. At the same time, it is also characterized by the destruction of the boundaries of privacy, the difficulty for young people to articulate their feelings and emotional experiences, problems that they face and prospects that they see for themselves. Essays and interviews with representatives of creative professions have become a sociological tool for obtaining information for this article. The expert group consisted of 226 bachelor and master students studying journalism. The use of this sociological tool minimizes efforts to identify issues that are relevant to young people, this can also contribute to the adoption of effective management decisions by representatives of various social institutions. The most urgent problem for most of the respondents was the problem of choosing the goal and means of self-realization. More than a third of respondents focused on psychological problems resulting from digitalization.

Key words: *youth, self-identification, digital reality, media sphere, generational differences, identity crisis, dialogue.*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2021.135157

Введение

Обращение к проблематике молодежи актуализировано как глобализационными процессами, перманентным совершенствованием технологий, так и необходимостью прогнозирования стратегического развития мирового сообщества и отдельных государств практически во всех сферах. Ведь сегодня на планете проживает 1,8 млрд молодых людей – самое большое число за всю историю человечества[2]. В нашей стране, по данным оргкомитета

Всероссийской переписи населения 2020 г., в настоящее время живут почти 24,3 млн человек в возрасте от 15 до 29 лет, что составляет 16,5% всего населения страны[3]. А поскольку в конце 2020 г. Госдума приняла в третьем, окончательном чтении базовый законопроект о молодежной политике в РФ, который повышает возраст молодежи до 35 лет включительно, ее численность теперь увеличится на 12,7 млн человек, достигнув 41 миллиона[4].

Но не только вышеописанные тенденции и количественные характеристики предопределяют важность выделения для анализа именно молодежи как социально-демографической группы. Ее представители по праву считаются наиболее социально активными, поскольку именно в этот период развитие мировоззрения личности сопряжено с жизненным самоопределением, новыми партнерскими или семейными отношениями, перманентным совершенствованием профессиональных знаний и умений и т. д. Закономерно, что процессы самоидентификации всегда были предметом гуманитарных исследований в нашей стране и за рубежом.

На рубеже XX и XXI вв. и в кризисные для российской экономики десятые годы именно молодые люди оказалась в наиболее сложном положении. Это было предопределено их слабой конкурентоспособностью в профессиональной сфере, снижением общего уровня образования (Константиновский, Вознесенская, Чередниченко, 2014). Более того, социологи тогда делали вывод о том, что «молодежь в современных условиях находится в положении маргинала, потерявшего связь с социокультурной средой, породившей это молодое поколение. Это было вызвано не только серьезными экономическими затруднениями, но и разрушением и изменением социальных связей, которые затронули и семейные, соседские, социально-профессиональные, этнические отношения, разрушением господствующей ранее системы ценностей и морально-психологических конструкций, связывавших людей» (Кузнецова, 2001: 5).

Цифровая революция, новые модели создания и потребления контента позволяют и сегодня выделить в качестве доминанты исследований вопрос «Легко ли быть молодым?». Ответ на этот вопрос уже пытались найти в 1980-е гг. и на рубеже веков публицисты, режиссеры одноименных культовых документальных фильмов. Наряду с традиционной экономической, социальной, мировоззренческой проблематикой, всегда свойственной возрастному становлению личности, нынешний этап отличается высоким

уровнем критического и протестного потенциала цифрового поколения, а поведенческая стратегия его все чаще предопределяется мобилизационными эффектами социальных медиа. Таким образом, планирование эффективной коммуникации с представителями молодежи предполагает выявление особенностей мотивационной сферы социально активной личности. А на первый план выходит задача описания того, что способствует или препятствует самоидентификации индивидов, поскольку самоидентичность в современной антропологии рассматривается, прежде всего, как результат процесса становления (Шеманов, 2008).

Теоретическая база исследования

Научное осмысление проблемы самоидентичности в целом и самоидентификации молодежи как особой группы российского общества связывается главным образом с социологическими и психологическими исследованиями, что обусловлено их динамикой и взаимосвязью с социально-технологическими трансформациями новейшего времени. Так, в центре внимания ученых были следующие актуальные проблемы: мировоззренческие ценности, определяющие поведение, и медиа как источник их формирования; отношение молодежи к идеям и практике гражданского общества; ксенофобия; экстремистские проявления в данной среде и влияние способов коммуникации на социализацию; социальный и экономический статусы молодых людей (Горшков, Шереги, 2010; Быков, Настина, 2020). Идея развития идентичности на различных жизненных циклах, когда человеку приходится делать выбор между зависимостью и свободой при решении возрастных и ситуативных задач, получила развитие в трудах Э. Эриксона (Erikson, 1968) еще в середине прошлого века. При этом в более поздних работах (Waterman, 1982; Грушин, 1987; Marcia, 1993) внимание акцентировалось, прежде всего, на том, что в качестве основных элементов идентичности можно рассматривать цели, ценности и убеждения, которые рождаются в результате личного ответственного выбора в период кризиса идентичности.

Выделение и описание профессиональной идентичности как разновидности социальной идентичности (Перинская, 2018) и исследования профессиональной идентичности журналиста цифровой эпохи на базе актуальных этических принципов позволили сделать ряд системных выводов. Например: новые медиа характе-

ризуют фактор эволюционного развития медиасферы, «в особенности благоприятствующий просоциальной и гуманистической ориентации личности» (Пронина, 2016: 46); «идентичность журналиста, соединяющая просоциальную и коммуникативную направленность и спонтанно формирующаяся в результате активного использования новых медиа, является сегодня важным каналом социализации, своеобразным лекалом нового личностного психотипа информационной эры» (Кулакова, 2019: 10).

Существенный эвристический потенциал заключен в новейших теоретико-методологических подходах к анализу влияния российской медиасферы на процессы самоидентификации индивидов. Особенности деятельности массмедиа в цифровую эпоху разнонаправленно освещены в научных работах Е. Л. Вартановой (2020), А. В. Вырковского (2020), М. И. Макеенко и А. Г. Шилиной (2019) и многих других. СМИ как медиатор коммуникативно-культурной памяти российской нации трактуется в монографии В. Ф. и Е. В. Олешко (2020). Конкретно молодежный сегмент современной аудитории массмедиа рассмотрен в работах Д. М. Вьюгиной (2019). Д. В. Дунас и С. А. Вартанов (2020) приходят к выводу о том, что сегодня «цифровая» сущность стала неотъемлемой характеристикой данного сегмента. С одной стороны, это создает коммуникативно благоприятные условия для оперативного восприятия и интериоризации/интерпретации любого сообщения. С другой стороны, при низкой медиаобразовательной подготовке создается возможность манипулятивного воздействия медиа на субъекта. Данный фактор в наибольшей степени предопределяет важность выявления сущностных компонентов идентичности молодых людей в контексте их личностной и – в недалеком будущем – полноценной профессиональной самореализации. Для нас важно также, что, по результатам исследований проблемы самоидентификации молодежи, на базе полученных качественных данных появляется возможность экстраполировать выводы на широкий круг проблем, связанных с определением не только социального, но и медийного статуса личности, что способствует поиску пути органичного вхождения индивидов в противоречивый, постоянно меняющийся мир. Ведь это во многом зависит от способности молодого человека к самопознанию, самооценке, от поиска вариантов оптимального баланса в его отношениях с другими людьми в целом и представителями старших поколений в частности.

Методология исследования

Современный период технологического развития каналов передачи информации и повсеместной цифровизации медиаконтента характеризуется не только разрушением географических, временных границ, но и снятием при желании индивида ограничений, определявших понятие «приватность личности». Мир стал слишком открытым, однако все это лишь осложнило работу представителей науки. Так, повсеместное использование системы онлайн-опросов (особенно в период пандемии) привело к тому, что их участниками нередко становятся одни и те же активные пользователи глобальной Сети, стремящиеся к самопрезентации. А система анкет с предпосланными «закрытыми» ответами, как нам кажется, позиционирует заранее сформулированные исследователями гипотезы или их развитие в том или ином направлении.

Вместе с тем в социологической и академической практике сегодня все чаще используется жанр эссе как одна из форм репрезентации субъективного опыта личности (Шестак, Шестак, 2011; Минеева, 2015). Ключевой особенностью данного метода является возможность получения ответов не только предельно индивидуализированных, но зачастую и трудно прогнозируемых, а следовательно, максимально отражающих реальную социальную практику. Сложность же заключена в том, что у неподготовленного человека нет навыков перевода внутренней речи во внешнюю, вербализованную (Гусева, 2002). Поэтому так ценны бывают результаты социологических опросов представителей творческих профессий, тех, кто готовит себя к ним или проявляет к ним явные способности (Manske, 2013; Евсеева, 2014).

В данной статье мы представляем результаты исследования, целью которого было выявление компонентов, характеризующих процесс самоидентификации студентов-журналистов цифровой эпохи. Необходимо отметить, что представителей данной группы как респондентов характеризует определенная профессиональная деформация – отличные от объективной выборки взгляды, интересы, знания, навыки взаимодействия с информацией и с другими людьми. Многим из них присуще более глубокое понимание социальных и политических вопросов. И хотя их представление о себе отличается от самоидентификации современной молодежи как социально-демографической группы, но в одной из исследовательских гипотез мы предположили, что студенты-журналисты в большей степени, чем другие, способны артикулировать измене-

ния в молодежной среде и объяснять их. В том числе и при взаимодействии с массмедиа на различных уровнях – в качестве системных потребителей контента, а также авторов, поскольку все без исключения респонденты на период проведения исследования в 2018–2020 гг. имели опыт сотрудничества со СМИ.

Исследование было проведено в период с 1 сентября 2018 по 15 февраля 2020 г. Респондентами при сплошной выборке являлись студенты 3–4 курсов бакалавриата и 1–2 курсов магистратуры дневного и заочного отделений четырех вузов Уральского федерального округа: Уральского федерального (г. Екатеринбург) и Югорского государственного (г. Ханты-Мансийск) университетов, Гуманитарного университета (г. Екатеринбург) и Сургутского государственного педагогического университета. Во всех этих вузах аккредитована специальность «Журналистика». Возраст респондентов – от 17 до 35 лет. Участие в исследовании было добровольным, отказались от процедуры или от последующего предоставления написанного текста в процентном отношении менее 0,5% от общего числа присутствовавших при вводном инструктировании. Методика была комплексной. Респондентам было предложено написать в течение двух часов эссе на тему «Легко ли быть молодым?», вместе с тем некоторые студенты, имевшие опыт профессиональной работы в СМИ, изъявили желание не писать эссе, а быть проинтервьюированными в качестве экспертов, поскольку им хотелось дать расширенные ответы. Таковых оказалось 20 человек (8,85% от общего числа опрошенных), Вопросы использованного при этом «путеводителя интервью» не отличались от ранее сформулированных другими респондентами. В итоге было проанализировано 226 текстов. Ответы на основании кодификатора, включавшего частотные распределения тематик, были в дальнейшем сгруппированы с учетом всего объема полученного контента. При этом выяснилось, что возрастные, половые, иные социальные отличия респондентов – студентов того или иного курса, бакалавриата или магистратуры – нельзя было характеризовать как существенные, дифференцирующие смысл изложенного. Это позволило не выстраивать матрицы взаимовлияния факторов и ранжирования их значимости.

Такие качественные методы получения социологических данных, как эссе на заданную тему и интервью с путеводителем, позволяют объективизировать трудно выявляемую при организации массовых опросов информацию, дают возможность свести до ми-

нимума поправки на ошибки при смещении выборки или определении актуальной для данной группы респондентов тематики дискутирования. Проблема самоидентификации, артикулированная студентами-журналистами, позволяет предположить, что эффективность коммуникации с молодежью как социально-демографической группой и специфической аудиторией традиционных и новых медиа зависит не только от развития технологических возможностей, но и от удовлетворения ее культурных, духовных потребностей, возможности участия в экономико-политических преобразованиях. Все вышеперечисленное находит отражение в профессионально-личностном саморазвитии каждого индивида.

Проверка этой гипотезы предполагала проведение исследования, нацеленного на получение максимально искренних ответов, поэтому респондентам была гарантирована анонимность (но многие из них все же подписывались, что позволяет в ряде случаев ставить инициалы). Далее следовал сложный процесс систематизации разнонаправленных по интенциям и разнящихся по содержанию социологических данных. Поиск оптимального сочетания общего и единичного позволил в итоге представить как статистические обобщения, так и прямые цитаты из отдельных ответов как семиотическое целое.

Проблематика, сформулированная респондентами

Обратимся к результатам исследования полученных текстов.

Как мы уже отмечали, подавляющему большинству респондентов было предложено самостоятельно выбрать варианты ответа на вопрос «Легко ли быть молодым?» и смыслового наполнения примерами, различного рода фактами или аргументами. В результате выяснилось, что тематическую палитру составили несколько направлений коллективного обсуждения волнующей молодых людей проблематики или косвенного дискутирования: проблемы самоидентификации («Кто я?»), поколенческих различий («В чем мы лучше или хуже других?»), технологического развития и повсеместной цифровизации («Что это дает лично мне?»), политики и экономики («Какие у меня жизненные перспективы?») и ряда других, менее глобальных для личностного самоопределения. В процентном отношении полученные нами ответы на вопрос «Легко ли быть молодым?» можно сгруппировать следующим образом:

- «определенно сложно» – 26%;
- «скорее сложно» – 31%;
- «нейтрально», «и да, и нет», «легко только в чем-то» – 10%;
- «скорее легко» – 16%;
- «определенно легко» – 17%.

Идентификация своего поколения

В текстах были представлены следующие характеристики или варианты ответов: поколение *Y*, родившееся в 1990–2003 гг.; поколение *Y*, миллениалы; поколение *Z*, зумеры (те, кто родился после 1995 г.); поколение *Z*, «перезащищенное» от всего негативного, но зато и самое неагрессивное; молодежь нового, постсоветского времени; «потерянное» поколение, представители которого родились на стыке веков и разных эпох; поколение тех, кто родился в середине 1990-х, когда одна страна уничтожена, другая не сформирована («Я бы смело назвал своих ровесников “отбросами Советского Союза”»; «Мы стали первыми людьми новой страны»).

Если же говорить не об эпохе, а о самом человеке, то можно выделить следующие автохарактеристики: «Молодость – период между детством и зрелостью, ты уже не ребенок, но и еще не взрослый»; «Молодость – период важных решений и безумных поступков»; «Важные решения и всплеск гормонов, так бы я охарактеризовал эту пору»; «С платформой реализации ассоциируется у меня слово молодость»; «Молодость я назову еще и асфальтом. Твердым асфальтом. Тем самым, о который в детстве мы часто били коленки» (Юлия С.); «Молодость – это какой-то перевал. Я, вроде, бегу к своему стандартному фабричному счастью, а со всех сторон только треск и выстрелы. Раз – нет учебы мечты; два – пропали близкие друзья; три – потеряла работу... И я все жду: убьет? выстою?»; «Нам каких-то 20 с небольшим, и эта цифра звучит как приговор. Кажется, что жизнь уже подошла к концу, что мы так много не успели сделать. Стать кем-то» (Алина П.).

Надо сказать, что среди ответивших было достаточно много и тех, кто при характеристике своего понимания молодости говорил не об историко-политической, биологической или социальной составляющей термина (58%), а скорее о сугубо психологической доминанте самоощущения и саморазвития (26%). Чаще всего они примерно так выражали свое отношение: «Молодость – это внут-

реннее состояние человека и возможность на базе этого выстраивать свои долгосрочные личностные перспективы» (В. В.).

Поколенческие различия

Данная тема нашла отражение в следующих статистических показателях, основанных на систематизации текстов:

- противопоставляют себя старшим поколениям – 44,1%;
- противопоставляют себя лишь младшему поколению – 9,3%;
- считают, что «все поколения одинаковы при небольших различиях», – 9,5%;
- убеждены, что «проблемы были всегда и современная молодежь не отличается от других поколений», – 11,6%;
- не посчитали это важным для характеристики своего и других поколений – 25,5%.

Приведем наиболее типичные ответы: «Быть молодым так же легко и так же трудно, как быть взрослым или пожилым»; «Тем, кто находится в этом сложном жизненном периоде, конечно, кажется, они одни такие, никто больше через эти сложности не проходил, но это глупость. Поколения сменяются, развиваются, модернизируются технологии – а проблемы всегда одни и те же, просто упаковка другая» (Анастасия Ф.); «Молодые всегда боролись за свободу, находились в поисках собственного “Я”, мечтали об одном и том же, и, в силу своих лет, сгорали от безграничных чувств и пристрастий. Мы не отличаемся от той молодежи, которая жила до нас и будет жить после. Время циклично, и все повторяется снова и снова» (Дмитрий У.)

Те, кто выделял отличия от старших поколений, отмечали следующее:

• У современной молодежи больше свободы – у предыдущих поколений были четкие коллективные указания. Молодежь задает тенденции новой жизни, разрушает шаблоны: и в семейном укладе, и в типе занятости, и в других вопросах (23,2% респондентов).

Цитируем некоторые ответы: «Если раньше была “коллективизация”: все за одного, то сейчас время лидеров»; «Именно молодежь задает множество тенденций, проявляя инициативу и имея желание изменить не только себя, но и мир, сделать лучше окружающую обстановку и оказаться в новом идейном пространстве» (Арина К.); «У представителей старших поколений было слишком много рамок и шаблонов. Мы от них избавляемся. Вот почему

сейчас так активны движения феминисток, ЛГБТ-комьюнити, да кого бы то ни было. Наше поколение принимает всех такими, какие они есть, и не пытается их “исправить” или осмеять за то, что кто-то не такой как все» (С. О.); «Еще лет двадцать назад было сложно тем, кто не похож на других, тем, у кого взгляды на жизнь не такие, как у общей массы. Сейчас можно быть таким, каким ты хочешь быть и внешне, и внутренне. Можно самовыражаться по полной, и при этом ты еще “рискуешь” стать кумиром. Уже никто не будет показывать на тебя пальцем, если ты накрутишь дреды или сделаешь татуировку на все тело, если ты – директор крупной корпорации, но в свободное время ты разъезжаешь на байке или играешь джаз в городском сквере... Ты можешь верить в тех богов, в каких считаешь нужным или не верить ни во что, ты можешь носить ту одежду, которая тебе удобна, ты можешь слушать ту музыку, которая тебе нравится, ты можешь читать те книги, которые выбрал сам, ты даже модель семьи и личных отношений выбираешь сам! Перед тобой открыт весь мир во всем многообразии и яркости. Повсюду нужны молодые, креативные, энергичные и готовые к работе люди» (В. Ш.); «Поколение Y разительно отличается от предыдущих развитым чувством справедливости. Они [старшее поколение – *Прим*.] – консерваторы и сторонники стабильности, старшему поколению важно жить в рамках нынешнего режима, так как они просто привыкли к нему, они боятся, им страшно менять себя. Конечно, не все, но большая часть людей из предыдущих поколений чрезмерно терпеливы. В народе людей, живущих под лозунгом “лишь бы не было войны” называют “терпилы” – именно этим мы так разительно отличаемся друг от друга» (Анастасия К.); «Мое поколение более дерзкое, чем поколение моей бабушки. Для моей бабушки, а потом и для родителей путь был ясный: учеба, стабильная работа, семья. Несмотря на то, что меня все детство настраивали на тот же путь, я не хочу ему следовать. Мне не нужна стабильная работа и в целом стабильный путь. Для меня важнее оставить после себя большой след, войти в историю, как это уже делают многие мои сверстники» (Ольга Ю.).

• Но была выражена и противоположная точка зрения: что старшее поколение начитаннее, во многом лучше, умнее, бескорыстнее – молодежь инфантильна и отличается потребительским отношением к жизни. Такого взгляда придерживаются 14% респондентов. Приведем наиболее типичное высказывание: «Раньше молодежь была более умной, ответственной, трудолюбивой.

Сейчас у многих ветер в голове, не знают, чего хотят от этой жизни, потерянные. Нет никаких моральных ценностей» (Екатерина).

• Еще одна позиция отражала точку зрения о сложности окружающей действительности: социальные лестницы перегружены, темп жизни постоянно ускоряется, необходимо бороться за свое место в жизни в условиях рыночных отношений. Это отметил примерно каждый десятый респондент.

«Меня отличает от них то, что я плачу (условно говоря) за образование, я беру ипотеку на жилье, беру кредит на автомобиль и др.» (Ольга); «Нам часто приходится прикладывать больше усилий, доказывать, что мы готовы к свершению чего-то нового, наши идеи могут стать революционными, если дать нам шанс» (Анастасия Т.); «Люди постарше жалуются на то, что мир меняется с сумасшедшей скоростью, а мы не понимаем, в чем проблема, ведь это привычный для нас темп» (Лера К.).

• У современной молодежи больше возможностей (это отметили 9,2% респондентов).

«Старшее поколение было лишено огромных списков возможностей 21-ого века» (Юлия К.); «Наше поколение действительно отличается от предыдущего тем, что мы получаем больше информации и быстрее развиваемся» (Екатерина Я.); «Предыдущее поколение, наши мамы и папы, находились в более жестких рамках. Не все могли позволить себе, к примеру, высшее образование, заниматься тем, что нравится, а не тем, на что есть возможность» (Екатерина).

Отличия от младшего поколения были артикулированы следующим образом:

- общение младших намного чаще проходит онлайн, они зависимы от Интернета, моды и мнения популярных людей;
- младшие меньше думают о духовном, о нормах и традициях общества, у них нет патриотической убежденности, их не волнует история (свой род);
- младшие более инфантильны;
- установка младших на индивидуализм (это отметили более трети респондентов): «Молодежь 21 века не думает о том, чтобы менять мир или человечество, в первую очередь они хотят сделать комфортной свою жизнь и жизнь близких» (Анастасия Б.);
- младшим свойственно немыслимое напряжение в вопросах выбора: «Неправильный выбор – это катастрофа. “Пра-

вильный выбор" становится почти вопросом жизни или смерти» (Анастасия Б.);

- нравственная распущенность младшего поколения: «Раздражают сами формы общения подростков с представителями противоположного пола: мат – норма, "перепихнуться" – запросто, унисекс во всем – не как вызов, а вариант понравиться»; «В мое время такой открытости, извращенности и похабства не было» (Мария К.).

Примечательно, что почти все авторы данных реплик принадлежат поколению 20–25-летних (лишь одному респонденту было больше 30 лет), но при этом нормой были такие фразы, как «в моем детстве», «современная молодежь», «чего не скажешь о моем поколении» или «в мое время» – когда сравнивали себя с теми, кто всего на пять, а порой и на пару лет младше.

Проблема технологического развития, повсеместной цифровизации и поколенческих цифровых разрывов

В данном пункте отметим, прежде всего, следующие статистические данные:

- в целом акцентировали внимание именно на этих вопросах более трети респондентов;
- из них считают, что «цифровизация – это благо», – 19%;
- убеждены, что это вредно, – 47,6%;
- отметили и пользу, и вред (или нейтральны в оценке социально-технологических трансформаций) – 33,4%.

Представители анализируемого поколения студентов, на наш взгляд, являются как бы «пограничным» социумом в вопросах распространения цифровизации практически на все сферы жизнедеятельности. Неудивительно, что респонденты даже при незначительном возрастном делении, менее десяти лет, разделились при оценке данного явления социальной практики на две группы:

• те, кто застал становление новых технологий («Нам повезло, мы последнее поколение, заставшее период без стопроцентного окружения гаджетами, в отличие от наших младших братьев и сестер» (Анастасия Ф.);

• те, кто родился уже в цифровую эпоху или не помнит себя вне ее («Мое поколение можно назвать первыми "цифровыми аборигенами" в мире "цифровых иммигрантов". Мы не знаем, как это – жить без Интернета, без приложений для каждого шага, ко-

торыми мы пользуемся так же естественно, как дышим»; «Наверное, мы даже не разделяем уже реальный мир и цифровой» (Лера К.); «Мы родились с телефоном в руке. Технологии и Интернет – неотъемлемая часть нашей жизни. Мы предпочтем написать СМС, нежели позвонить по телефону» (С. О.).

Выделяемые плюсы цифровизации вполне очевидны и понятны. Их можно свести к двум основным пунктам:

• огромное количество информации дает возможности для образования и саморазвития (на этом акцентировал внимание каждый третий респондент): «Наше поколение действительно отличается от предыдущего тем, что мы получаем больше информации и быстрее развиваемся» (Екатерина Я.);

• прикладную функциональность отметили 14,2% респондентов, указав, что новые технологии – это прогресс, помогающий в решении самых разных задач (и работа, и домашние задания, и оплата коммунальных услуг, и пр.): «Технологии открывают нам бесконечный спектр возможностей. Овладевая ими, мы становимся свободнее» (А. Л.).

Вместе с тем были получены и довольно неожиданные результаты, в частности свидетельствующие о том, что молодое поколение, столь часто обвиняемое людьми старшего возраста в интернет-зависимости, отменяет гораздо больше минусов цифровизации, нежели плюсов.

Так, более трети респондентов (38%) отметили информационный поток, в котором легко потерять себя и невероятно сложно сделать выбор, как-то проанализировать информацию: «Мы находимся в постоянном вакууме из потока различной информации» (Алина П.); «Обилие информации из каждого утюга» (Анастасия Ф.); «Информационно-технологический поток уплотняется и растекается в геометрической прогрессии, равносторонне удаляя меня от предыдущих и от своего поколений. Мы как бы находимся в прозрачной толстой скорлупе из терабайтов информации, и через эту скорлупу уже не прорваться во всех смыслах этого слова: мы трансформируемся в ней, становимся другими, фальшивыми копиями себя» (А. Л.); «Имея такое количество информационных источников, сделать выбор становится сложным, нелегким занятием» (Юлия С.); «В условиях необъятного и продолжающего расти потока информации способность полноценно ее воспринимать утрачивается. Поэтому человек выхватывает лишь обрывки

умело поданных сведений и сиюминутно использует их для своих целей, а потом забывает. Появилась способность одновременно выполнять несколько задач, рассеивать внимание. Но в то же время исчезает потребность в том, чтобы остановиться, подумать, самостоятельно проанализировать информацию» (Т. Т.).

Разочарование в новых технологиях чаще всего обуславливается необходимостью вести потребительский, в том числе в информационном плане, образ жизни: «Тотальная дезинформация в Сети – верить нельзя никому, везде или манипуляция, или реклама, или фейки, или просто желание заработать»; «Настоящие друзья и количество сетевых “френдов” – это соревнование без цели»; «Трансляция идеального образа себя для разных социальных групп, как необходимость – система “масок” в соцсетях для друзей, для родных, для коллег с работы» (Олег Ч.); «Сейчас поколение мейнстрима. Они тотально следуют рекомендациям онлайн-СМИ и популярных блогеров, в результате чего отсутствуют ярко выраженные субкультуры, а все становятся похожими, несмотря на безграничную веру в собственную исключительность, вне зависимости от города и уровня обеспеченности» (Анастасия Б.).

Также 33,3% опрошенных акцентировали внимание на психологических проблемах, являющихся следствием цифровизации (зависимости от Интернета и гаджетов), депрессиях и различных расстройствах (чаще всего диагностируемых самостоятельно). Причина тому – легкодоступность травмирующей информации для несформировавшейся психики (вспоминали при этом и свой детский возраст). Приведем, к примеру, следующие цитаты: «Помимо зависимостей, которые были присущи нашим предкам, – курение, алкоголь, мы открыли новую форму – игровую зависимость, спасибо, интернет!» (Лолита Г.): «Мы слишком быстро растем, оказавшись в мире новых технологий, когда новость доступна любому пользователю, сколько бы ему ни было: 10, 15, 20. Раньше ведь дети не задумывались о терактах, убийствах, преступлениях. Вернее, может быть, и задумывались, но это не было так наглядно, как сейчас. Взрослые, стремясь к новейшим разработкам, забирают у нас детство, порой не понимая этого» (С. К.); «В Интернете мы находим слишком много информации. Зачастую многие молодые люди сами себе диагностируют какие-либо ментальные расстройства, приписывают депрессию, даже не совсем понимая значение этого слова» (С. О.).

Экономическая и политическая проблематика

Как свидетельствует наше исследование, данный пункт находится на периферии внимания респондентов. Так, лишь 21,6% опрошенных считают предельно актуальными экономические проблемы и готовы их публично обсуждать. В отношении политических проблем число интересующихся еще меньше – всего 11,6%. В целом данную тенденцию подтверждают и результаты исследования, проведенного в 2020 г. немецким Фондом им. Фридриха Эберта совместно с «Левада-центром»: выяснилось, к примеру, что более 80% российских молодых людей либо не интересуются политикой, либо не имеют на этот счет определенного мнения[5]. В проанализированных нами текстах показательной была аргументация, которую косвенно можно было отнести именно к данной теме. На отсутствие возможности решить в ближайшем будущем экономические или политические проблемы страны указали соответственно 11,5% и 14,9% респондентов; каждый пятый связал это с общей инфантильностью молодежи; каждый десятый не скрывал, что интересуется проблемой эмиграции; 27,2% опрошенных не видят перспектив профессионального роста как раз по причине повсеместной цифровизации медиаконтента; 58,4% – свидетельствовали о материальной зависимости, связывая это с отсутствием у государства «непоказушной» молодежной политики: «Не той, где слеты, акции, фанфары – а где есть конкретные социальные гарантии выпускникам вузов и колледжей, несмешные выплаты семьям с детьми, вовлеченность молодежи в политическую жизнь, закон о фрилансе как экономической реальности и волонтерах как не просто «побегунчиках», что уже давно назрело» (Евгений К.); «Нет постоянной работы – следовательно, нет возможности взять кредит на что-то первостепенно важное, ипотеку. Зарплаты в регионах – мизер. В политике – один пиар. Кому верить?..»; «Всегда находится кто-то более старший, и он талантливее, ловчее, опытнее тебя. Ты не успеваешь за всеми, но все еще пытаешься всех обогнать» (Анна Ж.); «Почему мы уходим от контента традиционных СМИ? Там одна пропаганда и манипуляции: такое ощущение, что им поставлена политическая задача – сформировать из нас тех, кто не выделяется, ходит строем и готов отдать жизнь за президентские идеалы. А мы не хотим служить кому-то одному, даже самому авторитетному сегодня» (Илья Ш.); «Пора перестать быть демагогами, начать действовать, делать что-

то во благо своих близких, малой родины, к которой мы привязаны» (Анастасия К.).

Отметим и несколько финальных реплик, которые могут служить своего рода выводами, отражающими общие настроения современного цифрового поколения молодежи: «Молодость трудна для нас лишь потому, что каждая проблема кажется нам глобальной» (Юлия С.); «Погоня за уникальностью – еще одна трагедия современной молодежи» (Диана Б.); «Молодая среда агрессивна, безжалостна. В этой среде конкуренция во всем: учеба, работа, любовь, общение. Молодость похожа на гонку за признанием. Мы постоянно мечемся, ищем, пробуем, бросаем, находим. Мы беремся за все сразу и отказываемся так же быстро» (Анна Ж.); «Но, не пройдя эти испытания, ты не сможешь стать КЕМ-ТО. Это должен осознать каждый молодой человек, и тогда начинаешь ценить каждое мгновение этой жизни!» (Юлия П.).

Заключение

Обращение к молодежной проблематике предопределяется причинами как объективного, так и субъективно-личностного характера. Как свидетельствуют результаты проведенного нами исследования, студенты-журналисты не только четко осознают наличие общих возрастных изменений (Воденко (ред.), 2020), но и постоянно пытаются найти причины их возникновения. Ключевым моментом самоидентификации при этом выступает самоотличение. Причем важнейшим условием становления идентичности оказывается инициация не только способности к самоотличению – то есть субъективности, но и к творческому самовыражению в различных формах системной информационной деятельности.

Глобализационные процессы и перманентное развитие технологий предельно актуализировали проблематику становления личностной и в особенности профессиональной идентичности в юности и ранней взрослости. Поэтому мы в качестве экспертной группы использовали бакалавров и магистрантов, обучающихся по направлению «Журналистика», но имевших опыт системного сотрудничества со СМИ. Поскольку получение субъективированных данных характеризуется трудностью артикулирования индивидами того, что они чувствуют, переживают, думают по тому или иному поводу, авторами статьи была использована комплексная

методика проведения опросов. Социологическим инструментом получения информации стали эссе и интервью с путеводителем, апробированные отечественными и зарубежными исследователями в работе с представителями творческих профессий.

Проведенное исследование в рамках проекта «Легко ли быть молодым?» по тематике и названию соотносится с документальными фильмами периода перестройки и рубежа веков. Вместе с тем полученные результаты свидетельствуют о кардинальных отличиях. В те периоды наиболее актуальными для молодежи были проблемы формирования и развития субкультур, а для общества – их маргинализация в условиях экономических кризисов. Сегодня на первый план выходит проблематика личностной самоидентификации молодого человека в условиях повсеместной цифровизации, а также задача сохранения при перманентном развитии информационных технологий индивидуальности/приватности, поиска возможностей для межпоколенческого коммуницирования. Студенты-журналисты, как доказано, во многом отражают генезис социальных концепций молодежи в целом, что позволяет минимизировать усилия для выявления актуальной для социально-демографической группы проблематики. Кроме того, использованный социологический инструментарий может, на наш взгляд, способствовать принятию представителями социальных институтов российского общества эффективных управленческих решений.

Проведенное исследование показало, что тематическую палитру наиболее сущностной проблематики для личностного самоопределения респондентов составили: вопросы выбора целей и средств самореализации; самоидентификация в контексте проявления человеком свободы в принятии решений; проблемы поколенческих различий и межпоколенческой коммуникации; а также все, что связано с перманентными технологическими трансформациями и повсеместной цифровизацией, влияющими как на процессы профессиональной идентификации индивидов, так и на развитие сфер экономики и политики в целом. Наиболее эффективной моделью сотрудничества с молодежью, как показывает исследование, является открытый диалог, предоставление ей правовых, экономических возможностей и социальных гарантий для саморазвития. Вместе с тем более трети респондентов акцентировали внимание на психологических проблемах, являющихся следствием цифровизации, – своей зависимости от Интернета и гаджетов, депрессиях и различного вида расстройствах.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что изучение особенностей развития молодежи как социально-демографической группы на базе артикулированной без посредников проблематики позволяет не только увидеть и проанализировать объективную картину, но и систематизировать социальные, поведенческие паттерны «порядка/беспорядка». Их преодоление или, напротив, динамизация может с высокой вероятностью привести к успешной реализации властными структурами конструктивных решений, а журналистам откроет путь к диалоговому взаимодействию с очень мобильной целевой аудиторией.

Примечания

[1] Статья выполнена при поддержке гранта РНФ № 19-18-00264 в рамках научного проекта «Цифровизация коммуникативно-культурной памяти и проблемы ее межпоколенческой трансляции».

[2] Счетчик населения Земли // Население Земли. Режим доступа: https://countrymeters.info/ru/World (дата обращения: 17.03.2021).

[3] В России подсчитали число юношей и девушек // РИАМО. 2019. Ноябрь, 12. Режим доступа: https://riamo.ru/article/392542/v-rossii-podschitali-kolichestvo-yunoshej-i-devushek.xl (дата обращения: 24.02.2021).

[4] *Замахина Т.* Госдума одобрила проект о повышении возраста молодежи до 35 лет // Российская газета. 2020. Ноябрь, 11. Режим доступа: https://rg.ru/2020/11/11/gosduma-odobrila-proekt-o-povyshenii-vozrasta-molodezhi-do-35-let.html (дата обращения: 29.02.2021).

[5] *Мухаметшина Е.* Более 80% российской молодежи равнодушны к политике // Ведомости. 2020. Апр., 30. Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/04/29/829352-molodezhi-ravnodushni (дата обращения: 09.03.2021).

Библиография

Быков А. В., Настина Е. А. Взаимосвязи ценностных установок и карьерных достижений (по данным исследования молодежи) // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 67–77. DOI: 10.31857/S0132162500009288-9

Вартанова Е. Л. Медиасистема в национальном контексте: в продолжение академической дискуссии // МедиаАльманах. 2020. № 4 (99). С. 8–17. DOI: 10.30547/mediaalmanah.4.2020.815

Вырковский А. В. Различия в понимании и использовании базовых теоретических концепций у представителей медиаиндустрии и академической среды // Вестн. Томск. гос. ун-та. Филология. 2020. № 64. С. 277–289. DOI: 10.17223/19986645/64/16

Вьюгина Д. М. Особенности медиапотребления современной российской молодежи (на примере Москвы и Московской области): дис. ... канд. филол. наук. М., 2019.

Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСП и М, 2010.

Грушин Б. А. Массовое сознание. М.: Политиздат, 1987.

Гусева Г. В. Типологические характеристики вербализованной внутренней речи: дис. ... канд. филол. наук. Тула, 2002.

Дунас Д. В., Вартанов С. А. Молодежный сегмент аудитории СМИ: теоретические подходы отечественных медиаисследователей // Вопросы теории и практики журналистики. 2020. Т. 9. № 1. С. 106–122. DOI: 10.17150/2308-6203.2020.9(1).106-122

Евсеева Я. В. Творческие профессии как объект социологического исследования (сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отеч. и заруб. лит-ра. Сер. 11: Социология. Рефер. журнал. 2014. № 3. С. 62–66.

Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д., Чередниченко Г. А. Молодежь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие. М.: ЦСП и М, 2014.

Кузнецова И. Ю. Социализация молодежи на рубеже веков: региональный аспект: дис. ... канд. культурологии. Краснодар, 2001.

Кулакова А. С. Новые технологии как фактор формирования профессиональной идентичности современного журналиста: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2019.

Макеенко М. И., Шилина А. Г. Журналистика данных в качественной прессе: тематические и жанровые особенности // МедиаАльманах. 2019. № 6. С. 22–35. DOI: 10.30547/mediaalmanah.6.2019.2235

Минеева И. Н. Академическое эссе: теория и практика жанра // Филологический класс. 2015. № 2 (40). С. 7–14.

Олешко В. Ф., Олешко Е. В. СМИ как медиатор коммуникативно-культурной памяти. Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 2020.

Перинская Н. А. Профессиональная идентичность // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 2. С. 209–211. DOI: 10.17805/zpu.2018.2.19

Пронина Е. Е. Профессиональная идентичность журналиста в условиях трансформации СМИ // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2016. № 1. С. 46–74.

Социология молодежи / под ред. *К. В. Воденко.* М.: РИОР: ИНФРА-М, 2020.

Шеманов А. Ю. Самоидентификация человека как антропогенетический феномен: дис. ... д-ра филос. наук. М., 2008.

Шестак В. П., Шестак Н. В. Формирование научно-исследовательской компетенции и «академическое письмо» // Высшее образование в России. 2011. № 11. С. 115–119.

Erikson E. (1968) *Identity: Youth and Crisis*. New York: Norton.

Manske A. (2013) Kreative als aktivierte Wirtschaftsbürger: Zur wohlfahrtsstaatlichen Rahmung von künstlerisch-kreativer Arbeit. *Österreichische Ztng für Soziologie* 38 (3): 259–276. DOI: 10.1007/s11614-013-0092-4

Marcia J. E. (1993) The ego identity status approach to ego identity. In J. E. Marcia, A. S. Waterman, D. R. Matteson, S. L. Archer, J. L. Orlofsky (eds.)

Ego identity: A handbook for psychosocial research. New York: Springer-Verlag. Pp. 1–21. DOI: 10.1007/978-1-4613-8330-7

Waterman A. S. (1982) Identity development from adolescence to adulthood: An extension of theory and a review of research. *Developmental Psychology* 18 (3): 341–358. DOI: https://doi.org/10.1037/0012-1649.18.3.341

Notes

Mukhametshina E. (2020) Bolee 80% rossiyskoy molodezhi ravnodushny k politike [More than 80% of Russian Youth are Indifferent to Politics]. *Vedomosti*, 30 April. Available at: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/04/29/829352-molodezhi-ravnodushni (accessed: 29.12.2020).

Schetchik naseleniya Zemli [The Meter of the Earth's Population]. Available at: https://countrymeters.info/ru/World (accessed: 17.12.2020).

V Rossii podschitali chislo yunoshey i devushek [In Russia, the Number of Young Men and Girls Was Calculated] (2019) *RIAMO*, 12 November. Available at: https://riamo.ru/article/392542/v-rossii-podschitali-kolichestvo-yunoshej-i-devushek.xl (accessed: 24.12.2020).

Zamakhina T. (2020) Gosduma odobrila proekt o povy`shenii vozrasta molodezhi do 35 let [The State Duma Approved the Draft Law on Raising the Youth Age up to 35 Years]. *Rossiyskaya gazeta*, 11 November. Available at: https://rg.ru/2020/11/11/gosduma-odobrila-proekt-o-povyshenii-vozrasta-molodezhi-do-35-let.html (accessed: 29.12.2020).

References

Bykov A. V., Nastina E. A. (2020) Vzaimosvyazi tsennostnykh ustanovok i kar'ernykh dostizheniy (po dannym issledovaniya molodezhi) [Links Between Value Attitudes and Career Achievements (based on a survey of youth)]. *Sotsiologicheskie iscledovaniya* 8: 67–77. DOI: 10.31857/S013216250009288-9 (In Russian)

Dunas D. V., Vartanov S. A. (2020) Molodezhnyy segment auditorii SMI: teoreticheskie podkhody otechestvennykh mediaissledovateley [Youth Segment of the Media Audience: Theoretical Approaches in Russian Media Studies]. *Theoretical and Practical Issues of Journalism* 9 (1): 106–122. DOI: 10.17150/2308-6203.2020.9(1).106-122 (In Russian)

Erikson E. (1968) *Identity: Youth and Crisis*. New York: Norton.

Evseeva Ya. V. (2014) Tvorcheskie professii kak ob"ekt sotsiologicheskogo issledovaniya (svodnyy referat) [Creative Professions as an Object of Sociological Research (a summary abstract)]. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaya literatura. Ser. 11: Sotsiologiya. Referativnyy zhurnal* 3: 62–66. (In Russian)

Gorshkov M. K., Sheregi F. Ye. (2010) *Molodezh' Rossii: sotsiologicheskiy portret* [Youth of Russia: a Sociological Portrait]. Moscow: CSP and M Publ. (In Russian)

Grushin B. A. (1987) *Massovoe soznanie* [Mass Consciousness]. Moscow: Politizdat Publ. (In Russian)

Konstantinovskiy D. L., Voznesenskaya E. D., Cherednichenko G. A. (2014) *Molodezh' Rossii na rubezhe XX–XXI vekov: obrazovanie, trud, social'noe samochuvstvie* [Youth of Russia at the turn of the 21st century: Education, Work, Social Health]. Moscow: CSP and M Publ. (In Russian)

Kulakova A. S. (2019) *Novye tekhnologii kak faktor formirovaniya professional'noy identichnosti sovremennogo zhurnalista:* dis. ... kand. filol. nauk. [New Technologies as a Factor in the Formation of Professional Identity of a Modern Journalist: PhD philol. sci. diss.] Moscow. (In Russian)

Kuznetsova I. Yu. (2001) *Sotsializatsiya molodezhi na rubezhe vekov: regional'nyy aspect:* dis. ... kand. kult. nauk. [Socialization of Youth at the Turn of the Centuries: the Regional Aspect: PhD cult. sci. diss.] Krasnodar. (In Russian)

Makeenko M. I., Shilina A. G. (2019) Zhurnalistika dannykh v kachestvennoy presse: tematicheskie i zhanrovye osobennosti [Data Journalism in the Quality Press: Thematic and Genre Features]. *MediaAl'manah* 6: 22–35. DOI: 10.30547/mediaalmanah.6.2019.2235 (In Russian)

Manske A. (2013) Kreative als aktivierte Wirtschaftsbürger: Zur wohlfahrtsstaatlichen Rahmung von künstlerisch-kreativer Arbeit [Creatives as Active Economic Citizens: for the Welfare State a Framework of Artistic and Creative Work]. *sterreichische Ztng für Soziologie* 38 (3): 259–276. DOI: 10.1007/s11614-013-0092-4 (In German)

Marcia J. E. (1993) The Ego Identity Status Approach to Ego Identity. In J. E. Marcia, A. S. Waterman, D. R. Matteson, S. L. Archer, J. L. Orlofsky (eds.) *Ego Identity: a Handbook for Psychosocial Research*. New York: Springer-Verlag. Pp. 1–21. DOI: 10.1007/978-1-4613-8330-7

Mineeva I. N. (2015) Akademicheskoe esse: teoriya i praktika zhanra [Theory and Practice of Academic Writing]. *Filologicheskiy klass* 2 (40): 7–14. (In Russian)

Oleshko V. F., Oleshko E. V. (2020) *SMI kak mediator kommunikativno-kul'turnoy pamyati* [Mass Media as a Mediator of Communicative and Cultural Memory]. Ekaterinburg: Ural. Federal. Univ. Publ. (In Russian)

Perinskaya N. A. (2018) Professional'naya identichnost' [Professional Identity]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* 2: 209–211. DOI: 10.17805/zpu.2018.2.19 (In Russian)

Pronina E. E. (2016) Professional'naya identichnost' zhurnalista v usloviyakh transformatsii SMI [Professional Identity of a Journalist in the Context of Media Transformation]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika* 1: 46–74. (In Russian)

Shemanov A. Yu. (2008) *Samoidentifikatsiya cheloveka kak antropogeneticheskiy fenomen*: dis. ... dokt. filos. nauk. [Man's Self-Identification as an Anthropogenetic Phenomenon. Dr. philos. sci. diss.] Moscow. (In Russian)

Shestak V. P., Shestak N. V. (2011) Formirovanie nauchno-issledovatel'skoy kompetentsii i «akademicheskoe pis'mo» [Research Competence and Academic Writing]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* 11: 115–119. (In Russian)

Vartanova E. L. (2020) Mediasistema v natsional'nom kontekste: v prodolzhenie akademicheskoy diskussii [The Media System in the National Context: Following up the Academic Discussion]. *MediaAl'manah* 4 (99): 8–17. DOI: 10.30547/mediaalmanah.4.2020.815 (In Russian)

Vodenko K. V. (ed.) (2020) *Sociologiya molodezhi* [Sociology of Youth]. Moscow: RIOR : INFRA-M Publ. (In Russian)

V'yugina D. M. (2019) *Osobennosti mediapotrebleniya sovremennoy rossiyskoy molodezhi (na primere Moskvy i Moskovskoy oblasti):* dis. ... kand. filol. nauk. [Features of Media Consumption of Modern Russian Youth (on the example of Moscow and the Moscow region): PhD philol. sci. diss.] Moscow. (In Russian)

Vyrkovsky A. V. (2020) Razlichiya v ponimanii i ispol'zovanii bazovykh teoreticheskikh kontseptsiy u predstaviteley mediaindustrii i akademicheskoy sredy [Differences in the Understanding and Use of Basic Theoretical Concepts Among Representatives of the Media Industry and the Academic Environment]. *Vestn. Tomskogo gos. un-ta. Filologiya* 64: 277–289. DOI: 10.17223/19986645/64/16 (In Russian)

Waterman A. S. (1982) Identity Development from Adolescence to Adulthood: an Extension of Theory and a Review of Research. *Developmental Psychology* 18 (3): 341–358. DOI: https://doi.org/10.1037/0012-1649.18.3.341

Поступила в редакцию
30.12.2021

СОВРЕМЕННАЯ ЖУРНАЛИСТИКА: ТЕМАТИКА И ПРОБЛЕМАТИКА

Пуцева Мария Дмитриевна, выпускница аспирантуры, кафедра зарубежной журналистики и литературы, факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; e-mail: putseva@mail.ru

ПРЕДСТАВЛЕННОСТЬ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЭФИРЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕЛЕКАНАЛОВ

В настоящей статье рассматривается представленность европейской культуры – науки, искусства, религии – в эфире пяти глобальных информационных телеканалов («Би-Би-Си Уорлд Ньюс», «Си-Эн-Эн Интернэшнл», «Ар-Ти Ньюс», «Аль Джазира Инглиш» и «Си-Джи-Ти-Эн Инглиш»). Результаты исследования показывают, что такие компоненты европейской культуры, как искусство и религия, получают идентичное количество упоминаний, в то время как упоминания науки сильно варьируются. Вместе с данными по отдельно взятым компонентам культуры, в статье приводится информация об упоминаемости европейской культуры в сравнении с культурами тех регионов, к которым принадлежат анализируемые телеканалы (России, Северной Америки, Азиатско-Тихоокеанского региона и Ближнего Востока), а также сведения о динамике освещения европейской культуры в период с 2014 по 2020 гг.

Ключевые слова: *глобальное телевидение, европейская культура, информационные телеканалы, международные отношения.*

Maria D. Putseva, former PhD student at the Chair of Foreign Journalism and Literature, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: putseva@mail.ru

REPRESENTATIVITY OF EUROPEAN CULTURE ON GLOBAL TELEVISION NEWS CHANNELS

This article examines the representativity of European culture on five global TV news channels (CNN International, BBC World News, Al Jazeera English, RT News and CGTN English) within the cases of three cultural components: science, art and religion. The study is based on the assumption that comparable media established in different regions of the world and using the same language make it possible to draw up a media image of European culture. The need for the study stems from the lack of papers on the coverage of pan-European culture and on comparative media studies of European culture, although the external

perception of European culture is widely explored within other humanities. The results show that the components of European culture such as art and religion have an almost identical level of representativity on all global TV news channels, while the representation of European science varies from channel to channel.

Key words: *global television, European culture, television news channels, international relations.*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2021.158183

Введение

С исторической точки зрения Европа является колыбелью современной западной цивилизации: сформировавшийся двенадцать столетий назад европейский регион (Le Goff, 2013: 29)[1] стал культурным и этническим базисом для других, более молодых культур. Вместе с этим европейская культура оказала колоссальное влияние на первоначально далекие от европейских ценностей народы в колониальную эпоху: к концу XIX в. под контролем одной только Британской империи находились почти 25% всей суши и более четверти населения земли[2]. Вплоть до середины XX в. экономическое и, следовательно, культурное доминирование Европы (Ang, 1985: 3) , а также ее культурных преемников – США (Burton, 1923: 163; Horne, 2018: 118) и СССР (Кантор, 2001: 6; Марков, 2016: 24) отличалось стабильностью, однако ситуация начала меняться с 1950-х гг. – на фоне зарождения феномена «японского экономического чуда» (Takatoshi, Takeo, 2020: 56). За «японским экономическим чудом» последовало усиление позиций отдельных стран Ближнего Востока – экспортеров нефти. Европа тем временем проходила через длительный и сложный процесс деколонизации стран Азии и Африки, который был завершен к концу XX в. Господство европейской культуры в мире после деколонизации продолжалось и во многом было обусловлено достижениями США, унаследовавшими от Европы аксиологические ценности и ключевые культурные паттерны – в первую очередь язык и религию.

В последние годы в общемировой культуре наметилась тенденция к еще большему усилению антагонизма между культурой западной (исконно европейской) и набирающей влияние культурой восточной (азиатско-тихоокеанской и ближневосточной). Данный

процесс в наибольшей степени прослеживается на уровне фундаментального элемента культуры – науки[3], а также на уровне массовой культуры (Iwabuchi, Tsai, Berry, 2017: 18). Поэтому фиксация числа упоминаний европейской культуры в процентном соотношении к другим культурам, выявление динамики представленности европейской культуры в течение последних лет и анализ упоминаемости отдельно взятых компонентов культуры в средствах массовой информации различных регионов мира может позволить оценить степень значимости европейской культуры с точки зрения современных СМИ.

Определение границ понятия «культура» (*culture*) представляет большие трудности для семантической системы любого языка. По мнению британского философа и литературоведа Т. Иглтона, термин «культура» является одним из двух или трех наиболее сложных для толкования английских слов (Eagleton, 2013: 1). В рамках представленного ниже исследования мы опирались на определение культуры в «Новейшем философском словаре», согласно которому «культура – это система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой деятельности»[4]. Таким образом, различные надбиологические программы представляют собой компоненты культуры. Исследования компонентов культуры обладают широкой вариативностью, поскольку количество и виды изучаемых компонентов культуры меняются в зависимости от тех задач, которые ставят перед собой исследователи. К числу наиболее популярных в рамках широкого спектра предметных областей относят комбинацию изучения трех основополагающих компонентов культуры – науки, искусства и религии (Latour, Weibel, 2002; Grandpierre, 2003; Bauduin, 2012). Поэтому три вышеназванные составляющие европейской культуры и явились предметом нашего исследования.

Обзор литературы

Представители Бирмингемской школы культурных исследований Р. Хоггарт и Д. Джонсон создали первый научный труд, полностью посвященный изучению Европы в целом и европейской культуры в частности (Hoggart, Johnson, 1987): они проанализировали процессы возникновения региона, его исторического развития, приобретения Европой доминирующего положения в мире.

В данной монографии были рассмотрены такие особенности европейской цивилизации, как совокупно бытующие раздробленность и единство, иерархичность и равенство, индивидуальные и коллективные начала. Вместе с этим Хоггарт и Джонсон исследовали и внешнюю репрезентацию современной европейской культуры – в рамках исламской ментальности, а также восприятие Европы в странах Азии и Африки. Все представленные в данной работе направления получили глубокое развитие в контексте медиаисследований.

Существующие на данный момент медиаисследования репрезентации европейской культуры исчисляются сотнями и условно могут быть разделены на три большие группы: а) саморепрезентация европейской культуры; б) внешняя репрезентация европейской культуры; в) сравнительный анализ саморепрезентации европейской культуры и внешней ее репрезентации.

Медиаисследования саморепрезентации европейской культуры включают в себя исследования национальных европейских культур (Stankiewicz, 2017), национальных меньшинств (Zabaleta, Ferré-Pavia, Gutierrez, Fernandez et al., 2014), исследования европейской культуры на уровне субрегионов (Arns, 1998) и, наконец, на общеевропейском уровне (De Vinck, Pauwels, 2015). Необходимо заметить, что самую многочисленную группу составляет последний вид – исследования европейской культуры на общеевропейском уровне. Аналогичная ситуация наблюдается в нише исследований репрезентации европейской культуры извне: европейская культура изучается во всех возможных проекциях и с точки зрения средств массовой информации различных регионов мира. Исследования репрезентации Европы в рамках одновременно европейских средств массовой информации и СМИ других регионов по большей части нацелены на изучение политических, экономических и социальных аспектов, культурная составляющая преимущественно остается в стороне.

Вследствие этого представляется актуальным проведение компаративных исследований, в рамках которых репрезентация европейской культуры будет изучаться как с точки зрения европейских средств массовой информации, так и с точки зрения средств массовой информации других регионов. Однако столь масштабная задача не может быть реализована в пределах одной публикации и

требует целого корпуса исследований. В рамках данной работы мы остановились на том, чтобы проводить изучение освещения европейской культуры на базе одного типа СМИ – глобальных информационных телеканалов.

При формировании выборки СМИ для компаративного исследования представленности европейской культуры одновременно в европейских средствах массовой информации и в средствах массовой информации других стран необходимо учитывать опыт близких по формату исследований. Основой для формирования выборки СМИ для данного исследования стали принципы работы бельгийского профессора Л. Д'Хайенс (d'Haenens, 2005), которая для изучения образа Европы в качественной прессе составила выборку, в которой средства массовой информации были эквивалентны по статусу, охвату аудитории и использовали общую языковую систему (английский язык).

В качестве эмпирического объекта компаративных медиаисследований нередко выступают программы и каналы глобального информационного телевидения (Barkho, 2010; Gerhards, Schäfer, 2013). Несмотря на стремительное развитие онлайн-медиа, глобальные информационные телеканалы, жестко конкурирующие друг с другом, продолжают оставаться в центре внимания современных медиаисследователей. В 2013 г. вышло в свет исследование рыночных стратегий глобальных информационных телеканалов А. Генитц (Geniets, 2013), в котором рыночные стратегии европейских телеканалов «Би-Би-Си Уорлд Ньюс» (*BBC World News*), «Дойче Велле» (*Deutsche Welle*), «Франс 24» (*France* 24) сравнивались с рыночными стратегиями российского «Ар-Ти Ньюс» (*RT News*), американского «Си-Эн-Эн Интернэшнл» (*CNN International*), китайского «Си-Си-Ти-Ви Ньюс» (*CCTV News*)[5] и катарского «Аль Джазира Инглиш» (*Al Jazeera English*).

В нашем исследовании мы решили редуцировать количество анализируемых европейских телеканалов, ограничившись «Би-Би-Си Уорлд Ньюс» – безусловным лидером среди европейских глобальных информационных телеканалов.]

Методика

Таким образом, в рамках нашей работы была изучена представленность европейской культуры с точки зрения трех ее компонентов (науки, искусства и религии) в эфире пяти глобальных информационных телеканалов: «Би-Би-Си Уорлд Ньюс» (Великобритания), «Си-Эн-Эн Интернэшнл» (США), «Ар-Ти Ньюс» (Россия), «Си-Джи-Ти-Эн Инглиш» (Китай) и «Аль Джазира Инглиш» (Катар).

В качестве европейских в настоящей работе рассматривались 45 стран[6] (подробнее см.: Пуцева, 2019). При этом фиксировались упоминания полных названий стран и меньших по масштабам территориальных единиц – регионов, городов, а также зависимых территорий.

Эмпирическим объектом исследования являются сюжеты из выпусков новостей, содержащие информацию о европейской культуре и вышедшие в период с января 2014 по декабрь 2020 г .

Новостные выпуски включались в выборку по принципу 10 в год для каждого из телеканалов (с интервалом в 33 дня; если 33-й день попадал на выходные, то дата сбора эмпирического материала сдвигалась на ближайший будний день, так как воскресные выпуски в основном дублировали контент будних дней). Особенностью глобальных информационных телеканалов является отсутствие четкого разграничения на утренние и вечерние программы. Также у глобальных информационных телеканалов отсутствует прайм-тайм, поэтому мы выбирали для анализа те новостные выпуски, которые синхронно выходили в эфир на всех пяти телеканалах. Синхронный выход новостных выпусков на всех пяти информационных телеканалах происходит между 7 и 8, 14 и 15, 23 часами и полуночью по Гринвичу (*GMT*), поэтому нами практически в равном соотношении были включены в выборку следующие передачи (см. табл. 1):

Таблица 1

Список исследуемых новостных программ

Телеканал	Наименования программ		
	07.00–08.00	14.00–15.00	23.00–00.00
«Си-Эн-Эн Интернэшнл» (CNN International)	«Си-Эн-Эн Ньюсрум» (CNN Newsroom)	«Интернэшнл Дэск» (International Desk)	«Си-Эн-Эн Тудэй» (CNN Today)
«Би-Би-Си Уорлд Ньюс» (BBC World News)	«Би-Би-Си Уорлд Ньюс» (BBC World News)	«Джи-Эм-Ти» (GMT)	«Аутсайд соурс» (Outside Source)
«Аль Джазира Инглиш» (Al Jazeera English)	«Ньюс» (News)	«Ньюс» (News)	«Ньюс ауэр» (News Hour)
«Ар-Ти Ньюс» (RT News)	«Ньюс» (News)	«Ньюс» (News)	«Ньюс» (News)
«Си-Джи-Ти-Инглиш» «CGTN English»	«Уорлд Тудэй» (World Today)	«Уорлд Инсайт» (World Insight)	«Уорлд Тудэй» (World Today)

В общей сложности мы ознакомились с содержанием 350 новостных выпусков, содержавших 2 152 сюжета, суммарный хронометраж которых охватывает около 212,5 часов. Информация о европейской культуре встречается в 79 выпусках из 350, в 318 сюжетах из 2 152.

Таблица 2

Количественное распределение новостных выпусков и сюжетов о европейской культуре

Год / Название канала	2014		2015		2016		2017		2018		2019		2020	
Тип материала	**НВ**	**С**	**НВ**	**С**	**НВ**	**С**	**НВ**	**С**	**НВ**	**С**	**НВ**	**С**	**НВ**	**С**
«Си-Эн-Эн Интернэшнл»	3	5	2	6	3	12	1	5	4	5	1	6	2	5
«Би-Би-Си Уорлд Ньюс»	4	14	2	14	6	13	5	15	4	15	3	14	5	13
«Аль Джазира Инглиш»	2	11	3	10	1	9	1	8	1	8	2	9	1	7
«Ар-Ти Ньюс»	1	7	2	12	3	11	1	10	1	8	2	12	2	13
«Си-Джи-Ти-Инглиш»	1	7	3	7	1	6	1	5	3	6	1	4	1	5
Итого:	**11**	**44**	**12**	**49**	**14**	**51**	**9**	**43**	**13**	**42**	**9**	**45**	**11**	**43**

* **НВ** – новостной выпуск, **С** – сюжет

Столь высокая концентрация связанных с европейской культурой новостных сюжетов в пределах относительно небольшого количества выпусков (см. табл. 2) во многом обусловлена тем, что отдельные новостные программы (такие как «Интернэшнл деск», «Джи-Эм-Ти», «Уорлд Инсайт») имеют связанные с культурой тематические блоки. Кроме того, каждый сюжет, содержащий хотя бы одно упоминание о культуре Европы, рассматривался как сюжет о европейской культуре.

Под упоминиями европейской культуры в данной статье подразумеваются любые относящиеся к науке, религии или искусству речевые конструкции, одновременно включающие в себя название европейской территориальной единицы и предмета/явления культуры, а также связанные с культурой Европы имена собственные. Всего европейская культура в рамках 79 выпусков новостей глобальных информационных телеканалов была упомянута 1 217 раз.

Таким образом, все полученные данные базируются на выборке в 318 сюжетов, что составляет около 14,7% от всех проанализированных эфирных материалов. Исключение составляют частота упоминаний европейской культуры в сравнении с другими регионами и динамика доли сюжетов о европейской культуре среди всех сюжетов о культурах анализируемых регионов: данные показатели рассчитывались на основе общего количества новостных материалов (2 152 сюжета).

Наряду с работой с первичными данными (фиксацией упоминаний и распределением их по видам культуры) активно использовался метод компаративного анализа. Применение метода компаративного анализа позволило: а) соотнести показатели по каждому из глобальных информационных телеканалов с показателями остальных глобальных информационных телеканалов; б) сравнить представленность в эфире глобальных информационных телеканалов отдельных компонентов европейской культуры.

Европейская культура в контексте других культур

В первую очередь мы проанализировали частотность упоминания европейской культуры в сравнении с культурами других регионов (глобальные информационные телеканалы которых представлены в данном исследовании). В этом случае мы считали процентное соотношение всех сюжетов, в которых есть информация о культурах Европы, России, Северной Америки, Азиатско-Тихоокеанского региона или Ближнего Востока (см. рис. 1). В сумме таких сюжетов было 1 097.

Рисунок 1. Соотношение сюжетов (n=1 097) о культуре разных регионов в эфире проанализированных телеканалов

Европейская культура представлена в эфире ведущих глобальных информационных телеканалов в некоторых случаях чаще, чем культура тех регионов, государствами которых созданы данные телеканалы. Первое место по количеству сюжетов европейская культура занимает в эфире трех глобальных информационных телеканалов – «Би-Би-Си Уорлд Ньюс» (51,4%), «Ар-Ти Ньюс» (38,6%) и «Аль Джазира Инглиш» (32,5%).

«Си-Эн-Эн Интернэшнл» и «Си-Джи-Ти-Эн Инглиш» также посвящают большую долю сюжетов европейской культуре: в обоих случаях европейская культура стоит на втором месте по упоминаемости после, соответственно, родственной Европе культуры США и азиатско-тихоокеанской культуры. Для «Си-Эн-Эн Интернэшнл» процент новостей о европейской культуре относительно всех новостей о культуре составляет 22,8%, а для «Си-Джи-Ти-Эн» –21,2%.

В связи с ростом популярности азиатской культуры в мире в последние годы также была исследована динамика представленности европейской культуры в эфире глобальных информационных телеканалов в период, который охватывают хронологические рамки нашего исследования (2014–2020). Динамика представленности европейской культуры считалась в процентом соотношении относительного того, в скольких из 1 097 сюжетов о культуре вышеназванных регионов фигурировала европейская культура (см. рис. 2).

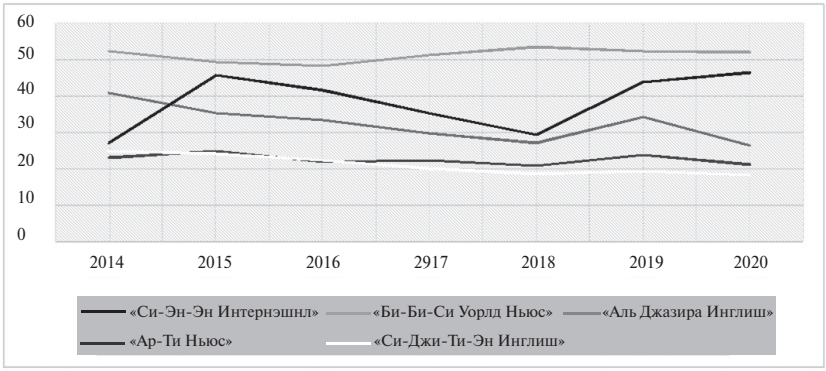

Рисунок 2. Динамика доли сюжетов о европейской культуре среди всех сюжетов о культурах анализируемых регионов, %

Из полученных данных следует, что «Би-Би-Си Уорлд Ньюс» и «Си-Эн-Эн Интернешнл» отличаются высокой стабильностью освещения европейской культуры: в течение семи лет процентные значения в случае с «Би-Би-Си Уорлд Ньюс» менялись в пределах 5,4%, а в случае в «Си-Эн-Эн Интернэшнл» – в пределах 4,1%. При этом уменьшения информации о европейской культуре в эфире данных глобальных информационных телеканалов не прослеживается. Несколько иная картина наблюдается в случае с российскими телеканалом «Ар-Ти Ньюс»: с одной стороны, уменьшение информации о европейской культуре в эфире данного телеканала отсутствует, с другой – процентные колебания за семь лет с точки зрения представленности европейской культуры составляют более 15%, что в несколько раз превышает аналогичные показатели для «Би-Би-Си Уорлд Ньюс» и «Си-Эн-Эн Интернэшнл». То есть представленность европейской культуры в эфире «Ар-Ти Ньюс» по годам крайне нелинейна. В отношении катарского «Аль Джазира Инглиш» и китайского «Си-Джи-Ти-Эн Инглиш» однозначно можно отметить тренд к снижению количества информации о европейской культуре: в период с 2014 по 2020 г. объем новостей о европейской культуре относительно новостей о культурах анализируемых регионов в эфире «Аль Джазира Инглиш» снизился на 14,3%, а в эфире «Си-Джи-Ти-Эн Инглиш» – на 6,9%, Падение интереса к европейской культуре в новостях этих телеканалов выглядит как вполне четкая тенденция, поскольку уменьшение интереса на протяжении семилетнего периода обнаруживается практически ежегодно.

Соотношение науки, искусства и религии при освещении европейской культуры

Как уже упоминалось ранее, в рамках данного исследования мы поставили цель проанализировать освещение трех компонентов европейской культуры – науки, искусства и религии. Для выполнения поставленной цели в первую очередь необходимо было определить, как эти компоненты европейской культуры соотносятся в эфире глобальных информационных телеканалов (см. рис. 3).

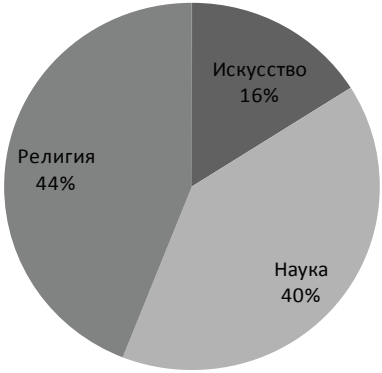

Рисунок 3. Соотношение упоминаний отдельных компонентов европейской культуры и всех упоминаний европейской культуры в эфире проанализированных телеканалов (n=1 217)

Главенствующая роль религии при освещении событий в современной Европе несколько удивляет, так как европейская культура носит светский характер и современный мир скорее руководствуется технократическими идеями развития, чем идеями мистицизма. Следует предположить, что повышенное значение религии как составляющей европейской культуры связано с тем, что векторы развития науки в различных странах схожи, а вот европейская религия (католицизм) обладает существенными отличиями от других мировых религий и упоминается, как правило, либо в контексте европейского региона, либо в контексте США.

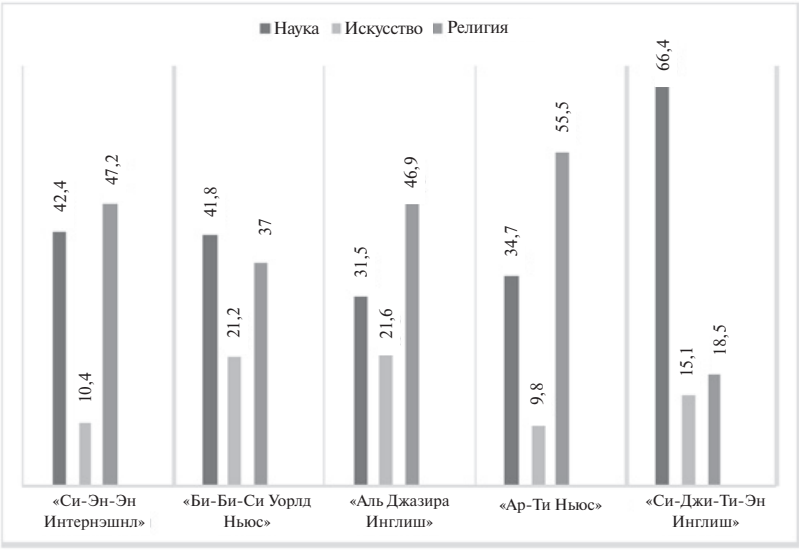

Рисунок 4. Представленность компонентов европейской культуры в эфире отдельно взятых телеканалов (частота упоминаний относительно всех упоминаний европейской культуры), %

Показатели по отдельно взятым телеканалам демонстрируют (см. рис. 4), что наиболее освещаемым компонентом европейской культуры в эфире «Си-Эн-Эн Интернэшнл», «Аль Джазира Инглиш» и «Ар-Ти Ньюс» является религия, в то время как аналогичным компонентом культуры для «Би-Би-Си Уорлд Ньюс» и «Си-Джи-Ти-Эн Инглиш» служит наука. Европейская наука наиболее объемно представлена в эфире «Си-Джи-Ти-Эн Инглиш» (66,4%), в то время как искусство Европы чаще всего упоминается в эфире «Аль Джазира Инглиш» (21,6%). Европейская религия получает самое широкое освещение в эфире «Ар-Ти Ньюс» (55,5%).

Наименьшее количество информации о европейской науке наблюдается в эфире «Би-Би-Си Уорлд Ньюс» (31,5%), о европейском искусстве – в эфире «Ар-Ти Ньюс» (9,8%), меньше всего информации о европейской религии фигурирует в новостях «Си-Джи-Ти-Эн Инглиш» (18,5%).

Также необходимо отметить, что наиболее равномерно из всех компонентов культуры в эфире глобальных телеканалов освещается искусство (процент новостей о европейском искусстве варьируется не более чем на 11,8%), в то время как религия в контексте

Европы получает в эфире глобальных информационных телеканалов самое неравномерное освещение (количество информации о ней варьируется в пределах 37%).

Наука Европы. Любую научную среду принято разделять на несколько направлений – естественные, технические и общественно-гуманитарные науки. В связи с этим мы решили проанализировать, как распределяется эфирное время глобальных телеканалов при освещении трех вышеперечисленных научных сфер. Науки смежных направлений (биоинженерия, компьютерная лингвистика и др.) кодифицировались на основании первой морфемы или первого слова, если название науки состоит из словосочетания. Так, например, биоинженерия была кодифицирована как естественная наука, а компьютерная лингвистика – как техническая.

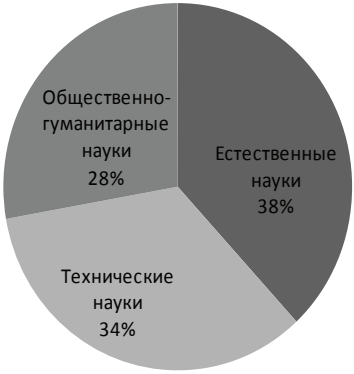

Рисунок 5. Освещение направлений европейской науки, частота упоминаний относительно всех упоминаний европейской науки (n=1 217)

Как видно на рисунке 5, совокупное количество упоминаний у глобальных информационных телеканалов между различными направлениями науки в целом распределяется более или менее равномерно, хотя, конечно, нельзя не отметить, что техническим и особенно естественным наукам новостной информации посвящено больше, чем наукам общественно-гуманитарным. Таким образом, в поле глобального информационного телевидения внимание к точным европейским наукам превалирует над вниманием к общественным и гуманитарным наукам более чем в два раза.

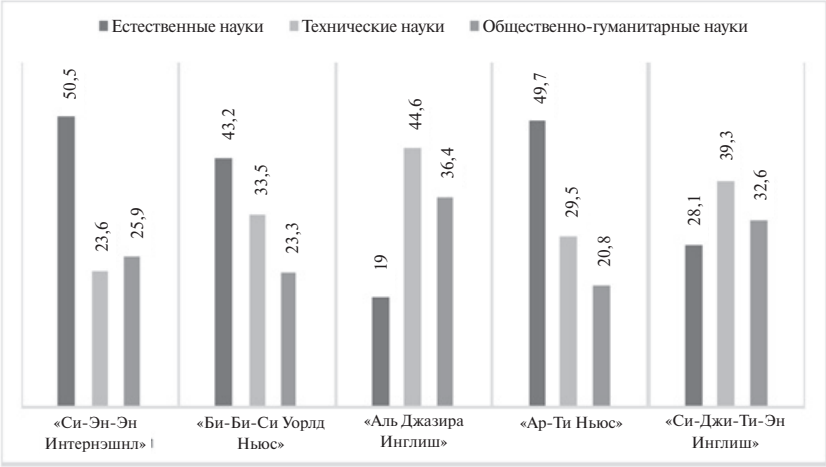

Рисунок 6. Освещение направлений европейской науки в эфире отдельно взятых телеканалов (частота упоминаний относительно всех упоминаний европейской науки, %)

Как следует из представленных на рисунке 6 цифр, большая часть глобальных информационных телеканалов ставит в приоритет освещение естественных наук: данное наблюдение справедливо в отношении трех из пяти анализируемых телеканалов – «Си-Эн-Эн Интернэшнл», «Би-Би-Си Уорлд Ньюс» и «Ар-Ти Ньюс», в то время как «Аль Джазира Инглиш» и «Си-Джи-Ти-Эн Инглиш» чаще всего упоминают европейские технические науки.

Ни на одном из глобальных информационных телеканалов европейские общественно-гуманитарные науки не занимают доминирующего положения: в наибольшей степени они представлены в эфире «Аль Джазира Инглиш» (36,4%), а в наименьшей степени – в эфире «Ар-Ти Ньюс» (20,8%). Весьма неравномерно глобальные информационные телеканалы освещают естественные науки: если в эфире «Си-Эн-Эн Интернэшнл» и «Ар-Ти Ньюс» европейские естественнонаучные новости занимают около половины объема всей научной информации, то в эфире «Аль Джазира Инглиш» – менее одной пятой (19%). Освещение новостей о технических науках в контексте Европы также носит неравномерный характер (вариативность количества новостей о технических науках в пределах исследуемой группы составляет более 20%).

Также мы сочли необходимым установить, какие именно научные дисциплины в большей степени фигурируют в эфире глобальных информационных телеканалов. Для осуществления этой задачи были зафиксированы все случаи употребления названий научных дисциплин, на основе частотного анализа нам удалось составить топ-5 упоминаемости дисциплин для каждого из глобальных информационных телеканалов (см. табл. 3).

Таблица 3

Топ-5 упоминаемых научных дисциплин в эфире глобальных информационных телеканалов

«Си-Эн-Эн Интернэшнл»	«Би-Би-Си Уорлд Ньюс»	«Аль Джазира Инглиш»	«Ар-Ти Ньюс»	«Си-Джи-Ти-Эн Инглиш»
макроэкономика	социология	робототехника	конфликтология	энергетика
авиастроение	химия	астрономия	макроэкономика	химия
астрономия	робототехника	приборостроение	робототехника	экономическая теория
история права	история	химия	социология	робототехника
робототехника	правоведение	экономическая теория	химия	история

Абсолютным лидером по упоминаемости среди всех дисциплин является робототехника, которая представлена в топ-5 каждого из глобальных информационных телеканалов. За ней следует химия, которая присутствует в списках всех телеканалов, кроме «Си-Эн-Эн Интернэшнл». Также значительная роль отводится экономическим дисциплинам (макроэкономике и экономической теории), астрономии, социологии и различным правовым дисциплинам.

Европейское искусство. Репрезентация Европы в контексте искусства возможна как с точки зрения новостей о европейском искусстве, так и с точки зрения отражения Европы в искусстве других стран, в связи с этим было установлено соотношение двух вышеназванных путей в эфире глобальных информационных телеканалов (см. табл. 4).

Таблица 4

Упоминания европейского искусства и Европы в искусстве других стран в эфире отдельно взятых телеканалов (частота упоминаний относительно всех упоминаний европейского искусства,%)

Название телеканала	Упоминания о европейском искусстве	Отражение Европы в искусстве других стран
«Си-Эн-Эн Интернэшнл»	71,4	28,6
«Би-Би-Си Уорлд Ньюс»	82,6	17,4
«Аль Джазира Инглиш»	45,6	54,4
«Ар-Ти Ньюс»	62,3	37,7
«Си-Джи-Ти-Эн Инглиш»	23,2	76,8

В представленных выше данных просматривается зависимость между культурной близостью Европы со странами, к которым принадлежат вещатели, и тем, каким образом глобальные информационные телеканалы освещают Европу в контексте искусства: «Си-Эн-Эн Интернэшнл», «Би-Би-Си Уорлд Ньюс» и «Ар-Ти Ньюс» придают первостепенное значение европейскому искусству, в то время как «Аль-Джазира Инглиш» и «Си-Джи-Ти-Эн» преимущественно освещают Европу через призму искусства других стран.

Но если «Аль-Джазира Инглиш» большее внимание уделяет видению Европы не в арабском искусстве в целом и в катарском в частности (всего 28,2% относительно всех упоминаний Европы с точки зрения искусства неевропейских стран), то «Си-Джи-Ти-Эн» рассматривает Европу преимущественно с точки зрения китайского искусства – такой подход реализуется в 71,4% случаев.

Различные виды искусств принято делить на пространственные (живопись, скульптура, архитектура, декоративно-прикладное искусство, дизайн), временные (музыка и литература), а также на пространственно-временные – сценические (кино и театр). В связи с этим мы проанализировали, как распределяется эфирное время глобальных информационных телеканалов в рамках данного классификатора искусств (см. рис. 7).

Рисунок 7. Упоминания различных видов искусств, частота упоминаний относительно всех упоминаний европейского искусства (n=1 217)

Количество упоминаний глобальными информационными телеканалами различных видов европейского искусства распределяется неравномерно: больше половины упоминаний приходится на долю временных искусств – музыку и литературу (52,4%), на втором месте по количеству упоминаний находятся искусства пространственно-временные (31,6%), почти в четыре раза реже, чем искусства временные, и в два раза реже, чем искусства пространственно-временные, упоминаются искусства пространственные (см. рис. 8).

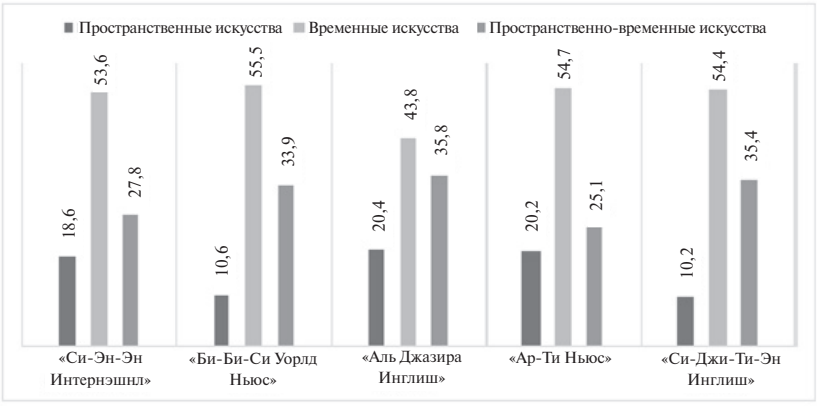

Рисунок 8. Упоминания различных видов искусств в эфире отдельно взятых телеканалов (частота упоминаний относительно всех упоминаний европейского искусства, %)

Временные искусства получают наибольшее освещение в эфире всех глобальных информационных телеканалов, на втором

месте по количеству информации находятся пространственно-временные искусства, на третьем – пространственные. В плане освещения европейского искусства глобальные информационные телеканалы схожи: варьируются только показатели упоминания видов искусств, но сама приоритетность видов искусств в эфире всех телеканалов одинакова.

Наибольшее количество новостей о временных искусствах встречается в эфире «Би-Би-Си Уорлд Ньюс» (55,5%), а наименьшее – в эфире «Аль Джазира Инглиш» (43,8%), в то время как пространственно-временные искусства максимально освещены в эфире «Аль Джазира Инглиш» (35,8%), а минимально – в эфире «Ар-Ти Ньюс». Что касается пространственных искусств, то наибольшую освещенность они получают со стороны «Аль Джазира Инглиш», а наименьшую – со стороны «Си-Джи-Ти-Эн Инглиш».

Вместе с тем было установлено, в контексте каких видов искусств Европа в эфире глобальных информационных телеканалов упоминается чаще всего (см. табл. 5).

Таблица 5

Топ-5 упоминаемых видов искусств в эфире глобальных информационных телеканалов

«Си-Эн-Эн Интернэшнл»	«Би-Би-Си Уорлд Ньюс»	«Аль Джазира Инглиш»	«Ар-Ти Ньюс»	«Си-Джи-Ти-Эн Инглиш»
кино	музыка	архитектура	литература	кино
литература	фотография	кино	кино	скульптура
музыка	литература	музыка	театр	литература
театр	кино	живопись	скульптура	архитектура
фотография	театр	литература	музыка	живопись

Наиболее часто упоминаемыми в эфире глобальных информационных телеканалов видами искусств являются кино и литература (они присутствуют в топ-5 каждого из телеканалов), значительное внимание уделяется музыке: все каналы, кроме «Си-Джи-Ти-Эн Инглиш», активно освещают европейскую культуру в контексте сопряженных с музыкой новостей. Также в число регулярно освещаемых и связанных с искусством тем входят театр, фотография, архитектура, живопись и скульптура (присутствуют в числе самых упоминаемых видов искусств по крайней мере на двух телеканалах из пяти).

Европа и религия. Европа представляет собой полиэтнический регион, господствующей религией которого является христианство (католическое направление). Однако усиление в последние десятилетия темпов миграции африканского и азиатского населения в европейский регион ведет к тому, что религиозные традиции Европы несколько ослабевают. Поэтому было принято решение проверить, находит ли эта тенденция отражение в новостных материалах глобальных информационных телеканалов, особенно с учетом того, что эмпирическая база полностью охватывает 2014–2019 гг. – период европейского миграционного кризиса (см. табл. 6).

Таблица 6

Упоминания религиозных течений, частота упоминаний относительно всех упоминаний религий в Европе,%

№	Религиозное течение	Частота упоминаний
1.	Католицизм	79,7
2.	Православие	9,4
3.	Протестантизм	6,1
4.	Ислам	3,2
5.	Иудаизм	0,2
6.	Буддизм	0,1
7.	Прочее	1,3

Результаты анализа совокупной представленности религиозных течений в эфире глобальных информационных телеканалов свидетельствуют о том, что роль католицизма в современной Европе по-прежнему оценивается высоко. Определенная доля внимания уделяется двум другим ветвям христианства – православию и протестантизму, но происходит это преимущественно в контексте новостей, где фигурирует католицизм. Из религий, развивающихся в современной Европе, наиболее упоминаемой является ислам (3,2%).

Также была изучена упоминаемость религии в контексте Европы в эфире отдельно взятых глобальных информационных телеканалов.

Таблица 7

Топ-5 упоминаемых религий в эфире глобальных информационных телеканалов

«Си-Эн-Эн Интернэшнл»	«Би-Би-Си Уорлд Ньюс»	«Аль Джазира Инглиш»	«Ар-Ти Ньюс»	«Си-Джи-Ти-Эн Инглиш»
католицизм	католицизм	католицизм	католицизм	католицизм
протестантизм	православие	православие	православие	православие
православие	протестантизм	протестантизм	протестантизм	протестантизм
ислам	ислам	ислам	ислам	буддизм
буддизм	буддизм	иудаизм	буддизм	ислам

Ключевая роль в эфире всех глобальных информационных телеканалов при освещении Европы в религиозном контексте отводится католицизму, на втором и третьем местах практически во всех случаях находятся соответственно православие и протестантизм (исключение составляет «Си-Эн-Эн Инглиш», который освещает протестантизм в большем объеме, чем православие). На четвертом месте по упоминаемости практически всегда находится ислам, а на пятом – буддизм, исключения составляют «Си-Джи-Ти-Эн Инглиш», в эфире которого буддизм в контексте Европы освещается более регулярно, чем ислам, и «Аль Джазира Инглиш», упоминающий иудаизм более часто, чем буддизм (оба эти феномена объясняются религиозной спецификой регионов, с которыми ассоциируются вещатели).

Выводы

Результаты исследования представленности европейской культуры в эфире пяти глобальных информационных телеканалов свидетельствуют о том, что они отводят европейской культуре ключевую роль в общемировом культурном пространстве: почти одна треть всех сюжетов в эфире глобальных информационных телеканалов, сопряженных с культурой, посвящена культуре Европы. При этом количество упоминаний Европы в эфире отдельно взятых телеканалов часто связано с тем, к какой стране относится телеканал: из общей тенденции выбивается лишь «Аль Джазира Инглиш», опережающий по количеству упоминаний в эфире европейской культуры «Си-Эн-Эн Интернэшнл». Несмотря на

ключевую роль европейской культуры в общемировом культурном пространстве в настоящий момент, в рамках анализируемого периода два из пяти телеканалов («Аль Джазира Инглиш» и «Си-Джи-Ти-Эн Инглиш») уменьшили освещение европейской культуры относительно общего объема связанных с культурой новостей, причем падение интереса обнаруживается практически ежегодно. В связи с этим следует ожидать, что тенденция к уменьшению объема информации о европейской культуре в эфире глобальных информационных телеканалов в ближайшие годы будет не только сохраняться, но и прогрессировать. Основным сегментом европейской культуры в эфире глобальных информационных телеканалов является религия, на втором месте с небольшим отставанием следует наука, затем идет искусство.

Что касается освещения научной составляющей европейской культуры, то интерес каналов к информации о точных науках (естественных и технических) существенно выше, чем интерес к освещению сферы общественно-гуманитарных наук. Таким образом, в эфире глобальных информационных телеканалов Европа позиционируется в качестве передового и высокотехнологичного региона. Общественно-гуманитарные науки в контексте Европы не являются главным предметом освещения ни на одном из глобальных информационных телеканалов. Это может быть связано как с господствующей в социуме ориентацией на технократию, так и с тем, что глобальные информационные телеканалы функционируют как элементы «мягкой силы», поэтому заинтересованы в продвижении собственных общественно-гуманитарных ценностей. Наиболее часто упоминаемыми научными направлениями в контексте Европы стали робототехника и химия, также ощутимое внимание уделяется астрономии, социологии, правовым и экономическим дисциплинам. То есть наиболее востребованными неточными науками выступают те, которые носят утилитарный характер.

Европейский «Би-Би-Си Уорлд Ньюс» и телеканалы из культурно близких Европе стран («Си-Эн-Эн Интернэшнл» и «Ар-Ти Ньюс») делают основной акцент на освещении непосредственно европейского искусства, в то время как «Аль Джазира Инглиш» и «Си-Джи-Ти-Эн Инглиш» – на отражении Европы в искусстве других стран. Подобного рода положение вещей связано с серьезными отличиями европейского искусства от национальных традиций искусства Китая и Катара, поэтому два последних телеканала

рассматривают европейский регион через призму собственных воззрений, а не в свете европейских эстетических взглядов. Наиболее часто освещаемыми видами искусств являются кино и литература (упоминания о них встречаются на каждом из глобальных информационных телеканалов). На всех каналах, кроме «Си-Джи-Тэ-Эн Инглиш», регулярно фигурируют новости европейской музыкальной сферы.

И, наконец, показ Европы в религиозном контексте не обнаруживает непредвиденных трендов: наиболее часто называемыми религиями являются три ветви христианства, в первую очередь католицизм, затем – православие и протестантизм. Это означает, что стремительное изменение культурно-этнического состава Европы в связи с колоссальными ростом числа мигрантов на современном этапе не находит существенного отражения в эфире глобальных информационных телеканалов.

В настоящем исследовании представленность европейской культуры в эфире глобальных телеканалов была изучена с точки зрения освещения трех основных компонентов – науки, искусства и религии. Как уже отмечалось, в настоящий момент в мире наблюдается рост влияния азиатской культуры, поэтому представляется целесообразным в будущем провести повторное исследование представленности европейской культуры в эфире глобальных информационных телеканалов по тем же параметрам, что были использованы в данном исследовании. Таким образом возможно будет установить динамику освещения на протяжении продолжительного хронологического периода.

Примечания

[1] В данный период на территории Европы господствовало Франкское государство. К VIII–X вв. н. э. оно достигло беспрецедентных размеров и его институциональная структура обладала существенным сходством с устройством Европы в наши дни: формально функционирующая как единое целое, империя франков была разделена на несколько подчиненных королевств с отдельными правителями.

[2] British Empire. *Encyclopedia Britannica*. Available at: https://www.britannica.com/place/British-Empire (accessed: 21.02.2021).

[3] Согласно наукометрическому рейтингу академических журналов «Симаго Джернал энд Кантри Рэнк» (*SCImago Journal & Country Rank*), количество индексируемых в данном рейтинге азиатских журналов за последние пять лет возросло на 10,12% – в то время как количество индексируемых европейских журналов возросло лишь на 5,2%. Режим доступа: https://www.scimagojr.com/journalrank.php (дата обращения: 23.02.2021).

[4] Новейший философский словарь А. А. Грицанова, электронная версия. Режим доступа: https://rus-new-philosophy.slovaronline.com (дата обращения: 23.02.2021).

[5] После проведенного в 2017 г. ребрендинга англоязычный канал телекомпании *CCTV* (Си-Си-Ти-Ви) получил название «Си-Джи-Ти-Эн Инглиш» (*CGTN English*).

[6] Согласно данным проведенного в 2019 г. исследования, Россия в эфире глобальных информационных телеканалов причисляется к составу Европы чаще, чем к составу Азии, однако в большинстве случаев Россия рассматривается в отрыве от Европы и Азии. Поэтому Россия входит в состав кодификатора из 45 европейских стран, но взгляд телеканала «Ар-Ти Ньюс» и, соответственно, России на европейскую культуру изучается в качестве отдельной позиции.

Библиография

Кантор В. К. Русский европеец как явление культуры (философско-исторический анализ). М.: РОССПЭН, 2001.

Марков А. П. Россия – Европа: конфликт идентичностей // Культура и образование. 2016. № 4 (23). С. 23–31.

Пуцева М. Д. Проблема европейской идентичности в эфире глобального информационного телевидения // МедиаАльманах. 2019. № 5. С. 22–32. DOI: 10.30547/mediaalmanah.5.2019.2232

Ang I. (1985) *Watching Dallas: Soap Opera and the Melodramatic Imagination*. New York: Methuen & Co.

Arns I. (1998) Editorial: New Media Cultures in Eastern, Central and South-Eastern Europe. *Convergence* 4 (2): 5–7. DOI: 10.1177/135485659800400201

Barkho L. (2010) *News from the BBC, CNN and Al-Jazeera: How the Three Broadcasters Cover the Middle Eas*t. New York: Hampton Press.

Bauduin T. M. (2012) Science, Occultism and the Art of the Avant-Garde in the Early Twentieth Century. *Journal of Religion in Europe* 5 (1): 23–55. DOI: https://doi.org/10.1163/187489211X583797

Burton T. E. (1923) Effect of European Influence on America. *American Academy of Political and Social Science* 108 (4): 162–165.

d'Haenens L. (2005) Euro-Vision: The Portrayal of Europe in the Quality Press. *International Communication Gazette* 52 (1): 69–75. DOI: 10.1177/0016549205056051

De Vinck S., Pauwels C. (2015) Beyond Borders and into the Digital Era: Future-proofing European-level Film Support Schemes. In I. Bondebjerg, E. N. Redvall, A. Higson (eds.) *European Cinema and Television: Cultural Policy and Everyday Life*. London: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/9781137356888

Eagleton T. (2013) *The Idea of Culture*. Oxford: Blackwell Publishing.

Geniets A. (2013) *The global news challenge: market strategies of international broadcasting organizations in developing countries*. London; New York: Routledge.

Gerhards J., Schäfer M. S. (2014) International Terrorism, Domestic Coverage? How Terrorist Attacks Are Presented in the News of CNN, Al Jazeera, the

BBC and ARD. *International Communication Gazette* 76 (1): 3–26. DOI: https://doi.org/10.1177/1748048513504158

Grandpierre A. (2003) On the Fundamental Worldview of the Integral Culture: Integrating Science, Religion, and Art: Part One. *World Futures* 59 (6): 463–483. DOI: https://doi.org/10.1080/02604020310140

Hoggart R., Johnson D. (1987) *An Idea of Europe*. London: Chatto & Windus.

Horne G. (2018) *The Apocalypse of Settler Colonialism: The Roots of Slavery, White Supremacy, and Capitalism in 17th Century North America and the Caribbean*. New York: Monthly Review Press.

Iwabuchi K., Tsai E., Berry C. (2017) *Routledge Handbook of East Asian Popular Culture*. Abingdon; New York: Routledge.

Latour B. Weibel P. (2002) *ICONOCLASH: Beyond the Image Wars in Science, Religion and Art*. Karlsruhe: ZKM.

Le Goff J. (2013) *L'Europe est-elle née au Moyen Âge?* Paris: Éditions du Seuil.

Stankiewicz D. (2017) *Europe Un-Imagined: Nation and Culture at a French-German Television Channel*. Toronto: University of Toronto Press. DOI: https://doi.org/10.3138/9781442624795

Takatoshi I., Takeo H. (2020) *The Japanese Economy*. Cambridge: MIT Press.

Zabaleta I., Ferre -Pavia C., Gutierrez A., Fernandez I. et al. (2014) European Minority Language Media and Journalism: Framing Their Marginal Reality. *International Communication Gazette* 76 (3): 275–295. DOI: https://doi.org/10.1177/1748048513516907

Notes

British Empire. *Encyclopedia Britannica*. Available at: https://www.britannica.com/place/British-Empire (accessed: 21.02.2021).

Cambridge Dictionary. Available at: https://dictionary.cambridge.org (accessed: 23.02.2021).

Entsiklopedii epistemologii i filosofii nauki, elektronnaya versiya [Encyclopedias on Science Epistemology and Philosophy, an electronic version]. Available at: http://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/epistemology/index.htm (accessed: 08.05.2021).

Noveyshiy filosofskiy slovar' A. A. Gritsanova, elektronnaya versiya [Contemporary Philosophical Dictionary by A.A. Gritsanov, an electronic version]. Available at: https://rus-new-philosophy.slovaronline.com (accessed: 23.02.2021).

References

Ang I. (1985) *Watching Dallas: Soap Opera and the Melodramatic Imagination*. New York: Methuen & Co.

Arns I. (1998) Editorial: New Media Cultures in Eastern, Central and South-Eastern Europe. *Convergence* 4 (2): 5–7. DOI: 10.1177/135485659800400201

Barkho L. (2010) *News from the BBC, CNN and Al-Jazeera: How the Three Broadcasters Cover the Middle East*. New York: Hampton Press.

Bauduin T. M. (2012) Science, Occultism and the Art of the Avant-Garde in the Early Twentieth Century. *Journal of Religion in Europe* 5 (1): 23–55. DOI: https://doi.org/10.1163/187489211X583797

Burton T. E. (1923) Effect of European Influence on America. *American Academy of Political and Social Science* 108 (4): 162–165.

d'Haenens L. (2005) Euro-Vision: The Portrayal of Europe in the Quality Press. *International Communication Gazette* 52 (1): 69–75. DOI: 10.1177/001 6549205056051

De Vinck S., Pauwels C. (2015) Beyond Borders and into the Digital Era: Future-proofing European-level Film Support Schemes. In I. Bondebjerg, E. N. Redvall, A. Higson (eds.) *European Cinema and Television: Cultural Policy and Everyday Life*. London: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/9781137356888

Eagleton T. (2013) *The Idea of Culture*. Oxford: Blackwell Publishing.

Geniets A. (2013) *The Global News Challenge: Market Strategies of International Broadcasting Organizations in Developing Countries*. London; New York: Routledge.

Gerhards J., Schäfer M. S. (2014) International Terrorism, Domestic Coverage? How Terrorist Attacks Are Presented in the News of CNN, Al Jazeera, the BBC and ARD. *International Communication Gazette* 76 (1): 3–26. DOI: https://doi.org/10.1177/1748048513504158

Grandpierre A. (2003) On the Fundamental Worldview of the Integral Culture: Integrating Science, Religion, and Art: Part One. *World Futures* 59 (6): 463–483. DOI: https://doi.org/10.1080/02604020310140

Hoggart R., Johnson D. (1987) *An Idea of Europe*. London: Chatto & Windus.

Horne G. (2018) *The Apocalypse of Settler Colonialism: The Roots of Slavery, White Supremacy, and Capitalism in 17th Century North America and the Caribbean*. New York: Monthly Review Press.

Iwabuchi K., Tsai E., Berry C. (2017) *Routledge Handbook of East Asian Popular Culture*. Abingdon; New York: Routledge.

Kantor V. K. (2001) *Russkiy evropeets kak yavlenie kul'tury (filosofskogo-istoricheskiy analiz)* [A Russian European as a Cultural Phenomenon (a philosophical and historical analysis)]. Moscow: ROSSPEN Publ. (In Russian)

Latour B., Weibel P. (2002) *ICONOCLASH: Beyond the Image Wars in Science, Religion and Art*. Karlsruhe: ZKM.

Le Goff J. (2013) *L'Europe est-elle née au Moyen Âge?* [Was Europe Born in the Middle Ages ?]. Paris: Éditions du Seuil. (In French)

Markov A. P. (2016) Rossiya – Evropa: konflikt identichnostey [Russia – Europe: the Conflict of Identities]. *Kul'tura i obrazovanie* 4 (23): 23–31. (In Russian)

Putseva M. D. (2019) Problema evropeyskoy identichnosti v efire global'nogo informatsionnogo televideniya [The Problem of European Identity on Global News Television]. *MediaAl'manah* 5: 22–32. DOI: 10.30547/mediaalmanah.5.2019.2232 (In Russian)

Stankiewicz D. (2017) *Europe Un-Imagined: Nation and Culture at a French-German Television Channel.* Toronto: University of Toronto Press. DOI: https://doi.org/10.3138/9781442624795

Takatoshi I., Takeo H. (2020) *The Japanese Economy.* Cambridge: MIT Press.

Zabaleta I., Ferré-Pavia C., Gutierrez A., Fernandez I. et al. (2014) European Minority Language Media and Journalism: Framing Their Marginal Reality. *International Communication Gazette* 76 (3): 275–295. DOI: https://doi.org/10.1177/1748048513516907

Поступила в редакцию
08.03.2021

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика» — рецензируемое научное издание с периодичностью выхода 6 раз в год. Публикуемые в нем материалы посвящены проблемам журналистики, СМИ, массовой коммуникации. Журнал ориентирован на публикацию статей, представляющих собой результаты самостоятельного исследования, организованного и проведенного в рамках научного подхода. Авторы — ведущие российские и зарубежные ученые и исследователи.

Журнал имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете (для подписчиков), включен в систему Российского индекса научного цитирования, оформляется в соответствии с требованиями ВАКа. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Плата за публикацию в «Вестнике Московского университета. Серия 10. Журналистика» с авторов не взимается.

Статьи в журнале публикуются только после получения положительной рецензии. Рецензентами могут выступать все кандидаты и доктора наук факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, а также сотрудники иных образовательных учреждений Российской Федерации и зарубежных стран, имеющие достаточную квалификацию в соответствующей научной области, получившие ученую степень и обладающие авторитетом в научной среде. Редакционная коллегия принимает на себя обязательства по поиску рецензентов и организации процесса рецензирования.

По решению редакционной коллегии рукопись принимается, отвергается или возвращается автору на доработку. Авторы обязаны учесть замечания рецензента и внести в статью соответствующие исправления. В случае отклонения статьи редакционная коллегия направляет автору мотивированный отказ. Рецензии хранятся в редакции, копии их предоставляются по требованию авторам рукописей.

Статьи авторам необходимо отправлять на электронную почту журнала vestnik_journ@mail.ru. Материалы размещаются в номерах по тематическому принципу либо согласно дате поступления в редакцию в соответствующие рубрики.

Все присылаемые статьи должны содержать следующие обязательные элементы:

1) Сведения об авторе на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, место работы, контактная информация автора (телефон и электронный адрес).

2) Аннотация (abstracts) и ключевые слова (key words) на русском и английском языках. Аннотация должна кратко излагать проблематику статьи и основные содержащиеся в ней выводы. Ключевые слова после аннотации отражают основное содержание текста.

3) Примечания, оформленные в виде концевых сносок (если есть). Через концевые сноски также оформляются библиографические ссылки на периодику (газеты, журналы общего интереса); интернет-источники; художественную, деловую, научно-популярную литературу; словари, справочники, отраслевые доклады; учебники и учебные пособия; архивные данные.

4) Пристатейные библиографические списки (Библиография) у всех статей – в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования.

В список литературы включаются: монографии; сборники научных статей; научные статьи, опубликованные в научных журналах и сборниках. В список литературы вносятся только источники, на которые есть внутритекстовые библиографические ссылки.

Ссылки в тексте приводят в круглых скобках – в них указывается фамилия автора, год издания произведения и номер страницы, который отделяется от года двоеточием. Например: (Иванов, 1998: 125). При повторном цитировании: (там же: 128) для русскоязычных источников или (Ibid: 123) для иностранных источников.

Объем рукописи не должен превышать один печатный лист (40 тыс. знаков с пробелами). Оптимальный размер статьи – 20–30 тыс. знаков с пробелами. Текст статьи должен создаваться в формате doc (docx, rtf), шрифтом Times New Roman, 12 кеглем, с полуторным межстрочным интервалом.

Статья должна начинаться с введения (обоснование актуальности и научной значимости исследования, теоретические подходы к проблеме, поставленная автором задача, корпус имеющих отношение к проблеме текстов). Введение может быть дополнено отдельным разделом, в котором предоставляется обзор литературы по проблеме и теоретические выкладки. В этом разделе (разделах) должна быть представлена большая часть отсылок к предыдущим работам по теме материала.

Если в статье есть компонент эмпирического исследования, в ней должны быть отдельные разделы, описывающие методологию и результаты исследования. Основная часть статьи заканчивается выводами.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных, географических данных и иных сведений.

Редакционная коллегия журнала:

- непредвзято, взвешенно и объективно оценивает все поступающие материалы;
- при работе с материалами руководствуется лишь критериями оригинальности, научной значимости и актуальности текстов;
- до публикации обеспечивает конфиденциальность всех рассматриваемых текстов;
- гарантирует отсутствие личных интересов в работе с материалами сторонних авторов;
- не принимает от авторов вознаграждений в явной или неявной форме;
- борется с плагиатом всеми доступными способами;
- строго следует нормам законодательства, установленным правилам и процедурам.